

**Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**№ 1 (39) 2013
ISSN 1996-0522**Учредитель**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**Издатель**Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**РЕДАКЦИОННО-ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ****Философия**С.В. Борисов – д.ф.н., профессор
Ю.Г. Ершов – д.ф.н., профессор
В.А. Лоскутов – д.ф.н., профессор
А.В. Павлов – д.ф.н., профессор
В.Д. Попов – д.ф.н., профессор
А.С. Чупров – д.ф.н., профессор**Политология**С.Г. Зырянов – д.полит.н., профессор
А.В. Понеделков – д.полит.н., профессор
О.Ф. Русакова – д.полит.н., профессор**Социология**Е.В. Грунт – д.ф.н., профессор
Н.Б. Костина – д.с.н., профессор**Юриспруденция**В.Г. Графский – д.ю.н., профессор
С.В. Кодан – д.ю.н., профессор
А.Б. Сергеев – д.ю.н., профессор**Экономика**О.В. Артемова – д.э.н., профессор
Т.Ю. Савченко – к.э.н., доцент**Культурология**С.С. Загребин – д.и.н., профессор
Л.Б. Зубанова – д.культурологии, доцент
А.Н. Лукин – к.культурологии, доцент**История**С.В. Нечаева – к.и.н., доцент
В.Н. Новоселов – д.и.н., профессор
С.С. Смирнов – д.и.н., профессор**Главный редактор**доктор политических наук,
профессор С.Г. Зырянов**Заместитель главного редактора**доктор философских наук,
профессор А.С. Чупров**Редакция**А.Н. Лукин – зав. рубрикой философии
С.Г. Зырянов – зав. рубрикой политологии
Е.В. Грунт – зав. рубрикой социологии
А.В. Ильиных – зав. рубрикой
государства и права
Т.Ю. Савченко – зав. рубрикой
экономики и управления
С.С. Загребин – зав. рубрикой культуры
В.Н. Новоселов – зав. рубрикой истории
А.В. Павлов – ответственный
за международные контакты**Ответственный секретарь**

кандидат философских наук А.А. Куштым

Свидетельство о регистрацииПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Подписано в печать 08.02.2013 г.

Формат 70×108^{1/16}.

Усл.п.л. 8,75. Тираж 1000 экз.

Заказ № 3008

Издание подготовлено к печати

и отпечатано

в ОАО «Челябинский Дом печати»

454080, г. Челябинск,

Свердловский пр., 60

Цена свободная

СОЦИУМ**А.В. Павлов**Заметки о современности и субъективности.
Критерий современности 5**В.А. Жилина**

Трансформация устоев российской цивилизации 15

Т.И. Грабельных, Е.В. ЛесниковаИнтеграционные изменения гражданского
общества как доминанта регионального
развития 18**С.В. Борисов**Гуманизм и Просвещение: обретение гармонии
или углубление конфликта? 24**Э.Г. Чернова**Потенциал мировоззренческих дисциплин
в системе высшего профессионального
образования 30**В.Н. Усов**Роль философии в стратегическом
предопределении образования 32**О.Э. Иванова**е-смысл и образование «третьей волны»:
истинность и трансформация 35**В.А. Нехамкин**Балканизация как социальный процесс:
прошлое и будущее 40**ВЛАСТЬ****С.С. Сулакшин**Институт государства в мегаистории:
современное состояние
и перспективы развития 45**Ю.А. Киричек**Структуры повседневности и политическая наука:
особенности обыденного познания 52**Е.В. Коган**Диалог как принцип организации
коммуникативной деятельности субъектов
политического поля в Челябинской области 57**А.В. Зайцев**Интеракция власти и общества
как переговорный процесс:
лингвополитологический аспект 66

Публикация отозвана 30.05.2023

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО**А.Б. Сергеев**Особое мнение судьи в системе отправления
правосудия в уголовном судопроизводстве 71**А.С. Федотова**Понятие «территория порта»
по законодательству Украины 76

**ИНФОРМАЦИЯ
ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ И АВТОРОВ****Научный журнал
«СОЦИУМ И ВЛАСТЬ»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала и касаться различных (политического, социального, экономического, правового и др.) аспектов состояния социума и его взаимоотношений с государственной и муниципальной властью.

В соответствии с решением президиума Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки РФ (ВАК) журнал «Социум и власть» включен в **Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по направлениям: философия, политология, социология, юриспруденция, экономика, культурология, история.

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 139.

**Ваши материалы направляйте
в редакцию по адресу:**

454071, г. Челябинск, а/я 6511

Телефон редакции:
(351) 771-42-30

E-mail: kushtym@rane74.ru

Адрес в Интернете
<http://rane74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке
ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 6 раз в год,
распространяется по подписке
в отделениях почтовой связи.

Подписной индекс
по Российской Федерации
46536

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.А. Костин, Н.Б. Костина
Коммуникация как сервисно-управленческая
функция 81

Н.Ю. Коротина
Возможности роста доходов муниципальных
образований в Российской Федерации 86

КУЛЬТУРА

В.Д. Попов
Культура и экономика: потребность в духовно-
информационном детерминизме 91

Е.Н. Курбан, М.В. Кривошлыкова
Межкультурное взаимодействие
и межкультурная коммуникация: к определению
аспектов 97

А.Г. Кислов
Культура интеллектуального досуга:
к стратегии edutainment 102

М.Т. Шафиков
К вопросу о принципах и законах развития
науки в современной России 109

ИСТОРИЯ

Г.С. Смирнов, С.С. Смирнов
Система социальной реабилитации инвалидов
на Южном Урале в условиях
«монетизации льгот» (2004–2010) 114

А.А. Абрамовский, А.П. Абрамовский
Формирование и деятельность органов охраны
правопорядка в первый год пролетарской
диктатуры: Красная гвардия Челябинска 119

И.Д. Панькин
Историки о становлении танкового
производства на Урале в годы
третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.) 124

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Н.Н. Макарова
К вопросу о системе личных связей
в Советской России 129

**Scientific journal
«SOCIUM and POWER»**

№ 1 (39) 2013
ISSN 1996-0522

Founded by
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

Published by
Chelyabinsk branch of
the Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

S.V. Borisov – Ph.D., professor
Yu.G. Ershov – Ph.D., professor
V.A. Loskutov – Ph.D., Professor
A.V. Pavlov – Ph.D., Professor
V.D. Popov – Ph.D., Professor
A.S. Chuprov – Ph.D., Professor

Political Science

S.G. Zyrianov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
A.V. Ponedelkov – Dr. Sc. (Political Science),
Professor
O.F. Rusakova – Dr. Sc. (Political Science),
Professor

Sociology

E.V. Grunt – Ph.D., Professor
N.B. Kostina – Dr.Sc. (Sociology), Professor

Law

V.G. Grafskiy – LLD, Professor
S.V. Kodan – LLD, Professor
A.B. Sergeev – LLD, Professor

Economics and Administration

O.V. Artyomova – Dr. Sc. (Economics),
Professor
T.Yu. Savchenko – Cand. Sc. (Economics),
Assistant Professor

Cultural Studies

S.S. Zagrebin – Dr. Sc. (History), Professor
L.B. Zubanova – Dr. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor
A.N. Lukin – Cand. Sc. (Cultural Studies),
Assistant Professor

History

S.V. Nechaeva – Cand. Sc. (History), Assistant
Professor
V.N. Novoselov – Dr. Sc. (History), Professor
S.S. Smirnov – Dr. Sc. (History), Professor

Editor-in-Chief

Doctor of Political Science, Professor
S.G. Zyrianov

Deputy Chief Editor

Doctor of Philosophy, Professor
A.S. Chuprov

Editorial board

A.N. Lukin – Head of Philosophy Dept
S.G. Zyrianov – Head of Political Science Dept
E.V. Grunt – Head of Sociology Dept
A.V. Ylyinykh – Head of Law and State Dept
T.Yu. Savchenko – Economics and management
S.S. Zagrebin – Head of Cultural Studies Dept
V.N. Novoselov – Head of History Dept
A.V. Pavlov – International Relations

Executive editor

Cand. Sc. (Philosophy)
A.A. Kushtym

Certificate of Registration

PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service for
Mass Media and Communications

Passed for printing on 08.02.2013.
Format 70×108¹/₁₆.
Reference sheet area. 8,75. Issues – 1000.
Order № 3008.

This edition has been designed and printed at
454080, Chelyabinsk,
Sverdlovskiy prospekt, 60.
Free price

SOCIUM

A.V. Pavlov

On modernity and subjectivity. Modernity
and adaptivity..... 5

V.A. Zhilina

Transformation of Foundations of Russian
Civilization 15

T.I. Grabelnykh, E.V. Lesnikovskaya

Civil society transformation as a dominant
of regional development 18

S.V. Borisov

Humanity and Education: discovery
of harmony or deepening of the conflict? 24

E.G. Chernova

The capacity of ideological disciplines
in the system of higher vocational
education system 30

V.N. Usov

Role of philosophy in strategic predesignation
of education 32

O.E. Ivanova

E-sense and education during «The third wave»:
Truth and Transformation 35

V.A. Nekhamkin

Balkanization as a social phenomenon:
the past and future 40

POWER

S.S. Sulakhshin

The institution of statehood in megahistory:
its past and modern status and
prospects for development 45

Y.A. Kirichek

Structures of the routine and the political
science: features of the routine cognition 52

E.V. Kogan

Dialogue as a communicative activity
management principle for the subjects
of Chelyabinsk region's political realm 57

A.V. Zaitsev

The dialogue of actors of political
communication as a process of negotiation:
linguistic and political aspect 66

Retracted 30.05.2023

STATE AND LAW

A.B. Sergeev

The dissenting opinion of a judge
in the justice distribution system as part
of criminal court procedure 71

A.S. Fedotova

The concept of “port area” under the laws
of Ukraine 76

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included in the **list of leading reviewed scientific journals and publications**,

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, sociology, law, economics, cultural studies, history.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 140

Please send your articles to the editor's office at:

454071, Chelyabinsk, PO 6511
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

Website:
<http://rane74.ru>

Disclaimer:

Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved.

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices

**Subscription index in
Russia
46536**

ECONOMICS AND MANAGEMENT

V.A. Kostin, N.B. Kostina

Communication as a service management function 81

N.Y. Korotina

Possibility of revenue growth for the municipalities in the Russian Federation 86

CULTURE

V.D Popov

Spiritual and informative enlightenment of economists 91

E.N. Kurban, M.W. Krivoshlykova

Cross-cultural interaction and communication: to definition of the aspects 97

A.G. Kislov

Culture of intellectual leisure: to the edutainment strategy 102

M.T. Shafikov

To the issue of science development principles and laws in new Russia 109

HISTORY

G.S. Smirnov, S.S. Smirnov

The system of social rehabilitation of disabled people in the South Urals as part of «benefits monetization» process (2004–2010) 114

A.A. Abramovskiy, A.P. Abramovskiy

Formation and activities of public security units in the first year of dictatorship of the proletariat: the Red Guard of Chelyabinsk 119

I.D. Pankin

Historians on development of tank manufacturing in the Urals during the third 5-year cycle (1938–June 1941) 124

CRITICISM AND REVIEWS

N.N. Makarova

On personal connections system in Soviet Russia 129

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОСТИ И СУБЪЕКТИВНОСТИ. КРИТЕРИЙ СОВРЕМЕННОСТИ

УДК 17.022

А.В. ПАВЛОВ

10.

Представляя современность пространством взаимных оценок в параметрах современности/несовременности, пространством, где субъекты идентифицируют своих партнеров, мы оказываемся перед необходимостью видеть точку отсчета в этих субъектах и искать качество современности именно в них. Проще говоря, *каждый субъект современен самому себе*, и именно поэтому, интенционально проецируясь вовне, он может окружающую его реальность оценивать как современную или несовременную, то есть, созвучную его опыту и самосознанию или нет.

Конечно, применительно к себе никто о современности не говорит, эта категория служит только для оценки внешних обстоятельств, но *критерием такой оценки выступает именно субъект, и в первую очередь, человеческий индивид*. Он – критерий, несмотря на то, что содержание его внутреннего мира и его субъективности в значительной мере унаследовано от прошлого. Любое прошлое в каждый момент жизни присутствует в нас «здесь и сейчас», и это актуальное присутствие вытесняет историческое происхождение.

Общественное прошлое предопределяет человека лишь в той мере, в какой оно человеком усвоено и не замечено, стоит его отрефлексировать, как оно оказывается одним из ориентиров нашего выбора собственного будущего. Поэтому будущее любого социального процесса или явления не может прогнозироваться классическим способом: путем анализа прошлого, сравнения с сегодняшним состоянием и эксплицитным распространением обнаруженной якобы «тенденции» на перспективу. Точнее, может, но только в условиях абсолютно стохастических обществ, где равные единицы производно взаимодействуют друг с другом, по принципу войны всех против всех Т. Гоббса. Только для них работают т.н. «статистические законы общественного развития», для них правомерна формула Энгельса «столкнове-

ние волей и интересов стихийно действующих индивидов». Оно может прогнозироваться классическим способом в случае «бездумных обществ», лишенных такой глупости, как рефлексия, а значит, поэзия, философия, литература, искусство и т.п. Невежественное общество – мечта современных политиков – легко прогнозируется этим способом. И разумеется, так прогнозируется общество солдатских казарм и лагерей.

Но эти три вида социумов – абстрактные модели, лишь изредка отдаленно приближающиеся к реальности. Иначе не было бы бунтов в лагерях, дедовщины в армии, иначе почти тотально невежественный и истово воцерковленный народ не устроил бы в 1917 г. мощнейший и кровавейший социальный взрыв. Последнее особенно заслуживает внимания в сравнении с таким же по историческим последствиям и глобальности переворотом, но почти бескровным, произведенным в 1991–92 гг. образованным и мыслящим советским народом.

Дело не в том, насколько объемны и многомерны модели, положенные в основу постановки и решения проблемы будущего, это важно, но вторично. Дело в том, насколько учитывается, что это – модели человеческого выбора, непрерывно осуществляющегося в современности, выбора, делающегося персонально каждым. Именно этот выбор способен определить и придать устойчивые очертания непрерывно меняющемуся облику социального будущего.

Вопреки распространенным взглядам, восходящим к классике Просвещения и XIX в. [см. напр. З, с. 121], человек, хотя и является по своей форме биосоциокультурным существом, но не вполне таков по содержанию. Его бытие в мире изначально *не детерминировано* природными, социальными и культурными факторами. Эти факторы – лишь материал, из которого мы конструируем облик собственного и социального будущего. Я-субъективность и ее выбор – та точка отсчета, с которой только и начинается определение перспективы общественной жизни.

* Окончание. Начало в № 6. 2012.

Нам по-сартровски безразлично, откуда пришли мысли, чувства, переживания, наполняющие нас именно сейчас, настолько безразлично, что мы даже и не думаем об этом, они – наша память и опыт. Главное то, что они – наши, они есть мы и они «сейчас и здесь» характеризуют наше отношение к внешним обстоятельствам. Они – наша сформированность, находящаяся в переживаемом мгновении, благодаря которой это мгновение оказывается наконечником стрелы человеческой жизни, устремленной в будущее.

Пребывание прошлого опыта здесь и сейчас в человеческой душе, равно как и пребывание еще не свершившегося будущего в мечтах, желаниях, целях и надеждах определяют единство личности на протяжении всей ее жизни. Непосредственная данность «здесь и сейчас» самому себе – узел, связывающий жизнь в одно целое, фокус, сводящий все ее лучи в одну яркую точку мгновения. Эта точка и есть «Я», в ней и сосредоточена субъективность, позволяющая даже к собственному прошлому и будущему относиться дистанцированно, как к чему-то «другому» и оценивать их. Отсюда и следуют те характеристики субъективности, которые Ю. Хабермас выделил у Г. Гегеля: индивидуализм, критическая нацеленность, автономия действия и идеализм.

Непосредственная данность человека самому себе именно здесь и именно сейчас оказывается онтологическим основанием его субъективности и источником всех других субъектов, происходящих из этого основания, в том числе, и социальных. Нация, этнос, народ, государство, класс, группа, коллектив, корпорация, социум, общество – все это опирается лишь на отдельные характеристики субъективности индивидов, и все это существует только в силу их согласованности, способности к сосуществованию или в событии. Согласно люди жить совместно друг с другом – есть общество, не согласны – нет общества, какие бы внешние силы ни принуждали их к сближению.

11.

Онтология любого субъекта – это человеческое самобытие, идентифицирующее себя как «Я». Поэтому, в конечном счете, именно «Я» персонально каждого человека становится точкой отсчета его собственной современности и субстанцией, делающей современность оценочной координатной сетью. Человеческой деятельностью эта сеть акцентуруется и претворяется в реальные оформленные процессы, мы действуем

в соответствии со своими оценками. Благодаря же многообразию отличающихся друг от друга «Я», продуцирующих свои координатные сети и стремящихся практически организовать вокруг себя среду, состоящую не только из неодушевленных предметов, но и из других «Я», образуется динамичная архитектура общественной жизни, как ее непрерывно меняющаяся, но в то же время и сохраняющая ее качество форма. Тогда мы и говорим о социальном пространстве, общем и легитимном для каждого участвующего в нем «Я», как рациональном пространстве коммуникаций, в которое каждое «Я» вкладывает свои значения, но имеет и легитимные для него формальные точки контакта с «другими», и в конечном счете, мы говорим о пространстве привычно упорядоченного мира, о цивилизации.

Современно то, что вовлечено в «мой» жизненный мир, то же, что никак в «моей» жизни не участвует – несовременно. То, по отношению к чему я вообще не могу задаваться вопросом о смысле – только пустой и бессодержательный знак, не способный стать жизненным ориентиром, каким, например, является транснептуновое облако Оорта для филолога-германиста или агглютинация в немецком языке для астронома, может быть, и говорящего по-немецки, но понятия не имеющего об агглютинации. Взаимодействие субъектов в рамках общего и ограниченного пространства создает координатную сеть современности, благодаря чему вообще можно использовать это понятие для оценки всех общественных процессов в той мере, в какой они обусловлены культурой и в течение того времени, пока эта сеть существует и легитимно работает. В рамках этой пространственно-временной сети координат и складывается «норма», позволяющая отличать современное от несовременного, свое от чужого, цивилизованное от нецивилизованного.

В таком случае, для любого живого человека современность тотальна, и помимо нее ничего попросту нет. Все формы прошлого являются вовлекаемыми в современность и существующими в ней предпосылками и памятниками, все варианты будущего – создаваемые в современности проекты и утопии или изложенные в современной литературе, вложенные в продукты и памятники культуры нынешние мечты. Мы проецируем мечту на прошлое как на единственный имеющийся у нас материал, и прошлое сразу помещается в будущее, так мечта о великой империи означает воссоздание и реконструкцию той империи, какая уже была и непосредственно предшествовала переживаемым временам.

Мы живем только в современности, и тогда понятно восклицание святого Августина в его «Исповеди»: «Что же такое время? Если никто меня об этом не спрашивает, я знаю, что такое время; если бы я захотел объяснить спрашивающему – нет, не знаю!» [1, с. 292]. Время, которым мы пользуемся, не более чем механические часы, абстрактный измерительный инструмент, очень удобный и полезный для рациональной практики, при анализе и организации социальных процессов, но мешающий жить. Время несовременно, и поэтому в своем существовании никому не известно. Однако, вырастая из нашей жизни и возвращаясь назад в нее, оно принимает облик заданной извне объективной формы нашего существования, чей субъективный смысл остается загадочным, как загадочна душа другого человека.

12.

Мы живем в современности, а вот другие – неизвестно где, то же, что мы называем «временем» на поверку оказывается нацеленной на нас чужой деятельностью, которой мы сопротивляемся своими поступками. И тогда в нашей с другими соэзистенции образуется своеобразный сплав конкретной современности с абстрактным временем, субъективно-объективная координатная сеть, где объективированное время представлено календарем и часами, а субъективная современность – оценками. В этой-то сети и возникает феномен норм, упорядочивающих межличностные коммуникации. Нормы становятся отчасти внешней, объективной принудительной силой, упорядочивающей общественную жизнь, другой же частью, они – субъективные побуждения к тому, чтобы навести порядок в собственной жизни, и наконец, они – привычки к устоявшемуся порядку.

В общественной жизни взаимодействие времени с современностью, смысла с неизвестностью и бессмысленностью создает ее общественной жизни пространство, где проблема пропорции становится первостепенной. Порядок наводится в пространстве современности, это пропорция межличностного существования. Необходимо и сохранить свое человеческое самобытие, и вместе с этим не утратить связь с другими людьми. Причем, задача заключается в сохранении такой связи, в которой формальные объективные коммуникации наполняются живым и конкретным диалогом. Стоит пропорции нарушиться, а индивидам разойтись, как объективность оборачивается абсурдом существования, а субъективность – «вселенским одиночеством» человека. По мере роста диспропорции в общественной жизни усиливаются

феномены одиночества и абсурда, частично характеризующие постмодерн, но больше всего – межцивилизационное состояние.

Как объективированные феномены, социальная, культурная и прочие нормы порождены требовательными к нам отношениями других людей. Мы не знаем суда, мы знаем судью, прокурора и адвоката, нам неизвестно право, но известен полицейский и поддерживаемые им правила общежития, мы нигде не встречаемся с государством, зато очень часто – с чиновниками и военнослужащими.

Но вместе с этим, вследствие своей субъективности нормы ничего вещного собой не представляют. В реальности общественной жизни это своеобразные галлюцинации, подобные чертикам у алкоголика. Тем не менее, эти чертики совсем не озабочены тем, что их нет. Заставляя поражаться абсурду происходящего, они все равно принудительно направляют и мысли, и поступки. Социальные нормы необходимы как общие точки отсчета, и на их основе возникают фантомные образования правосознания, государственного мышления и т.п., как инструменты регулирования общественной жизни с позиции системы норм.

Поэтому, когда речь идет о взаимоотношении «своего» с «чужим» в контексте современности, норма – эпифеномен, она исключительно фантомна, релятивна и неустойчива в полном соответствии со взглядами некоторых философов-постмодернистов. Но когда дело касается отношений внутри одного человеческого сообщества, сложившегося в соответствии с этой нормой, где нет «чужих» и все «свои», она вполне реальна, объективирована, устойчива и значима. Она воплощена в технологиях, архитектурных проектах, организационных схемах, планах городской застройки и т.д. И, несмотря на субъективное происхождение и фантомное существование, отчасти незаметно для людей она формирует сознание, подобно родному языку, усваиваемому с рождения, а отчасти предлагает осознанный выбор и становится его ориентиром, как иностранный язык, изучаемый в зрелом возрасте. Пациенты одной палаты вполне могут сравнивать своих чертей и спорить, какой симпатичнее, но равно не сомневаются в их существовании.

13.

Ю. Хабермас, выявив у истоков рефлексии современности в философии Г. Гегеля, констатирует два ключевых момента.

1. «Открытие Нового Света, а также Ренессанс и Реформация – эти три великих события,

произошедших около 1500 г., образуют порог эпох между Новым временем и Средними веками» [2, с. 10]. Это означает, что, по меньшей мере, Средние века являются тотально не-современными, а значит, в истории человечества существуют категорически несовременные эпохи. Современность же начинается с этими тремя великими событиями.

2. Именно после них рождается субъективность как историческая данность со своей особой онтологией. И эта субъективность, по Гегелю, обладает четырьмя свойствами, побуждающими ее привносить в мир четыре коннотации, которые становятся значимыми и для Ю. Хабермаса: а) *индивидуализм* как своеобразие, именно в модерне имеющее право претендовать на признание; б) *право на критику*: «принцип модерна требует, чтобы обоснованность того, что должен признавать каждый, была для него очевидной»; в) *автономию действия*: «времени модерна присуще, чтобы мы добровольно принимали на себя ответственность за то, что делаем»; г) *философский идеализм*: «Гегель рассматривает в качестве деяния модерна то, что философия постигает знающую себя идею», – то есть эпоха с помощью своей философии идентифицирует себя именно как Модерн [2, с. 17].

Однако кому, какому бытию принадлежит это качество субъективности, кто именно благодаря ему является субъектом? По мысли Гегеля, субъектом оказывается «дух времени», который в его эпоху формирования наций и национальных государств, а особенно в Германии, где этот процесс только начинался, легко интерпретировать как «народ» со своей особой самобытной культурой. Именно так его понимают и германские романтики, и вообще господствующая на тот момент европейская мысль, нередко находившая Модерн в движениях за национальную независимость.

Но именно в эту эпоху зарождается не только национализм, или, говоря мягче, патриотизм, но и оппозиционный ему индивидуализм. Индивид – это *индивидуальная предпосылка*, где каждый самостоятельно и своеобразно заявляет о себе, *практически действующая предпосылка* и такая, чья деятельность направлена на столь же конкретные и единичные условия жизни. Как таковая, эта *индивидуальная предпосылка* выступает методологической основой, побуждающей исследователя видеть мир своими глазами, изучать и осмыслять его собственным разумом, а не чужим, т.е. она ориентирует на личное самобытное творчество.

В реальной общественной жизни рациональность перестает быть традиционным те-

оретическим предписанием, она отныне всякий раз создается заново участвующими в ней субъектами. Она создается интуитивно в том значении, что практические субъекты опираются на свой внутренний опыт самобытия в реальных условиях, собственным осознанием они придают этому опыту форму разума, а их частные разумы становятся зародышами возможной будущей рациональности. Множество различных разумов сталкиваются в диалоге как в поединке, интегрируются, объединяя вместе с этим и свои разные опыты, и совместно трансформируют унаследованную традиционную рациональность, превращая ее в живой исторический процесс.

Живые человеческие индивиды своей рефлексией, «монологами» и практикой порождают то, что позднее будет называться в СССР «буржуазным индивидуализмом». Они начинают новый этап противопоставления разума природе через противопоставление своего личного бытия «народному», социальному бытию и национальному государству. И они получают возможность создавать свой, личный рационализм, восходящий к их разуму и вступающий в оппозицию с рационализмом исторически сложившихся институтов и традиций.

И таким образом, *онтология современности зарождается в индивидуальном самобытии человека, а он, в свою очередь, получает право оценивать мир в параметрах «современное/несовременное» всякий раз, когда встречается с таким же самобытием другого или не находит его.*

Современность же становится онтологической основой истории, которая теперь не история завершеного прошлого, а история еще не свершившегося будущего. А следовательно, формула М. Хайдеггера, согласно которой бытие есть время, а время есть бытие может быть конкретизирована. Не просто бытие, не «чашность чаши», а человеческое самобытное практически-творческое бытие есть время его жизни. Оно создает современность, из которой непрерывно рождается история. И именно в истории, нацеленной на будущее, современность и существует.

Рациональность же из традиционалистской и монологической все больше превращается в диалогическую и коммуникативную рациональность Ю. Хабермаса. Наметившееся взаимное отчуждение социального и индивидуального в перспективе обуславливает актуальную сегодня проблему комплементарности двух рациональностей: социальной и индивидуальной, проблему того, каким образом личный разум человека соотносится с предъявляемыми ему общими требованиями.

14.

Итак, можно заметить, что, в различные эпохи современность разная, она зависит от того, что или кто именно идентифицируется как своеобразная «субстанция», источник творческой преобразующей активности. Если, например, в Средние века таким источником был Христос, то и современность фактически представляла собою братство во Христе, следовательно, и все христиане были современниками друг другу, а несовременным было разнообразное, унаследованное от античности и собственное родоплеменное язычество. В эпоху Модерна источником и точкой отсчета современности выступала Нация, в политическом плане отождествляемая с Государством. Несовременными же были любые проявления индивидуализма.

Это значит, что современность является основным внутрикультурным противоречием, в котором противоборствуют именно культуры и их ценности. И в этом противоречии каждая сторона стремится отобрать у партнера инициативу и самой стать критерием и точкой отсчета современности.

Современники друг другу все, кто прямо или косвенно являются субъектом такого противоречия, участвуют в нем. *Сегодня современность там, где есть индивидуальность-личностная самобытность людей, а наши современники – те, кто обладает такой самобытностью и, отличаясь от нас, находится с нами в общей системе коммуникаций и в диалоге.*

Источником же современности наших дней оказывается «Я», понятие, в первую очередь, как самобытие, утверждающее себя в практике, ориентированной на других. А наряду с ним, и актуальный для нас в качестве сотрудника/соперника «Другой». Между «Я» и «Другим» располагается пространство современности, организуемое как ими, так и «нормой», возникшей в точках комплементации.

Будучи же «субстанцией» творчества, современность становится не только разрывом с прошлым, но и идеалистической ориентацией на будущее, открытием его для себя и его созиданием. Это как бы «временная линия современности». Этот вывод делает Гегель, и к такому же заключению приходит Ю. Хабермас: «Так как новый мир, мир модерна отличается от старого тем, что открывает себя будущему, то в каждом моменте современности, порождающей новое из себя самой, повторяется и приобретает характер непрерывности процесс зарождения новой эпохи заново, так происходит снова и снова» [2, с. 12].

Время в контексте современности разных эпох очевидно различное. В Средневековье – это время самосовершенствования человека в направлении к Богу и вечности. Для Модерна – это время целенаправленного воплощения или разрушения национально-государственных утопий, революций и реакций, государственного самоопределения этносов и их превращения в нации, научного и технического прогресса. Сегодня это время как целенаправленного личностного самоформирования, так и спонтанного самоизменения, когда важно не столько направление развития, сколько непрерывное утверждение себя в качестве субъекта своей жизни.

Такая современность оказывается безнадежно конфликтной, если в ней не будет найден баланс открытого идеального будущего и закрытого, завершеного и ставшего материальным прошлого, и если «Я» не достигнет паритета с другими. И если коммуникативная современность Ю. Хабермаса не станет при этом современностью содержательного, экзистенциального диалога личностей.

15.

Однако, индивидуализируясь и получая в традиции от Гегеля до Хабермаса двойственный характер, современность приобретает и особый насыщенный динамизм, не просчитываемый и не прогнозируемый никакой логикой, как не может быть наперед просчитана человеческая судьба.

С одной стороны, современность – закрытость, завершенность, осуществленность. Прошлое в современном превращается в его материал, в телесность и внутреннюю форму, в данность «Я» самому себе в качестве того, кто это «Я» есть и каким оно себя находит и удерживает. «Я» советского человека – в постсоветские девяностые годы, «Я» безудержно свободных девяностых – в 2000-е, «Я» француза эпохи belle France или эпохи оккупации – в Париже 1960-х гг. или «Я» американца холодной войны – после ее окончания. Это всё данность, ставшая точкой опоры и фокусом самоидентификации, утрата которой оказывается для человека его культурной смертью и переживается мучительно.

Но это такая данность, которая указывает направление жизнедеятельности. Конечно, направление только указывается, оно не предопределяется жестко и однозначно с детерминистской неизбежностью, но чтобы выйти за его пределы требуется приложить особенно большие усилия, как в песне В. Высоцкого «Чужая колея». Прошлое прокладывает

вает такую колею для будущего, но выход из нее все-таки возможен.

С другой стороны, она – открытость, незавершенность, неосуществленность будущего, какое в этой же современности существует как бесформенность, хаотичность, критика и деструкция любых институтов. И тогда современность оказывается сплавом будущего и прошлого, открытости и закрытости, двух тенденций, обеспечивающих ее динамику. Но обе эти тенденции – качество современности, а не самостоятельные объекты, и это означает, что любая из них, прошлое ли, будущее, они всегда впереди, а не за спиной. Прошлое – консервация формы, будущее – обновление, а сама современность – единственное реально существующее состояние.

А значит, если мы хотим найти такой ответ на требования новых обстоятельств, какой обеспечил бы не просто временное выживание, а перспективу, то творчество *новой* формы не может рассчитываться по старым правилам и опираться на *старые* основания. Оно не может быть проектом и целью движения, разработанным средствами уже устоявшейся классической рациональности.

Любая перспектива современности, найденная в ней самой, – это мечта. Она вполне может стать рациональным проектом и целью осознанного социального конструирования. Но для этого ей необходимо интегрироваться с мечтами других людей и создать сеть общепринятых значений и коммуникаций, придумать собственную утопию и свой рациональный идеал, взяв их исключительно в современности. Чем больше людей достигли друг с другом комплементарности в общем социокультурном субъекте, тем больше утопия и идеал легитимны, в них каждый находит собственный смысл. Чем меньше интегрировавшихся индивидуальных субъектов, тем меньше легитимности и больше насилия требуется для воплощения этой идеи и утопии в жизнь, тем абсурднее и недолговечнее оказывается созданный социальный строй.

Современность же при этом становится *индивидуальным действием по воплощению личной мечты, по непрерывному самоизменению в сторону друг друга для достижения комплементарного согласия*. Такого согласия, когда отдельные частные субъекты способны оставаться самими собой, людьми, нашедшими место в новой реальности, но вместе с этим способны существовать, быть взаимно легитимными и приемлемыми друг для друга.

16.

Итак, современность оказывается человеческим действием, а время как единство прошлого и будущего в настоящем становится объемом, ограничивающим это действие, местом, где оно протекает, своеобразной «точкой преломления» внешних форм во внутриобусловленную активность субъекта и, наоборот, самостоятельной деятельности субъекта во внешние формы.

Такое место взаимопроникновения есть, в первую очередь, человек, непрерывным трудом создающий самого себя всю его жизнь. Его «Я» выглядит двояко. С одной стороны, оно *культурное* и *только культурное* тело, где самосозидание становится поиском и утверждением идентификации с собственным реальным или выдуманным прошлым. «Я» осознает себя в качестве такового, идентифицируясь со своими предпосылками, пришедшими из прошлого, и с идеалом будущего, обусловленным этими предпосылками.

Например, «Я» русского человека, нашедшего опору в традициях и институтах прошлого, или в тех новообразованиях, какие идеологически выдаются за пришедшие из глубины времен, но отчетливо осознавшего идеал будущего как продолжение традиции. Это, и в самом деле, «Я», но «Я» рациональное, противопоставившее себя прошлому, увидавшее его «со стороны», а затем осуществившее акт самопринуждения, насильственного впихивания себя в его рамки. Это «Я» минувшей эпохи, дожившее до наших дней, а потому – телесное и материальное.

Но с другой стороны, телесное «Я» – только одна из возможных форм *живого* «Я», которое попросту *есть*, осознает не себя, а внешнюю реальность, себя себе не противопоставляет, а лишь живет и мыслит, существует и оперирует своими внутренними формами и возможностями, подыскивая предпочтительную перспективу.

Прошлое – это данность «здесь и сейчас». Существовая как предзаданность и как внутренняя форма современности, оно не имеет качества *минувшего*, подобно тому, как физическое тело человека тоже является данностью и «моим телом» и в «моих глазах» не имеет никакого существенного отношения к эволюции биологического вида, а тем более, всей планетарной биосферы. «Я» знает про эту эволюцию, но такое знание абстрактно, оно гораздо менее существенно, чем знание о способах пропитания, поддерживающего биологическую жизнь. Без знания эволюции жить можно, а без способов пропитания – нет. И в этом случае, живое

«Я» владеет своими формами, придавая им такой же живой характер, «одухотворяет» их. Стоит только живому «Я» исчезнуть, как все его многочисленные формы оборачиваются абстракциями и распадаются. Пока «Я» живо, живет и его прошлое, и его будущее, и все остальные абстрактные формы, с которыми оно себя осознанно идентифицирует, чтобы обозначить себя перед другими именно как «Я».

Надо различать «Я» живое и «Я» телесное. Последнее абстрактно, оно выступает продуктом и личным способом рационального позиционирования человека перед лицом других, признаком, позволяющим отличать себя от них. «Я» телесное – продукт культуры: образования, воспитания, социализации, самопринуждения, пассивного или активного отношения человека к ней. Это маска, «персона», форма, необходимая, чтобы определять себя в обществе других и вступать с ними в коммуникации так, чтобы что-то представлять из себя, чтобы каждого из нас узнавали и признавали в качестве особого самостоятельного существа. Телесное, абстрактное «Я» легко описывается паспортничкой социологической анкеты и бюрократического документа: пол, возраст, стаж, образование, профессия, квалификация, должность, статус, место жительства и работы и т.д. – всем тем внешним, что с нами соотносится в глазах других людей.

Живое же «Я» – это данность самому себе, и такое определение человека как «идентификация с самим собой», «самобытие» или, по распространенной терминологии, «Я-идентификация», а по моей терминологии – «Я-субъективность», с которой мы сами себя идентифицируем. И оно не может быть описано в рациональных категориях социальных функций, ролей или ниш, оно не определяется, а самоопределяется, и не исследуется, а только узнается благодаря его творчеству, смыслу, духовности, свободе, обязательности, совести, воле, разуму. И именно оно является субъектом активности человека и точкой отсчета современности, критерием ее отличия от настоящего и от времени в целом.

«Я» живое и «Я» телесное характеризуют одного и того же человека и представляют собою не паспортные параметры, а, в первую очередь, акценты, с которыми человек относится к себе, *живя так, как именно он считает нужным, или подчиняясь внешним требованиям, или находя и удерживая собственную меру компромисса между внутренним и внешним, духовным и телесным.* Благодаря этому, он и способен заявлять о себе по существу и обнаруживаться другими

в качестве того, кто он таков на самом деле. Вступая в общение и создавая коммуникации с другими такими же, он соучаствует в создании той общей сферы человеческой жизни, того пространства и той истории, какие и могут быть обозначены термином «современность».

Современность существует только для живых человеческих «Я» и лишь в той степени, в какой они живы. И она, современность – тот пласт общественной жизни, где функционируют разум и смысл, творчество и воля, свобода и совесть, где есть общение и диалог. Во всех остальных пластах преобладает безличная рациональность, конструирование и принудительное внедрение искусственных проектов, напоминающих «Программу строительства коммунизма» или сегодняшнюю реформу высшего образования, право и мораль, а вместо общения и диалога живых людей, в которых происходит обмен смыслом, там – коммуникация. В такой интерпретации «современность» в русском языке раскрывается как современность, сосуществование и взаимоотношение множества разных индивидуальных времен. Это скорее не «Модерн», а «контемпоральность».

Модерн и связанный с ним постмодерн остаются маркерами эпохи, а контемпоральность, современность – это живая связь, эпохи создающая, разрушающая и изменяющая. История, понятая в таком аспекте, становится непрерывным потоком современности. Современность же оказывается критерием оценки, отличающим в истории живое от неживого и отдающим последнее на откуп классически рациональной науке.

17.

Любое прошлое приобретает личный смысл и становится существенным только в том случае, если оно совпадает с мечтой и находится в *будущем*, только тогда «Я» не может его игнорировать. И в этом случае, утопия нередко появляется прежде всего как прошлое, идеализированное, очищенное от «дефектов» былой современности и сконструированное в качестве цели развития. Так современная Россия пытается идеализировать СССР, тот идеализировал и повторял досоветскую монархию, а она, в свою очередь, вынуждена была опираться на Византию, крещение и соборность, несмотря на свою весьма отдаленную связь с ними, да и понимая их далеко не адекватно. И каждая эпоха идеологически редактировала и переписывала собственные летописи и архивы, превращая прошлое в идеальный миф и трансформируя этот миф в рациональную утопию.

По этой причине, потому, что прошлое либо не существует вообще, либо онтологически существует только в современности в качестве варианта ее будущего, и потому, что оно является исключительно продуктом современного культурного творчества и мифологизации, оно есть культурное оформление современного. Это обстоятельство позволило Ж.-П. Сартру заявить, что для того, чтобы быть, надо сначала существовать, а потом своим существованием создавать свою сущность и свое бытие. И это же побуждает говорить о современности как о культурной «Я-идентичности».

Но в этом случае мы встречаемся с феноменом мечты и желания, противоречащим сложившейся культуре.

Мы обнаруживаем, что онтологически никакого прошлого и будущего нет, а имеется одна только современность как непрерывный поиск и созидание человеческим «Я» своего собственного бытия или небытия. И тогда «Я», идентифицируя себя с самим собой в рамках собственной современности, находит свою культуру как некоторый интеграл множества осознаваемых им ценностей, смыслов, значений, идеалов, норм и т.д., *объединяемых и удерживаемых в виде целостности именно целостностью самого «Я»*. «Я» советского партработника в постсоветской культуре – это «Я» функционера КПСС – воцерковленного православного, индивидуального субъекта капиталистического предпринимательства, стремящегося к восстановлению тотальной государственной экономики, инвестирующей в частными, в т.ч. американскими деньгами и определяющего США как априорного врага коммунистически православной России. Абсурд? Абсурд, абсолютно несовместимые друг с другом ценности, тем не менее, прекрасно совмещающиеся целостной личностью российского предпринимателя – члена КПРФ или ЕР и характеризующие эту личность. Е. Лукин в симпатичной сатирической сказке «Алая аура протопарторга» описал две такие родственные души старых друзей, понимающих и поддерживающих друг друга в трудную минуту лидеров двух соседних «городков-государств» православного коммуниста Африкана и демократического диктатора Глеба Портнягина. В этой сказке есть некоторая доля сказки.

Осознание собственной культуры является результатом дистанцирования от нее, очередным шагом в отделении разума от природы как от внешней детерминации. Только в этом случае культура оборачивается системой абстракций и агрегатом автономных институтов: с одной стороны наука, опредмеченная в

университете, через дорогу – религия в виде церкви, в соседнем квартале – искусство как филармония. В отдельных фиксированных точках общего социокультурного пространства расположено право в образе полицейских участков и районных судов, а в центре города – политика как городская дума и администрация. Это и есть субъективность и автономия по Гегелю–Хабермасу, предметно воплощенные абстракции.

Но тогда, множество различных «Я», дистанцируясь от культуры и скользя в социальном пространстве между этими фиксированными автономными точками, придавая культуре исключительную изменчивость и конфликтую с устойчивыми институтами, *всё это множество «Я» и каждое из них в отдельности находит себя вне культуры*. И безразлично, какое отношение имеет культура к происхождению «Я». Ж.-П. Сартр совершенно прав, утверждая, что проблема не в том, откуда и как человек исторически появляется, а в том, как ему дальше жить.

И современность, следовательно, в каждом конкретном случае оказывается действующей «Я-субъективностью», мечтающей о чем-то отсутствующем у нее, культурном, и одновременно внекультурном. При этом очевидно различие между современностью и модерном как между двумя вариантами человеческого выбора: оставаться ли самим собой, вне времени или принадлежать культурно-исторической эпохе. Или же найти и удержать меру соотношения между собою и эпохой, которая только и позволяет человеку быть и принадлежать одновременно, т.е. быть человеком, но при этом оставаться культурным человеком.

Методологически же сказанное выглядит так: если при анализе современности «Я-субъективность» – точка отсчета, то применение к ее познанию методологии пространства-времени позволяет решать три задачи:

- прежде всего, определить ее по отношению к «Я-субъективности» другого;
- затем построить некую концептуальную модель, позволяющую говорить о современной/несовременной общественной жизни в целом объективно;
- и наконец, перенести точку отсчета, а значит, и критерий современности с личного субъективного «Я» на некий «объективный субъект», имеющий непосредственное отношение к любой субъективности.

18.

Выше я обозначил современность как самобытие, разум и особую рациональность, и как оценку людьми друг друга и своей реаль-

ности. Ее субъектами выступают живые конкретные люди, и производная от них – общая комплементарная субъективность. Самобытие представляет собою ее фундамент, на чьей основе складывается интегральная субъективность социума и социального самобытия человека. Разумное самобытие, интегрируясь с другими разумами, образует рациональность. А уже рациональность становится для людей системой ориентиров, позволяющих оценивать реальность в параметрах «современное/несовременное». Современное то, что охвачено общей рациональностью, то же, что вне ее, несовременно.

Рациональность же, будучи общей формой множества частных разумов, оказывается и формой социального бытия. Как рациональная жизнь человеческих индивидов, она существует как система их коммуникаций, придающая обществу связность и позволяющая говорить о нем как об одном целом. В первую очередь, рациональность – это субъективная и объективная организация: промышленные технологии, традиции и обычаи, право, мораль, локальные организационные нормы этикета или дресс-кода и т.д.

Непосредственно же в современности мы находим только наше разумно мыслящее «Я». Имея дело с собственным разумом, мы это качество за другими лишь предполагаем, наделяя им тех, кому оно и в самом деле присуще (людей), но порою и то, что его попросту не имеет, «одушевляя» внешний мир на наш собственный манер, создавая мифологию видимого мира и наполняя его prizраками собственной мыслящей жизни, душами гор, лесов, городов и компьютеров. Можно объяснить, почему это происходит, но удивление вызывает то, что мы не ошибаемся в отношении других людей, хотя считаем их разумными с поистине религиозной нескритичностью. Мы верим в то, что другие разумны, пусть и по-иному, и тогда можно констатировать, по меньшей мере, одну из проблем современности, подтверждающую факт ее существования: нашу упрямую веру в разумное мышление других, позволяющую нам жить в *обществе* с ними как с современниками.

Эти метафорические размышления, если положить их на привычный философский язык, показывают следующее. Так как современность в своих истоках всегда человечески индивидуальна и выражает данность «Я» самому себе, оценку «Другого», стремление к вечности и угадывание ее потенциала в себе как в мгновении, то она, *современность, является непосредственной жизненной практикой людей*. Чтобы отличить ее от устоявшей-

ся в советские годы трактовки практики как материального и духовного общественного производства, я буду обозначать ее термином «экзистенциальная практика», «мыслящая жизнь», а опыт, полученный в ней и сохраняющий свое жизненное значение, – «экзистенциальный опыт».

Современность – это всегда экзистенциальная практика разумного человека, в то время как прошлое, будущее и другое – это рациональная теория. Такая практика не материальна и не духовна, эти термины слишком определены в контексте множества теорий, чтобы выражать существо современности, но она – проблемна и деятельна, объективна и субъективна, причем таким образом, что объективность и субъективность в ней неразличимы иначе, как посредством самоидентификации и рефлексии «Я». Объективность вторгается извне, непрерывно создавая проблемы. Тогда мы и можем говорить о современности как непрерывной проблематичности бытия человека. А субъективность – это ответ «Я» на вызовы объективной реальности, и тогда можно считать, что *современность – непрерывное решение проблем*.

19.

Таким образом, современность – непосредственно осуществляющаяся практика человеческой жизни, в которой участвует и непрерывный процесс размышлений о ней. В ней присутствуют и традиции, но лишь в той мере, в какой они сохранились как форма практики, выраженная в привычках, и идеалы, но постольку, поскольку они представлены в виде направляющих практику мечты, надежды, цели.

В современности задействованы технологии, но только те, какие не просто работают, а еще и соответствуют человеческому смыслу, и чья продукция востребована без внутреннего сопротивления, не от безвыходности, что, дескать, лучшего у нас все равно нет, а потому, что именно этот продукт и важен, имеет значение для людей. Не из долга, не под политическим или коммерческим давлением, не из абстрактных соображений теоретической морали или формального права, а потому, что именно так и *надо, и так надо всем*. А следовательно, не только метанарративы Лиотара, но и современность может быть основой легитимации.

Диалог и складывающаяся в нем интeрсубъективность тоже способны убеждать человеческий здравый смысл, но нашу образованность или склонность эмоционально откликаться и теоретически мыслить, а тот здравый смысл, что всегда находится в их

основе, там, где современность представлена в мышлении. Более того, метанарративы легитимируют лишь потому, что сами рождаются и становятся легитимными в экзистенциальном диалоге человеческих индивидов. Постмодернистский же бунт против метанарратива начинается тогда, когда по их поводу между людьми пропадает согласие.

Современность иглой проходит через весь клубок общественной жизни, через каждый ее завиток, везде разделяя реальность и мнимость человеческого бытия. Если воспользоваться привычной, хоть и архаичной терминологией, то она – субстанция и человеческое бытия, и общественной жизни.

И ее первый признак, конечно, «ветер проблем», постоянно дующий в лицо каждому и вызывающий желание или решать эти проблемы, или прятаться от них. Когда мы их решаем, тогда мы современны, а если прячемся, то – нет. Но значит, другой ее не менее важный признак – мы сами, человеческая способность видеть проблемы, думать, понимать и решать. И в этом смысле, она – «общая проблема», когда мы говорим об общественной жизни.

Итак, современность – это данность субъекта самому себе. На уровне своеобразной эмпирии она обнаруживается рефлексивно как опыт индивидуального человеческого самобытия, и лишь потом она способна подняться до уровня теории, рефлексирющей самобытие общества.

Как теории социального самобытия ей требуются:

1. Представление о социальном или социокультурном субъекта, полученное рационально-методологическим путем из опыта индивидуального самобытия в диалоге.
2. А для этого необходима концепция рациональности, выражающей современность как способ одновременного сосуществования, взаимного провоцирования и резонирования множества практически взаимодействующих индивидуальных субъектов.
3. И необходима особая методология как логический каркас такой рациональности, неотрывный от практики взаимодействия и самоопределения субъектов по отношению друг к другу.

Анализ современности изнутри нее самой позволяет говорить о том, что она не может

обозначаться одним только модерном в трактовке Гегеля–Хабермаса. Ей равно присущи и протест, и конформизм, и пластичность.

Протест выступает ее нацеленностью на будущее как на новое самобытие. Он может выражаться мечтой, утопическими представлениями, рациональными стратегиями и проектами творчества бытия, лучшего, чем имеющееся, но вырастающего из того, что уже достигнуто, как его совершенствование. И тогда это будет *модерн*, чей способ существования *прогресс*. Современность как модерн является способом практического самоопределения людей и обществ в качестве субъектов собственной жизни.

Конформизм же оказывается способом и формой угасания субъективности, их растворения в материале достижений предшествующей истории. Будучи господствующим механизмом, обеспечивающим существование людей и социумов, конформизм превращает их самих в материю и делает открытыми и доступными для чужой субъективной практики.

Пластичность при этом становится диалоговым каркасом современности как таковой, способом ее воспроизводства в виде сосуществования и людей, и обществ. Этот диалог практически реализуется сочетанием взаимных требований и уступок, провокаций и резонансов, в которых люди и общества оказываются своеобразным синтезом субъективности и объективности, сохраняя и те, и другие качества. Они и субъекты, но одновременно и объекты, и, что очень важно, их объективность подчиняется их субъективности, а не наоборот. Их рациональность становится формой и продуктом их социального самоопределения в качестве разумных существ. Делая выбор между протестом и конформизмом, между разными градусами накала или охлаждения того и другого, они отдают себе отчет в своем выборе, оставаясь субъектами собственной жизни, но разумными и мудрыми, а не только лишь обученными субъектами.

И лишь после этого, опираясь на множество «Я-субъектов», современность становится практикой, экзистенциальным диалогом, коммуникациями и институтами, соотношением с которыми позволяет людям идентифицировать друг друга как современников.

1. Августин А. Исповедь. – М.: Renaissance, 1991.

2. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. [Текст] / Ю. Хабермас. // М.: «Весь Мир», 2003.

3. Ларин Ю. Проблема будущего в проекции природы человека. [Текст] / Ю. Ларин. // Социум и власть. 2012. № 2. С. 119–123.

ТРАНСФОРМАЦИЯ УСТОЕВ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

УДК 316.42 (470+571)

В.А. ЖИЛИНА

Усложнение процессов социального развития проявляет себя в возрастании проблем, противоречий, встающих перед современным человечеством. В процессах ускорения социального времени и вследствие этого постоянного ощущения его нехватки решение таких проблем, зачастую, больше ориентируется на конъюнктуру дня, чем на выявление сути их появления. Как результат, назревает разрыв между видимым и сущим в теоретическом анализе, который является основным средством преодоления неблагоприятных состояний общества. Неэффективность теоретических решений, в свою очередь, усугубляет кризисные явления в социуме. Так, противоречивость, несбалансированность состояния российского общества заставляет постоянно корректировать развитие различных сфер. Однако на сегодняшний день предпринимаемые реформы малоэффективны и не оправдывают ожиданий. Социальная действительность обнажает потребность в комплексном анализе собственной сущности, что свидетельствует о необходимости возрождения фундаментальных социальных исследований социума. В частности, для преодоления негативных социальных тенденций в России необходимо четкое видение реальных процессов трансформации сущностных черт ее цивилизационной специфики.

Одним из главных факторов развития любой цивилизации выступает законность как форма организации социума. Этот консолидирующий элемент общества одновременно является и критерием его стабильности, и показателем зрелости. Другими словами, по состоянию и действительности правовых законов прослеживается динамика социальных процессов в целом. А вследствие формальности выражения права при универсальности действия норм правовая реальность демонстрирует степень социальной адаптивности ее носителей. Этим обусловлено стремление через преобразование этой сферы сущностно изменить статус социума. Закономерно и обратное: любая форма реформирования либо косвенно, либо явно затрагивает сферу законности. Помимо этого в процесс подвижности правовой реальности в

настоящее время постоянно вмешивается заимствование социального опыта других этносов в регулировании права вследствие интегративности современного социального развития, что рождает иллюзию менее затратного реформирования за счет избегания наиболее распространенных ошибочных решений. Но любое развитие – это отражение, прежде всего, преемственности, и отказ от традиционности приводит к перекосам и негативным последствиям в нем. Отчасти именно в неадекватности рассмотрения процессов трансформаций правовых основ российского общества и заключены реальные причины социального неблагополучия России.

Специфика русской государственной законности определена, конечно, своеобразием истории России и в самом общем плане может быть определена как прямая ориентация закона на нравственность. К сожалению, этот известный факт сегодня перестает быть таковым и становится исключительно сиюминутным наблюдением. Это качество правовой реальности и юридического поля констатируется только в качестве уникальности, понятой как внешняя непохожесть. Тогда как исторически сложившаяся суть становления, функционирования закона напрямую определяет функционирование общества в целом. Аргументируем это через раскрытие некоторых косвенных черт развертывания правовой реальности.

Своеобразный симбиоз морали и права приводит к тому, что русский закон в своей легитимности ориентирован не столько на правовую норму, сколько на «правду». Но даже в таком поверхностном рассмотрении нельзя упускать момент различия морали и нравственности. Нравственность следует понимать как уникальное в диалектике общего морали и единично личностного. Русская законность срощена именно с нравственностью. Исторически в России нравственность религиозна. Отсюда именно такой статус закона обуславливает историческое переплетение судеб церкви и государства. При этом стоит отметить, что традиция российской государственности очень деликатно соединяла в себе светскость и духовность. Так, Соборное

уложение 1649 года, казалось бы, своим названием уже должно предполагать церковную ориентированность государства. Но на деле это светский документ. И до петровских реформ, которые четко разграничили правовую и нравственную реальность русского государства, власть царя и власть церковного лидера юридически не зависели друг от друга. Да, большинство подданных были православными, и христианские законы во многом определяли их уклад, но это мирно уживалось с исполнением государственного закона. Однако именно узаконение на соборность позволяет увязать несовместимые в европейском укладе правовые и нравственные нормы, в частности, через соборную ответственность людей друг за друга. Русский Дух столетиями формируется так, что преступление юридической нормы общественным сознанием воспринимается как преступление против Бога, который олицетворяет собой прототип европейского категорического императива. И здесь мы выходим уже в качественно иную сферу общественного развития – мораль. Именно специфика законности определяет действие другого регулятора общественных отношений – моральной нормы. В отличие от европейского сознания, где императивность морального закона внешне принудительна до трансцендентности, в русской культуре она формируется велением сердца народа как трансцендентальная черта цивилизации. Идеологически извращенный миф, рожденный в недрах европеизированного восприятия русской культуры, о некоторой варварской окраске русских, их кровожадности в исполнении наказаний и просто гражданского долга нежизнеспособен, так как разбивается о реальные исторические факты. Изначальное отношение к человеку как твари Божьей, например, определяло суть отношения русского менталитета к смертной казни. Русское сознание первоначально лишено категоричности дилеммы Запада: допустить или не допустить такой вид наказания. Оно принципиально иное. Да, например, смертной казни до XVII века подлежал тот, кто допускал в речи inferнальную лексику. Но данная процедура наказания вовсе не внешнее средство возрождения порядка в обществе. Причины суровости наказания в том, что матерная речь ассоциируется с языком Сатаны. При этом сам матерящийся трижды проклинает себя, а не общество: он богохульствует, оскорбляет собственную мать и напрямую обращается к Сатане. Поэтому правовое наказание идет не от общества, а от самого преступивше-

го норму. Человек наказывает сам себя. По формальным признакам развертывания общей нормативности в аналогии с чертами западной цивилизации допетровская Русь наиболее отвечает требованиям демократического общества. Мнение социума легитимно наравне с мнением правителя. Отношение правителя к народу выступает критерием эффективности функционирования государства. Наказанию наиболее опасных преступников (с точки зрения устойчивости естественного права) предшествует увещание, попытки перевоспитания (например, гонения протопопа Аввакума).

В анализе современных цивилизационных процессов необходимо учитывать и общую этническую уникальность Духа культуры. Отечественная культура немыслима без пресловутой «русской идеи», где в центре – личность, вернее, ее мечты и чувства, через которые пропущены народно-исторические темы. Идея становится онтологической силой, ведущей к абсолюту, понимаемому трансцендентно. Формируется особая «миссия» русского народа, весьма схожая с функциями «Мессии». Возникает острое противоречие: потребность в чуть ли не божественном содержании души, в конце концов, воплощается в цели опустошения внутреннего мира, выраженного в четкой регламентации всего и вся. Одновременно это детерминирует своеобразное пассивное сопротивление любому западному заимствованию. Русское сознание способно «принять» правила игры, но никогда не сможет раствориться в «чужом», даже если оно внешне более привлекательно, чем свое. Этим объясняется и терпение, и мудрость русской культуры в целом, ошибочно принимаемые Западом за вялость восприятия, медлительность «русского медведя». Напротив, за этими чертами скрывается бунтарская составляющая русской культуры: от прямого разрушения, втягивающего в себя по принципу вихря все социальное бытие, до бескровной саботажной трансформации в абсолютную противоположность.

Даже такой краткий анализ позволяет понять ложность пути насильственного приобщения к любой иной форме нормативности. Это отчетливо видно, например, на отношении российского общественного сознания к концепциям правового государства и гражданского общества. Они отчасти справедливо воспринимаются русским общественным сознанием как привитие европейской формы правовой нормы. В качестве концепций они «западные», так как это модели общества. Другое дело, что как реальные способы государственного устройства они никогда не

исключались из действия российской государственности. Но в нынешнем обществе они позиционируются именно как заимствование развитых правовых форм, способных вывести страну на новый уровень развития. Поэтому разговоры о правовом государстве и гражданском обществе так и остаются в России на уровне спекулятивных рассуждений, вызывая зачастую скрытое неприятие и сопротивление со стороны социума. Общественное сознание, чувствуя искусственность, нарочитую модельную отстраненность таких концепций, попросту их не приемлет. Как следствие, откровенно бускуют не только реформы и правовой, и смежных социальных сфер, но и не получают развития такие благие дела как, например, благотворительность. А ведь традиционно благотворительность можно было считать существенной чертой специфики развития российского этноса. Дело в том, что в России этот феномен всегда имел иную, не нарочитую форму, направленную на пиар, а шел от души, когда даритель не рекламировал себя, а «служил Божьему делу».

Обратим внимание на своеобразную обратную связь. Нарушение преемственности развития, нарушение естественных процессов изменений устоев цивилизации негативно трансформирует, в конце концов, и сам механизм таких властных решений. Ведь не законодательная, не исполнительная власть так и не обнародовали до сих пор стройную концепцию гражданского общества и, соответственно, принципы правового государства. Поэтому, если на Западе формальный запрет (то есть принятие юридического закона, который закрепляет собой формальную норму поведения) против ненормативной лексики или возрастных ограничений доступа к определенным видам информации является эффективным способом регулирования состояния информативного поля, то в России такие меры вряд ли будут результативными. Истоки проникновения паразитарного слоя языка в детское сознание в условиях русского менталитета нужно искать в потери смыслового компонента русской культуры. Мат не возникает без причины. Это попытка заделать бреши, пустоты в культурном становлении, где человек по-западному все более размывается, а на его место ставится

его Величество Симулякр. Альтернативой смыслу становится бессмысленность языка. Отсюда поистине бездумное отношение к поступающей информации, которая вредна скорее не своим содержанием, а способом отношения к ней, когда она воспринимается как картина мира вне связи с самим миром. Поэтому начинают возникать опасения в отношении даже социально безопасных явлений. Сопровождается это нарастанием директивно закрепительных норм регулирования поведения. Наглядным примером служит обязательный возрастной ценз при обнародовании любой информации. А вот в советском менталитете мультфильм «Ну, погоди!» не способен был привить отрицательные ценностные отношения к жизни и к себе подобным, хотя формально элементов насилия, других асоциальных явлений здесь можно зафиксировать множество. Более того, восприятие теми детскими поколениями было способно критично смотреть мультфильм: в разряд «хороших» попадали и заяц, и волк в зависимости от ситуаций. В случае потери смысловой составляющей общества, что наблюдается сегодня в русской культуре, понятие информационной безопасности само по себе становится бессмысленным. Размыто понятие «хорошего» и «плохого», следовательно, нет стержня в духовном восприятии, которое и есть истинный заслон от чуждой для данного сознания информации. Голубой щенок ранее заставлял думать о смысле собственной непохожести, теперь – это просто символ изгоя. Западная культура, взращенная иной формой регуляции норм поведения, такую трансформацию, в принципе, способна принять безболезненно. Русская регулятивность общественных отношений требует присутствия в этих отношениях *Я*, самосознания, а носитель этих отношений все более утрачивает чувство собственной идентификации. Происходит надлом, который намного страшней любого экономического неблагополучия.

Обозначенные проблемы отчетливо свидетельствуют о насущной необходимости обращения к истокам самой цивилизации. Вне понимания сути трансформации устоев российского общества становится невозможным решение насущных проблем государства.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА КАК ДОМИНАНТА РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.42

Т.И. ГРАБЕЛЬНЫХ, Е.В. ЛЕСНИКОВСКАЯ

Социальные изменения, проявляющиеся через глобализационные и интеграционные процессы во всем мире, запустили различные механизмы и технологии трансформационной активности. Гражданское общество как саморегулирующаяся система в наибольшей степени испытывает сложность и противоречивость современных процессов трансформации. Уникальные для современного периода условия развертывания социальных процессов, их направленность и содержание привели к изменению вектора видения проблем гражданского общества, как в России, так и во многих других регионах мира: произошел *переход от концептуального определения ценностно-нормативных основ и структурных различий гражданского общества к методологическому пониманию самой логики трансформационных изменений в развитии гражданского общества*. Реалии современного мира служат импульсом к рассмотрению трансформирующегося под влиянием доминантных факторов гражданского общества в пространственной перспективе. Макроуровневые тенденции, лежащие в поле дихотомии «глобализация-локализация» и включающие в себя процессы противодействия глобализационных и локализационных сил, преломляясь через национально-региональную специфику, проявляются на микроуровне в моделях гражданской идентичности и типах сетевых взаимодействий населения регионов. Это позволяет говорить о взаимовлиянии парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества.

В этой связи актуализируется концептуальное поле ключевых категорий, отражающих современные пути и стратегии управления региональным развитием. Речь идет о таких опорных понятиях, доминирующих в современных концепциях и программах социально-экономического и инновационного развития стран, как «пространственное развитие территорий», «инновационные территориальные кластеры» и др. Введение новых понятий и подходов задает интегративные траектории рассмотрения трансформаций

гражданского общества в их взаимосвязи с региональными концепциями и стратегиями социального развития.

Данные концепции и стратегии рассматривают гражданское общество как важнейшую составляющую эндогенного потенциала региона и основной ресурс достижения стратегических целей и приоритетов. Следовательно, трансформационные процессы в гражданском обществе в значительной степени влияют на характер и выбор механизмов регионального развития. В то же время, стратегическое управление региональным развитием ориентирует вектор трансформации гражданского общества в конструктивное русло, что имеет первостепенное значение в условиях углубления дифференциации общества и неравномерного развития регионов.

В рамках базовой модели взаимовлияния парадигмы стратегического регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества есть основание говорить о процессах и механизмах активизации практик социального творчества в условиях региона. Представляется, что множество связей и путей влияния на развитие гражданского общества обуславливают, в первую очередь, объективные процессы активизации социального творчества, проявляющегося в разнообразии интегрированных практик социального творчества. Практики социального творчества, как и любые другие социальные практики, имеют пространственные и временные характеристики и являются проявлением трансформационных процессов гражданского общества. Такие практики в значительной мере структурируются под влиянием парадигмальных сдвигов в региональном развитии.

Исследуя трансформацию гражданского общества как доминанту регионального развития, представляется важным дать концептуальное определение научных проблем и направлений, отраженных в отечественной и зарубежной литературе, через взаимосвязь дискурсивных практик, посвященных вопросам реализации стратегических концепций

регионального развития и содержания траекторий трансформации гражданского общества.

Активное изучение трансформационных процессов в развитии современных обществ прослеживается с 90-х гг. XX века. В отечественной литературе гражданское общество предстает как социальная система, развивающаяся через противоречия в сложных национально-специфических условиях: с одной стороны, от «импортозависимой» к «укорененной модели» (Л. И. Яковсон), проявляясь через поиски возможностей конструирования диалога государства и общества и процессы плюрализации и профессионализации социально-гражданских практик [7]; с другой стороны, от ориентации на преимущественно внешние ресурсы и заимствование зарубежных моделей к использованию внутреннего потенциала местных сообществ и выработке собственных моделей регионального развития.

Трансформационные процессы на региональном уровне явились тем внутренним импульсом, который на рубеже XIX–XX вв. вызвал различные всплески активизации социально-творческой деятельности местных сообществ. Со временем активно развивающиеся практики социального творчества становятся ресурсом регионального социального развития и в то же время особой платформой для организации коммуникативного процесса между различными акторами региональных сообществ.

Предоставление гражданам возможностей проявлять инициативу и заниматься социально-творческой деятельностью, интегрированной в общенациональные механизмы социального развития, сегодня характерно для стратегических концепций развития многих стран, в том числе Российской Федерации. В процессе реализации легитимных практик социального творчества акцент смещается на решение актуальных задач силами гражданского общества на базе различных моделей межсекторного партнерства. Согласно известному теоретику регионального развития Дж. Бэчтлеру, современная концепция долгосрочного регионального развития предполагает интегрированные стратегии и планы, конструирование и реализация которых осуществляется при участии межсекторных партнерств региональных и локальных акторов [9].

Не вызывает сомнений, что стратегическое планирование и приоритетные направления социального развития региона

неразрывно связаны с развитием пространственной парадигмы. В зарубежной литературе она находит освещение уже в 1970-е гг., когда в ответ на стагнацию производства и экономический кризис возникает спрос на новые знания, технологии, нетрадиционные решения. Развитие институциональной теории способствовало формированию представлений о регионе как о единице стратегического социального развития. Доминирующими концептами в научной литературе, освещающей данную проблематику, становятся концепты территориальной близости (proximity), пространства (space) и места (place)*. Данные концепты образуют единое концептуальное поле, в котором «территория» является более узким понятием, отражающем географическую и организационную близость, «пространство» охватывает и нетерриториальные пространства, а «место» рассматривается как определенная позиция в пространстве, определяющая событийные практики.

Среди известных зарубежных работ более позднего периода, посвященных вопросам стратегического регионального развития с позиции пространственной парадигмы, отметим труды Д. Кибл, Ф. Уилкинсон, А. Торре, J.P. Gilly, С. Анселл и др. [12; 17; 8]. Рассматриваемое в контексте регионального развития, само пространство (территория) служит неким общим местом для репрезентации местных акторов. Как подчеркивают А. Торре и J.P. Gilly, территориальное пространство (организационная и географическая приближенность) предполагает «...приверженность агентов к общему пространству репрезентации, образцов поведения и установленного порядка мыслей и действия» [17, с. 174]. Территория представляет собой особое посредническое пространство, некую социальную конструкцию как результат взаимодействия местных и неместных акторов [17]. Во временном разрезе деятельность по репрезентации агентов в социальных структурах связывается и с прошлым (наследуемые институты и правила), и с ожидаемым акторами определенным общим будущим. Примечательно, что структурные формы связываются именно с прошлым, а коллективное действие – с ожидаемым будущим. Таким образом, деятельность акторов для одних авторов представляет собой процесс решения определенной конструктивной задачи [17], для других – процесс разрешения технологических и организационных

* Среди исследователей отметим С. Lawson, E. Lorenz, A. Saxenian, P. Krugman, M. Storper и др.

проблем, с которыми они сталкиваются [12]. В изменении вектора видения взаимосвязи регионального развития и трансформационных изменений в развитии гражданского общества через практики репрезентации состоит методологическая новизна исследования проблемы на рубеже XX–XXI вв.

Особый интерес представляет такое направление исследования как изучение разноразмерных коммуникаций относительно *практики оценивания стратегий регионального развития (технологий и методик) как условия и инструмента организации дискурса о трансформации гражданского общества*. Так, по мнению Ю. Хабермаса, при решении проблем социального развития, за которыми всегда стоит улучшение условий проживания и повышение благосостояния населения, целевая коммуникация «...образует один из важных ресурсов общественной интеграции» [6, с. 94]. Вопрос о необходимости создания дискуссионной платформы относительно практик оценивания региональных стратегий ставится и М. Диез. По ее мнению, процесс оценивания стратегий регионального развития становится сам по себе определенной гражданской практикой и своеобразной дискуссионной платформой [11]. В понимании/признании важности *гражданских практик оценивания стратегий регионального развития* нами видится продуктивность методологического подхода.

Концепция развертывания гражданских практик разработки и оценивания стратегий регионального развития получила широкое распространение в международной практике принятия и реализации долгосрочных концепций. Так, например, в долгосрочной концепции стратегического развития Европейского Союза «Europe 2020» имеет место целый ряд гражданских инициатив. Кроме того, в стратегии указывается, что гражданское общество выступает одним из ее исполнителей. В вышеуказанной стратегии отмечается, что гражданское общество «...играет важную роль как в развитии национальных программ, так и в мониторинге их реализации» [1].

Что касается российского опыта, здесь также при разработке и корректировке «Стратегии долгосрочного регионального развития до 2020 г.» участвовал большой круг экспертных групп. Примечательно, что «Стратегия-2020» получила широкое обсуждение на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, в профессиональных и академических сообществах, НКО. К разработке и оцениванию были привлечены

международные эксперты, широкий круг экспертов со стороны научно-образовательных учреждений, общественных палат регионов. Конструирование гражданского диалога на платформе межсекторного партнерства в рамках стратегического дискурса социального регионального развития придает векторам трансформации гражданского общества конструктивное направление. Как отметил руководитель одной из экспертных групп при формировании предложений Правительству РФ, «...мы обязаны рассматривать реакции социальных групп на те или иные решения, их социальные последствия» [3]. В «Стратегии инновационного развития России до 2020 г.» общественная экспертиза указана в качестве одного из основных координационных механизмов реализации приоритетов в области инновационного развития страны [5]. В то же время формирование и деятельность экспертных консультативных советов тесно связаны с развитием межсекторного партнерства – взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом.

Таким образом, есть основание сделать заключение о том, что практики разработки, корректировки и оценивания стратегических концепций регионального развития приобрели статус интегрированных гражданских практик, соответствуя требованиям легитимности, функциональности и эффективности. Выдвинутая идея о взаимовлиянии парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества находит прямое отражение в многообразных практиках социального творчества, реализующихся в коммуникативном процессе между различными акторами региональных сообществ.

Одним из признаков стратегического регионального развития и факторов трансформации гражданского общества является способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ, что является сегодня одной из основных предпосылок к институционализации практик социального творчества. Важно отметить, что конкурентные преимущества не предстают лишь как сложившаяся исторически данность, но как объект, поддающийся целенаправленному конструированию, а также обновлению [5]. Р. Камани подчеркивает, что в современной мировой парадигме регионального развития конкурентные преимущества региона рассматриваются как сознательно конструируемые – «...все они (региональные конкурентные преимущества) – искусственные или созданные...»* [10]. Учитывая динамику

* «...they are all artificial or created advantages...» – авт. пер.

социальных изменений, основные траектории регионального развития уже не базируются только на конкурентных преимуществах региона, но формируются, создаются, конструируются путем активного освоения интегрированных социальных практик и технологий. Поскольку конкурентные преимущества должны постоянно подтверждаться через обновление, адаптируясь к новым условиям и специфике контекста, востребуются определенные свойства эндогенного потенциала региона. Таким образом, развитие способности к обновлению конкурентных преимуществ посредством эффективного использования внутреннего регионального потенциала, включающего в себя гражданский потенциал, становится одной из определяющих черт регионов-лидеров. Как отмечает в этой связи Дж. Бэтчлер, «...регионы-лидеры отличаются тем, что обладают способностью реструктурировать и обновлять производственные структуры для продвижения инновационных комплексов и создавать новые кластеры вокруг своего конкурентного преимущества» [9]. Логично предположить, что существуют интегративные факторы, воздействующие на способность регионов к обновлению конкурентных преимуществ и к развитию своего эндогенного потенциала в целом.

Ряд зарубежных исследователей в качестве одного из ведущих факторов, способствующих обновлению конкурентного преимущества, выделяют коллективное (социальное) обучение [14]. К ведущим факторам, как уже упоминалось, относятся и практики социального творчества. Как и коллективное (социальное) обучение, они, с одной стороны, обеспечивают закрепление общих норм и образцов поведения, усиливающих доверие в обществе, с другой стороны, способствуют трансферу неявного («tacit») знания. В этой связи прослеживается неразрывная связь практик социального творчества и сфер знания.

Практики социального творчества предполагают обмен прежде всего некодифицированным, «неявным знанием»* [4]. Именно этот вид знания имеет преимущества перед кодифицированным, поскольку последнее получает слишком быстрое распространение и становится широко доступным [13, с. 17], а, следовательно, уязвимым с точки зрения нелегитимного трансфера технологий. В то же время практики социального творчества позволяют передавать, в первую очередь, некодифицированное знание, способствуя

тем самым созданию благоприятной среды для инновационной деятельности и условий развития человеческого капитала.

Оформленность и востребованность практик социального творчества в России, способствующих распространению «неявного» знания как в сфере технологических инноваций, так и в области социальных инноваций, обусловлены, в первую очередь, необходимостью создания национальной инновационной системы в новых условиях протекания мировых процессов. Практики социального творчества призваны выступить одним из основных инструментов формирования благоприятной институциональной среды. В современных стратегиях долгосрочного социально-экономического развития и инновационного развития России подчеркивается повышение роли институциональной среды в реализации приоритетных направлений социального развития [2; 5]. Обозначенная тенденция прослеживается и в других регионах [1]. Как справедливо отмечает F. Moulaert, социо-организационная динамика оказывается помещенной в инновационный технологический контекст [15]. Практики социального творчества, таким образом, представляют важный ресурс как для создания институциональной среды для развития инновационной деятельности в регионе, так и для формирования активного восприятия населением инноваций, формирования спроса на инновации, так называемого demand-size подхода в конструировании инновационной деятельности, определяемой, в целом, запросами населения и власти на инновационные технологии, а также их восприимчивостью к инновациям.

Следует помнить, что в процессе институционализации практик социального творчества применяются ограничительные критерии целесообразности [11]. В своих работах мы ставим вопрос о наличии системы социальных фильтров, интегрированных в процессы освоения социальных технологий, одним из которых выступает легитимация.

Вышесказанное позволяет дать концептуальное определение практикам социального творчества как социальным практикам согласованного коллективного действия, институционализирующихся посредством механизмов легитимации и базирующихся на эндогенном потенциале регионального пространства в динамике глобализационно-фрагментационных процессов.

«Интегративный консенсус», выступая одним из отличительных признаков прак-

*«tacit knowledge», в понимании М. Полани [4].

тик социального творчества и проявляясь через механизмы согласования в возросшем числе обращений к экспертизе и консультативным советам, детерминирует тип взаимосвязи стратегического регионального развития с дискурсивными практиками научных и региональных сообществ, открывая новые возможности для развития гражданского дискурса. В связи с этим, повышается роль мониторинга общественного мнения всех вовлеченных в механизмы согласования – населения, региональной власти, представителей государственной власти федерального уровня и муниципальной власти, некоммерческого сектора, призванных активно развивать практики коллективного согласованного действия.

Проведенный нами на базе Социологической лаборатории региональных проблем и инноваций Института социальных наук и НИЧ ФБГОУ ВПО «ИГУ» в 2012 г. экспертный опрос «Гражданское общество и основные пути активизации практик социального творчества в контексте проблем регионального развития»* позволил выявить ряд особенностей и тенденций восприятия экспертами условий активизации практик социального творчества как интегративных гражданских практик. По результатам исследования проявилось, что признак согласованности коллективного действия («интегративный консенсус») представляется важным для значительной части опрошенных: гражданское общество воспринимается экспертами как высокоинтегрированное общество. Признак взаимодействия и согласованности, согласно полученным данным, выступает отличительным признаком как для интегрированного, так и для гражданского общества. Таким образом, в современных условиях получает особое звучание интегративная составляющая гражданского общества, при этом согласованное взаимодействие выступает главной сущностной характеристикой интегративного консенсуса. Очевидно, что для эффективной организации инновационной деятельности в условиях региона требуются приемлемые формы стратегических межсекторных партнерств и сотрудничества. Существует прямая зависимость между уровнями интегративного консенсуса и доверием в обществе: значение интегративного консенсуса особенно возрастает в обществах и региональных сообщест-

вах с низким уровнем доверия. Обнаружилось, что определенная часть респондентов (16,7%) выделяют в качестве сущностного признака согласованного взаимодействия именно стратегическое объединение усилий для достижения целей. Полагаем, что это дает основание говорить о стратегическом принципе интеграции или стратегической интеграции на базе консенсусного взаимодействия. Действительно, интеграционные процессы разных уровней преследуют определенные стратегические цели. Принимая во внимание, что концепт стратегического объединения («стратегической интеграции») на сегодняшний день получил освещение в научной литературе и СМИ в значительной мере в области процессов экономической интеграции международного уровня и внешнеполитического сотрудничества, неудивительно, что у части респондентов этот концепт присутствует в сознании.

Относительно некоммерческого сектора как неотъемлемой части гражданского общества, то он также переживает ряд интеграционных трансформаций, о чем свидетельствует тенденция к повышению уровня социальной активности за пределами зарегистрированных общественных организаций и объединений, а также в проектной деятельности. В силу этих и других причин важнейшим фактором социальной эффективности деятельности некоммерческого сектора в условиях трансформационных изменений выступает интегрированность некоммерческой организации в общество. По данным проведенного нами опроса в Иркутской области в 2012 г., подавляющее большинство респондентов (92%) в качестве важного признака интегрированности НКО в общество видят налаженность их взаимосвязи с государственным сектором. Если налаженность взаимосвязи НКО с государственным сектором поставлена на вторую позицию, то на первой – налаженность связей некоммерческой организации с населением (98,7%). Таким образом, подавляющее большинство респондентов ожидают от некоммерческих организаций налаженных взаимосвязей с государством и населением. 82,7% респондентов также отмечают важность высокого уровня информированности некоммерческой организации о проблемах общества. Это дает основание заключить,

* Экспертное интервьюирование проведено в период с февраля по июнь 2012 г. Всего опрошено 75 экспертов. В качестве экспертов выступили представители государственных структур и общественных организаций Иркутской области, наиболее активно развивающих практики социального творчества.

Респондентам было предложено выделить признаки гражданского общества и признаки интегрированного общества. Данные понятия были намеренно разведены в вопросе. Между тем, проявилось, что в качестве такого признака в обоих случаях чаще всего респондентами указывалось «взаимодействие, согласованность в действиях между элементами общества».

что респонденты ожидают от некоммерческой организации, помимо реализации основных целей и видов своей деятельности, более широкую информированность об актуальных социальных проблемах и эффективности их решения в регионе.

В свете интегративного вектора трансформационных изменений в гражданском обществе в русле региональных стратегий долгосрочного социального развития особую значимость приобретает восприятие функциональности и эффективности практик социального творчества в региональных сообществах. В Иркутской области, как показал типологический анализ, практики социального творчества распространены, прежде всего, в форме конкурсов социальных проектов, ярмарок социальных инициатив. Более того, значительная часть респондентов (46,5% от общего числа полученных ответов, 86 ответов принято за 100%) считают, что социальное творчество выступает инновационной площадкой для развития социальных и гражданских инициатив. По мнению другой части опрошенных (30,2%), «социальное творчество выступает одним из идейных, интеллектуальных, организационных ресурсов для развития социальных и гражданских иници-

атив». Мы видим, что экспертное мнение, в целом, совпадает с распространенной точкой зрения относительно видения инноваций как продукта научного и социального творчества. Согласно результатам проведенного исследования в условиях трансформационных изменений в региональных сообществах идут процессы институционализации практик социального творчества в конструктивном стратегическом русле.

В целом, изучение особенностей взаимовлияния парадигм регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества позволило сделать вывод о том, что трансформационные процессы в гражданском обществе влияют на характер и выбор механизмов регионального развития через разнообразные практики социального творчества. Одной из таких практик интегративно-творческого характера является практика разработки, корректировки и оценивания стратегий регионального развития, которая на рубеже XX–XXI вв. приобретает статус гражданской практики. Основной же предпосылкой к институционализации практик социального творчества в регионе выступает её способность к обновлению конкурентных преимуществ.

1. Европейская стратегия экономического развития «Europe 2020» [Электронный ресурс] // European Commission [Official website]. URL: http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm (accessed: 05.11.2012).

2. Итоговый доклад о результатах экспертной работы по актуальным проблемам социально-экономической стратегии России на период до 2020 года «Стратегия-2020»: Новая модель роста – новая социальная политика» [Электронный ресурс] // Информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020» [Официальный сайт]. URL: <http://2020strategy.ru/documents/32710234.html> (дата обращения: 15.11.2012).

3. Обращение Я.И. Кузьмина к участникам экспертных групп «Стратегия-2020» [Электронный ресурс] // Информационный сайт экспертных групп по работе над «Стратегией-2020» [Официальный сайт]. URL: <http://2020strategy.ru/kouzminov> (дата обращения: 11.12.2012).

4. Полани, М. Личностное знание. На пути к посткритической философии [Текст] / под ред. В.А. Лекторского, В.А. Аршинова; пер. с англ. М.Б. Гнедовского, Н.М. Смирновой, Б.А. Старостина. М., 1995. 343 с.

5. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Правительство Российской Федерации [Интернет-портал]. URL: <http://правительство.рф/gov/results/17449/> (дата обращения: 30.10.2012).

6. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью [Текст] / Ю. Хабермас. М.: АО «КАМИ», 1995. 247 с.

7. Якобсон, Л.И. Смена моделей российского третьего сектора: фаза импортозамещения [Текст] / Л.И. Якобсон, С.В. Санович // Общественные науки и современность. 2009. № 4. С. 21–34.

8. Ansell, C. The networked polity: regional development in Western Europe [Text] / C. Ansell // Governance: An International Journal of policy and administration. 2000. Vol.13. No. 3. P. 279–291.

9. Bachtler, J. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm? [Электронный ресурс] / J. Bachtler, D. Yuill. URL: http://www.eprc.strath.ac.uk/eprc/documents/PDF_files/R46PoliciesandStrategiesforRegionalDevelopment.pdf (дата обращения: 16.11.2012).

10. Camagni, R. On the concept of territorial competitiveness: sound or misleading? [Электронный ресурс] / R. Camagni. URL: http://www.yorku.ca/ishd/LEDCD.SP/Links%20BQ/B5_Territorial%20competitiveness_camagni.pdf (дата обращения: 30.11.2012).

11. Diez, M.A. The Evaluation of Regional Innovation and Cluster Policies: Towards a Participatory Approach [Text] / M.A. Diez // European Planning Studies. 2001. Vol. 9. No. 7. P. 907–923.

12. Keeble, D. Collective Learning and Knowledge Development in the Evolution of Regional Clusters of High Technology SMEs in Europe [Text] / D. Keeble, F. Wilkinson // Regional Studies. 1991. Vol. 33.4. P. 295–303.

13. Lefebvre, H. The production of space [Text] / H. Lefebvre. Oxford: Blackwell, 1991. 454 p.

14. Morgan, K. The learning region: institutions, innovation and regional renewal [Text] / K. Morgan // Regional Studies. 1997. Vol. 31.5. P. 491–503.

15. Moulaert, F. Territorial Innovation Models: A critical survey [Text] / F. Moulaert, F. Sekia // Regional Studies. 2003. Vol. 37.3. P. 289–302.

16. Storper, M. Territorial development in the global learning economy: the challenge to developing countries [Text] / M. Storper // Review of International Political Economy. 1995. Vol. 2.3. P. 394–424.

17. Torre, A. On the analytical dimension of Proximity Dynamics [Text] / A. Torre, J.P. Gilly // Regional Studies. 1999. Vol. 34. No. 2. P. 169–180.

ГУМАНИЗМ И ПРОСВЕЩЕНИЕ: ОБРЕТЕНИЕ ГАРМОНИИ ИЛИ УГЛУБЛЕНИЕ КОНФЛИКТА?

УДК 304.2

С.В. БОРИСОВ

Пожалуй, нет таких понятий, которые настолько дискредитировали себя, как понятия «гуманизм» и «просвещение». Имея некогда почти революционный смысл и окруженные ореолом святости, эти понятия превратились впоследствии в пустые клише – «крапленые карты», которые ловко достают из рукава разные демагоги и словесные шулеры от политики и образования.

На то есть и объективные причины. Например, задумаемся, какой изощренный смысл можно придать слову «гуманизм» для нынешних политических лозунгов после всех глобальных потрясений XX в. и тревожных событий начала XXI в., когда человеческая жизнь и достоинство настолько упали в цене, что само желание жить воспринималось как подвиг, а возможность радостной жизни – как несбыточное счастье?

В настоящее время «гуманизм» – очень «подозрительное» слово, вызывающее стойкие опасения по поводу очередных социальных экспериментов во имя сомнительного «счастливого будущего». Это понятие предстает слишком неоднородной и внутренне противоречивой совокупностью концептов и интерпретаций, по поводу которых можно было бы высказать какие-то определенные суждения. Скорее всего, гуманизация – это наш тихий стон, проявление постоянной озабоченности нашей человеческой сущностью и бытием.

Когда мы говорим о гуманизации образования, то мы тем самым подразумеваем, что в любой образовательной траектории коренятся те или иные антропологические схемы. Все попытки сугубо технологического истолкования образовательной траектории как суммы образовательных программ, этапов обучения, обретенных и развитых компетенций – есть не что иное, как редукция бытийной наполненности человеческой жизни к набору тех или иных измеримых параметров. Гуманизм нельзя измерить количественно, это качество, «квалиа» – оно либо есть, либо его нет.

В послевоенной Европе, согласно Ж.-П. Сартру, гуманизм, будучи универсальным философским отношением, должен был

обрести форму экзистенциализма [5]. Так это или нет – это другой вопрос. Прежде следует проследить своего рода феноменологию гуманизма в Европе.

Обратимся к знаменитому «Письму о гуманизме» М. Хайдеггера [7]. Первое, на что обращает внимание Хайдеггер, – сам концепт «гуманизма» в истории последних столетий оказывается некоторым клише, способным легитимировать самые разные общественные тенденции, в том числе и те, которые оказываются по прошествии некоторого времени глубоко антигуманистическими. Все великие революции, старые и новые, начинались, как известно, лозунгом гуманизации. Однако вне зависимости от исторической и национально-культурной специфики каждого из этих процессов, результат их был крайне далек от гуманистического идеала, причем, чем более радужными представлялись перспективы человеческого развития после революции, тем горше оказывались ее плоды.

Следовательно, считает Хайдеггер, главной проблемой современного человека оказывается не поиск очередных «измов», но *обретение истины бытия, находящейся в отдалении от соблазнов публичности*. Иными словами, сущность гуманизма проявляется не иначе как в связи с характерным для той или иной эпохи пониманием человеческой сущности. Например, римский гуманизм противопоставляет варварству, заключенному в отсутствии понятия гражданственности. Для гуманизма эпохи Возрождения синонимом варварства становится уже «сумрачное Средневековье». Однако и у христианства есть свой гуманизм, апеллирующий к жертве Христа как единственному условию спасения человеческой души. В принципе, таких исторически сложившихся разновидностей гуманизма множество. В связи с этим, говоря о гуманизме вообще и о гуманизме в образовании в частности, что мы все-таки имеем в виду? На какое представление о человеческой сущности мы опираемся?

Многие факторы, характеризующие жизнь современного общества, как бы предзаданы социальной структурой и

культурными стереотипами прошлого. Поэтому всегда актуальным будет вопрос о критериях оценки происходящих социальных процессов. Чтобы избавиться от предрассудков прошлого (или хотя бы, чтобы их обнаружить), необходимо время от времени производить радикальную переоценку ценностей. Например, представители Франкфуртской философской школы подвергли некогда критике «святыня святых» буржуазного общества – идею Просвещения (стремление к разуму, свободе, человечности), поскольку именно это стремление обернулось в XX в. своей противоположностью. Думаю, что данный критический анализ нуждается в продолжении и углублении.

Суть дела в том, что Просвещение с самого начала было обременено роковым для него *стремлением к господству* – к господству над природой и господству над другими людьми. Эти два типа господства взаимосвязаны, и именно они, поставив себе на службу разум, превратили его в неразумие, а свободу – в порабощение. Господство *разума*, провозглашенное эпохой Просвещения, инструментом которого является *понятие*, привело к *объективации* природы. Благодаря этому человечество выжило в борьбе с природой, но расплавляется за это отчуждением от нее. Это «опредмечивание» теперь, в свою очередь, пронизывает и отношения между людьми и отдельного человека к себе самому.

Просвещение откатывает культуру назад, к *мифу*, поскольку, в конце концов, человек оказывается беззащитным перед лицом тотального принуждения: «анимизм одушевлял предметы, индустриализм опредмечивает души» [8, с. 45]. Мораль, массовое производство культуры и наука в равной степени определяются чистым формализмом инструментального рассудка. Они служат вводящей в заблуждение связи в качестве носителей тотального овладения человеком и природой. Поэтому угроза нависает над самим индивидом. Отдельный субъект растворяется в управляемом мире.

По мысли М. Фуко, «методологической» предпосылкой гуманитарных наук было не что иное, как прямое карательное воздействие на тело (природу) – практики инквизиции, и технологически опосредованный контроль за телом (природой) – пенитенциарные практики. Наряду с развитием и специализацией техник дознания зарождаются дисциплинарные институты буржуазного общества: школы, казармы,

массовые предприятия, клиники, психиатрические лечебницы. Это новые «очаги» распределения и классификации индивидов. На основе надзора и сбора сведений о них синтезируется новое знание. По мысли Фуко, познание – это, по сути, либерализация методов и приемов карательных учреждений [6]. Церковь, тюрьма, клиника... На дисциплинарном уровне каждая последующая система – калька с предыдущей (Таблица 1).

Таблица 1

Пример того, как педагогическая система строится на отчуждении, объективации учащегося и учебного процесса

Система правоохранительных органов	Система образования
Допрос	Опрос, зачет-экзамен
Постоянный надзор, открытость для досмотра	Контроль за получением, усвоением и трансляцией знаний. Классно-урочная система, школьная регламентация
Наказание	Классификация учащихся в зависимости от уровня усвоения знаний (успешные – неуспешные). Образовательный ценз
Приговор	Оценка

Получается, что если человека обследует криминалист, он обязательно обнаружит состав преступления и усмотрит вину; психиатр найдет симптомы болезни; священник увидит перед собой грешника; учитель – лентяя и неуча. Виноват ли, болен ли, грешен ли, необразован ли человек на самом деле установить в этой системе невозможно.

Дисциплинарные практики и дисциплинарная регламентация, во-первых, обеспечивают «экономию власти»; во-вторых, интенсифицируют «технологии власти». Через дисциплину проявляет себя «хитрость» власти: каждый индивид, сверяя себя с системой норм, осуществляет самоконтроль и одновременно контролирует других. Формируется глобальный паноптикум.

Таким образом, «власть-знание» – это, с одной стороны, власть как форма знания о людях как существах, включенных в процесс функционирования властных структур,

с другой стороны, знание как форма власти над людьми через возможность собирать, отслеживать, контролировать и использовать информацию о них для поддержания процесса функционирования властных структур.

Как следствие этой жесткой сцепки «власть-знание» формируются наиболее распространенные и господствующие по сей день гуманистические модели:

1) Модель героя. Это не только и не столько готовность личности совершить подвиг, сколько присущее ей ощущение своей выделенности, уникальности. Стремление использовать знания для достижения власти над людьми, управления людьми или безоговорочного принятия власти знания. Проекцией этой личности на образовательную реальность является культ человека, идущего вровень с веком, культ «отличника».

2) Модель святого. Личность – это лик Божий, образ Божественного творения, который несет человек, следовательно, путь личности – это путь максимального приближения к Богу, очищения и просветления человеческой души. В этом плане любого рода индивидуализм носит греховный характер, так как чем меньше в отношении человека к миру будет «личного» (эмоций, страстей, желаний), тем в большей степени его индивидуальное бытие будет раскрытием и обретением Божественного бытия. Знание используется для утверждения власти над людьми и над собой от имени Бога.

Однако постепенно, начиная с XVIII в., формируется новая модель личности вне жесткой сцепки «власть-знание».

3) Модель индивидуалиста, т.е. гражданина. Личностью является не только герой или святой, но и каждый человек только благодаря своей неповторимой индивидуальности. Главная характеристика личности – умение делать индивидуальный выбор. Образовательные последствия этого представления связаны с приданием образованию максимальной вариативности, предполагающей формирование «культуры выбора», наработки жизненных и профессиональных компетенций, связанных с умением выбирать. В связи с этим любая идеологизация и стандартизация образования оказывается опасной, поскольку лишает человека индивидуального выбора и индивидуальной ответственности за последствия принимаемых решений.

Какую трансформацию претерпело в связи с этим понятие «просвещение»? На-

пример, философ-просветитель Моисей Мендельсон в своем трактате «О вопросе «Что значит просвещать?» выделяет в образовании два модуса человеческого бытия: просвещение и культуру как теоретическое и практическое [4]. Каждый из этих модусов коренится в некоторой базовой потребности человека. Культура коренится в практической жизни и предстает в качестве ремесел, навыков, усердия, искусности, добротности. Просвещение находится в сфере теоретического познания и представлено в виде целей и ценностей человеческого существования. Образование, понятое во всей полноте его форм и смыслов, реализуется как бесконечный процесс соотнесения теоретического и практического.

Полемизируя с такой «идиллической» картиной Просвещения, нарисованной Мендельсоном, И. Кант в своей ответной статье [3] отмечает, что просвещение есть не что иное, как выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в которое он «загоняет» себя по собственной вине. Что же, по мысли Канта, удерживает человека в этом состоянии? Помимо вполне житейских «лености и трусости» это еще и знания, усвоенные «механически» для злоупотребления своими природными дарованиями. Таким образом, все, что может служить источником авторитета и влияния (т.е. то, что обеспечивает связку «власть-знание»), воспринимается Кантом как недостаток Просвещения, недостаточная человеческая развитость. Источником же Просвещения является свобода «публично пользоваться собственным разумом», т.е. вне связи с исполнением должностных обязанностей. То есть свидетельство недостатка Просвещения – это лишь *частное* применение разума (ограниченное профессией или должностными обязанностями). Истинное же Просвещение – это общественное (*публичное*) применение разума, вследствие чего происходящее может стать предметом критического переосмысления.

Зададимся вопросом: нужно ли ученику или студенту то, что он изучает в школе или в университете? И да, и нет. Все дело в предпринимаемом усилии, в уходе образования вглубь, за фасад фактов предметного содержания, логики и рассуждений к тому, что важно для личности, туда, где скрыты человеческие мотивы и реальные жизненные интересы. Чтобы стимулировать процесс самораскрытия, всегда следует ставить вопрос о личностном смысле

в связи со всем, что мы пытаемся изучить или что нам преподают от детского сада до послевузовского образования. Вместо того чтобы отдавать все время безличному предметному содержанию, следует сосредоточиться на процессе эмоционального, психологического созревания личности.

Многие дети и подростки выносят из школы или университета наряду с набором сомнительных знаний вполне реальные эмоциональные проблемы, страхи, самообвинения, которые они сохраняют на всю жизнь. У некоторых людей эти проблемы взрываются девиантным поведением и даже преступлениями, но они типичны почти для всех, кто прошел через традиционную систему образования. В образовании, как правило, эти проблемы игнорируются, учат почти всему и рассказывают почти обо всем, кроме как о самом субъекте образовательного процесса. Он либо выносится за скобки образовательного процесса, либо превращается в ходячего абстрактного «человека вообще».

Говоря о современном «просвещении» нужно исходить из того, что, во-первых, нынешнее образовательное пространство поликультурное. Иными словами, мы не имеем в прошлом какой-то единой «точки исхода», по отношению к которой современность выступает в качестве направления движения, а будущее – точки назначения. В результате оправдание (или, напротив, обличение) настоящего в отношении к прошлому уходит на второй план, оставляя авансцену для проблемы диалога и самоопределения в отношении к *иному* и *другому*.

Во-вторых, поскольку прошлое и будущее не представляют теперь абсолютных ценностей, именно повседневное, профанное, лишенное героического блеска оказывается едва ли не единственным пространством и условием бытия.

В-третьих, сейчас как никогда углубляется разрыв идей Просвещения и Гуманизма, поскольку наблюдается «полиферация» версий этих идей, которые оказываются либо в несоизмеримых, либо в конфликтных отношениях.

В-четвертых, реализация господствующей ныне гуманистической модели индивидуалиста возможна в условиях априорной недостаточности универсальных идей и представлений, на которых строятся традиционные идеи Просвещения.

Важнейшим субстанциальным отличием индивидуальной образовательной траектории от линейно-процессуальных

моделей образования в прежние эпохи является то, что сущность образовательной траектории может быть соотнесена лишь с индивидуальным человеческим бытием, а не исторической (процессуальной) закономерностью. Кроме того, индивидуальная образовательная траектория не имеет никакой априорной формы «личностного развития», она зависит от постоянной внутренней изменчивости человеческого бытия. Если рассматривать индивидуальную образовательную траекторию в онтологическом ключе, то ее единицей становится не проектируемое и организуемое образовательное взаимодействие, а индивидуальный бытийный опыт и жизненный мир как среда реализации этого опыта [2, с. 74].

Характерной в этом плане была дискуссия, которая проходила совсем недавно (28 июня 2012 года) на секции «Философия образования» в рамках работы VI Российского философского конгресса в Нижнем Новгороде. Основные темы, имеющие отношение к проблемам образования, которые были затронуты и подвергнуты рефлексии участниками конгресса, можно было свести к следующим простым тезисам: 1) так как «подлинное знание» добывается трудно, оно не может быть массовым, не может легко усваиваться и не является адаптивным современным культурным реалиям и современному человеку; 2) процесс добытия и усвоения знаний не может приносить удовольствия, поскольку с получением удовольствия связывается потребительское отношение к реальности, которое, как правило, характеризуется как «бездуховное», а потому заслуживает порицания; 3) адаптивное, массовое, доступное образование не может быть качественным, как в силу вышеперечисленных причин, так и по определению; 4) гедонистический аспект в образовании напрямую связан с его коммерциализацией, что также ведет к его деградации и т.д., и т.п.

На все эти критические и эмоционально насыщенные сентенции, зачастую проникнутые трагизмом и безысходностью, можно возразить вопросом, вскрывающим еще один пласт рефлексии, намеренно или ненамеренно скрываемый теми, кто разделяет эти тезисы: не являются ли подобные заявления свидетельством личной трагедии людей, находящихся в ситуации футурошока? Свидетельством столкновения человека «прошлого» из мира дефицита, ограничений, информационного голода, преодоления трудностей, жесткой экономики с человеком «будущего» из мира ин-

формационного изобилия, перманентного выбора, полной свободы, роста индивидуальной ответственности и понижения «безликой» коллективной ответственности. Может быть, в этом просто проявляет себя страх перед будущим, ностальгия по минувшим временам, а потому нежелание быть современным?

К характеристике современного общества следует добавить то, что современные люди постепенно обретают новую родину – киберпространство, новый дом сознания [1]. Данное пространство не подконтрольно государству. Государство просто не способно на это. Киберпространство является делом естества и растет само посредством совокупных действий его представителей. У него есть своя культура, своя этика и свои неписанные законы, которые обеспечивают ему может даже больший порядок, чем тот, которого можно достичь наказаниями и запретами.

Что же представляет собой это киберпространство и как оно организуется? Оно состоит из взаимодействий и отношений, мыслит и выстраивает себя подобно волнам в сплетении коммуникаций. Его мир одновременно везде и нигде, но только не там, где живут тела его представителей. Они сами творят мир, в который могут войти все без исключения. В этом мире кто угодно и где угодно может высказывать свои мнения, какими бы экстравагантными они ни были, не испытывая страха, что его принудят к молчанию или согласию с мнением большинства.

Возможность направления и контроля информационных потоков не более чем иллюзия. Все более и более устаревающая «информационная промышленность» государств желала бы увековечить свое господство, выдвигая законы, требующие права собственности на мысли и способы их выражения. Эти законы, по сути, рассматривают идеи как одну из разновидностей промышленного продукта. Однако в мире киберпространства все, что способен создать человеческий ум, может репродуцироваться и распространяться до бесконечности безо всякой платы. Для глобальной передачи мысли «информационные заводы» и «авторские права» на их продукцию больше не требуются.

Ныне, в эпоху информатизации и виртуализации, идет процесс сильной экстернизации знания относительно «знающего», на какой бы ступени образования он ни находился. Старый принцип, по которому получение знания неотделимо от фор-

мирования разума и даже от самой личности, устаревает и выходит из употребления. Новое отношение к знанию, по сути, имеет форму отношения производителей и потребителей товаров, т.е. стоимостную форму. Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обменным. Оно перестает быть самоцелью. В связи с этим национальные государства, академии, университеты лишаются привилегий в отношении производства и распространения знания.

Современность не может гарантировать учащимся в их будущем стабильной основы их профессиональной деятельности. Поэтому и современное образование не может более плодить иллюзии и формировать пустые и опасные амбиции, однако может ориентировать на изменчивость жизненного процесса и, соответственно, на умение необходимым образом на это реагировать. Идею преемственности ценностных («слишком человеческих») составляющих культуры между поколениями следует, по меньшей мере, поставить под сомнение, хотя она, конечно, существует и реализуется в практической деятельности. Но какая от нее польза в реализации собственно образовательных задач? Новое поколение, в этом смысле, свое образование начинает с нуля. До сих пор такое положение фиксировалось только в период революций, при смене всей социальной структуры. Теперь оно становится нормативным требованием к развитию общества и соответственно к системе образования. В этом смысле, революция стала перманентной.

Одной из главных целей образования, как и прежде, является подготовка к будущей профессиональной деятельности. Но задачи и средства, предлагаемые к этому, существенно изменились. Прежде стандартной была ситуация, когда человек получал во время учебы профессию и всю жизнь работал в ней. Современные объективные условия свидетельствуют о том, что получение той или иной специальности, как правило, не определяет характер дальнейшей деятельности человека. Сегодня следует исходить из того, что целью образования является не овладение конкретной специальностью, а подготовка человека к будущему активному участию в деятельности разнообразных социальных институтов. Прежде овладение знанием было самоценным, безотносительно к их непосред-

ственному, утилитарному применению. Теперь знание есть лишь инструмент для его применения: или для достижения жизненного «успеха», или для обретения полноты жизни, радости и счастья. Оно ценно лишь при возможности его непосредственного использования и получения практического результата. Прежде знание исходило из необходимости целостного видения мира, общества, природы. Теперь образование дает частные технологии решения конкретных проблем. Глобальные теории отступают на второй план и постепенно уходят из сферы образования.

Общество ныне ориентирует человека на удовлетворение своих потребностей не через простое воспроизводство «человеческих качеств», а через социальные, технологические и технические средства их удовлетворения, т.е. «сверхчеловеческие качества». Отсюда обманчивое ощущение утраты «человечности» в обществе, однако разнообразные технологии удовлетворения потребностей говорят о громадной свободе выбора, дающей возможность самореализации, яркого проявления индивидуальности. Процесс обучения все более будет смыкаться с процессом развлечения (знание через игру).

Когда говорят об антропологическом повороте и соответствующем изменении в методологии образования, то ошибочно полагают, что речь идет о воссоздании некоего «человека вообще» по образцу традиционных моделей. Реально же перед образованием стоит задача производства «человека конкретного» – по-

лезного, умелого, деятельного, открытого для будущего. Поэтому, если поворот и произошел, то в сторону «технологического антропологизма», в направлении «сверхчеловека», аккумулирующего в себе совокупность социальных, технологических и технических средств будущего. Производство «человека вообще», «человеческого, слишком человеческого» современным обществом не востребовано. Оно не знает, что с этим делать.

Простое воспроизводство «человеческих качеств» не является целью воспитания и образования. «Человеческие качества» – это исходный инструмент в достижении общественной потребности, адаптации к жизни в будущем. Эта общественная потребность может восприниматься индивидом через задачу изменения личности («развитие личности»), но, в конечном итоге, само понятие личности включается в общественный контекст как часть общественной потребности. Ориентация образования на «сверхчеловеческие качества» позволяет внедрить технологии организации и самоорганизации в процесс обучения и сформулировать четкие критерии образовательной успешности личности. Они ориентированы на хорошую привычку к позитивному восприятию действительности, к открытости всем способам деятельности в ней, т.е. на активную и адаптивную жизненную позицию без ориентации на мертвящую любую деятельность predetermined «просветительских» целей и задач и жесткие «гуманистические» сценарии развития личности.

1. Барлоу, Д.П. Декларация независимости киберпространства [Электронный ресурс]. URL: <http://www.average.org/freespeech> (дата обращения: 01.03.12).

2. Бермус, А.Г. Индивидуальная образовательная траектория как философско-образовательный феномен [Текст] / А.Г. Бермус // Актуальные проблемы современного непрерывного образования в поликультурном мегаполисе: пути решения и перспективы развития: в 2 ч. / Под ред. Л.М. Федоряк. Глухів, 2012. Ч. 1. С. 65–75.

3. Кант И. Ответ на вопрос «Что такое Просвещение?» [Текст] // Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1966. Т. 6. С. 25–36.

4. Мендельсон, М. О вопросе «Что значит просвещать?» [Текст] / М. Мендельсон // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. СПб., 2004. С. 81–87.

5. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм [Текст] / Ж.П. Сартр // Сумерки богов / Сост. и общ. ред. А.А. Яковлева. М., 1990. С. 319–344.

6. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы [Текст] / М. Фуко. М., 1999.

7. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме [Текст] / М. Хайдеггер // Хайдеггер М. Время и бытие. М., 1993. С. 192–220.

8. Хоркхаймер, М., Адорно, Т.В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты [Текст] / М. Хоркхаймер, Т.В. Адорно. М.; СПб., 1997.

ПОТЕНЦИАЛ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.141.4

Э.Г. ЧЕРНОВА

Непрестанное реформирование российского образования призвано отвечать на вызовы турбулентно меняющейся социальной действительности. Удержание самобытности и преимуществ российского образования, выживание в конкурентной среде связывается часто с необходимостью трансформаций оснований ментальности и формированием «нового российского менталитета».

В этой связи видится важным проанализировать те необходимые компетенции, которые должны быть сформированы у сегодняшних выпускников вузов. Базой для любого специалиста были и будут личные качества и умения, благодаря которым он может не только успешно адаптироваться, но и развиваться в определенной мере. Формировать их можно только в рамках преподавания мировоззренческих дисциплин – не напрасно же в новых образовательных стандартах обязательной дисциплиной сохранена философия.

В сегодняшнем социуме господствует технократическое, сциентистски-ориентированное мировоззрение. Оно свойственно не только представителям технических, но и любых других профессий. Это мышление, сконцентрированное на одной ведущей идее. «Оно лишено мироощущения и миропредставления, которым свойственно живое отношение к действительности, лишённое... какого-либо схематизма» [1, с. 54]. Цель в таком мышлении превалирует над средствами, над ценностями, общее над индивидуальным. Для технократического мышления самоценны унификация, организация, возможность функционирования всего механизма в целом (будь то техническая или социальная система) гораздо важнее, чем частности. Шаблонные ситуации и стандартно мыслящие люди – вот идеальная среда для технократа. При необходимости принимать решения в новых условиях технократическое мышление не в силах выработать стратегию, оно переносит на перспективу актуальное состояние. Усилия направляются на поиск способов избавления от случайностей, колебаний, изменчивости. Важный признак

технократизма – отсутствие внимания к человеку, его интересам, его внутреннему миру, поскольку он «винтик» в механизме, который должен бесперебойно функционировать.

В образовании технократические тенденции ясно просматриваются в ориентации на европейскую унификацию, в тестировании разных уровней и назначений и т.д.

Но создание необходимых изменений, управление новым – это то, без чего сегодня не выжить. России не выбраться из тисков технократического мышления, пока на деле не изменится отношение к человеку – не как к рабочей силе, к «кадрам», а как к личности во всей ее уникальности. Содействие развитию личности в системе высшего образования, в первую очередь, могут оказать дисциплины «мировоззренческого» цикла, прежде всего философия. Самостоятельность мысли, выработка навыков быстрого самообучения базируются на грамотном анализе и оценке действительности, и именно его основы можно заложить в процесс преподавания философии.

В нашей постоянно нестабильной действительности, с тенденцией сдвига в сторону культивирования потребительских инстинктов основная задача в преподавании гуманитарных дисциплин должна состоять не в увеличении у студентов общеобразовательных знаний, а в увеличении мировоззренческой компетенции, и именно в этом смысле преподавание философии должно давать надежные ориентиры в плюралистической, мозаичной реальности. Философии открыта область фундаментальных предпосылок любой деятельности, она в силах ответить на вопрос, почему люди делают то, что они делают. Иначе говоря, в ситуации постоянного изменения условий теоретических и практических действий философия остается единственной инстанцией, помогающей найти стратегии ориентирования в усложняющемся мире. Поэтому можно согласиться с определением немецкого историка и философа Г. Люббе, что философия есть «... интеллектуальное

искусство рефлексии с целью разрешения кризисов ориентирования» [2, с. 93].

В проводимых образовательных формах одно из приоритетных направлений – усиление специализации. Но она очень легко превращается в деляческий профессионализм – способность производить лишь ту информацию, которая конвертируется «в твердой валюте». Задача помочь специалисту быть еще и свободной, ответственной личностью остается вне образовательных целей. Но без «постуляторного атеизма серьезности и ответственности» (М. Шелер) личности сегодня быть не может, и этому трудному и отчасти трагичному самопониманию научить может лишь философия. Какими бы ни были обстоятельства и условия, ответственность за собственные решения и поступки, а также и за отказ от действия – только на самом человеке. Какая дисциплина, кроме философии, может сформировать это убеждение?

Кроме того, философия учит преодолевать недоверие к «нестрогим» формам духовно-нравственного опыта, который не аргументирован с позиции науки, и одновременно критично к ним относиться, различая, например, суть религиозного мировоззрения и способы существования религии как социального института.

Для специалистов-«технарей» в широком смысле (так, например, управленец – тоже в известной мере «технарь») важно умение не догматически понимать основы самого естественно-научного знания, его историческую и культурную определенность, творческое восприятие подходов других исследователей, использование методик из других областей знания.

Философия – фундамент для формирования таких умений, ведь она всегда есть полисмысловое образование. Философский дискурс диалогичен. Он не только представляет собой столкновение позиций по какой-либо проблеме, но выступает как целостное ценностное пространство, в рамках которого происходит осмысление любого явления.

В философии сформирована та толерантная культура мышления, которая предполагает взаимоуважение других, порой диаметрально противоположных точек зрения. Являясь концептуальным основа-

нием толерантности, философия одновременно ее и формирует, так как история философской мысли в концентрированном виде содержит идею о позитивном восприятии инаковости.

В философствовании сомнение в ином реализуется через соотнесенность индивидуального акта философствования и других воззрений. Возможной данную соотнесенность делает толерантность: ведь для того, чтобы сомневаться, нужно допустить прежде всего то, по отношению к чему будет выражено это сомнение. Сомнение предполагает несогласие, но не предполагает устранения предмета несогласия. Догматизм же и технократизм, как его разновидность, исключают вариативность «правильности».

Таким образом, потенциал философии как мировоззренческой дисциплины в формировании ответственной и свободной личности очевиден. Но вышесказанное подводит к реально существующей и требующей решения проблеме: каким образом этот потенциал можно реализовать в условиях сокращения аудиторных часов преподавания философии?

Видится, что главное – это отстаивание определенного необходимого минимума часов (положительный опыт которого есть в Магнитогорском государственном техническом университете им. Г.И. Носова), поскольку только живое общение преподавателя и студента обеспечит качество интеллектуально развивающих, творческих форм обучения, интерактивных способов выстраивания занятий, обязательных в преподавании данной дисциплины. Второе – это разработка и включение в учебные планы подготовки магистров таких спецкурсов философской тематики, которые не ограничиваются философскими проблемами технических или других наук, но выводят и на социально-аксиологическую, и антропологическую проблематику.

Реализация таких «мероприятий» продемонстрирует понимание не только специалистами, но и руководителями разных рангов того, что без развития высокой степени ответственности за все, что происходит и с самим человеком, и вокруг него, выживание и более или менее достойное существование невозможно.

1. Зинченко В.П. Рассудок и разум в контексте развивающего образования [Текст] / В.П. Зинченко // Человек. 2000. № 4–5.

2. Плотников Н. Реабилитация историзма. Философские исследования Германа Люббе [Текст] / Н. Плотников // Вопросы философии. 1994. № 4.

РОЛЬ ФИЛОСОФИИ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИИ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 304.2

В.Н. УСОВ

Говоря о философии образования, на мой взгляд, следует вести речь именно о философских основаниях педагогической деятельности. Эти основания, условно, можно подразделить на три группы: предметные, операциональные и ценностные. Кризис российского образования свидетельствует о том, что мы находимся в своеобразной точке бифуркации, предполагающей альтернативные сценарии дальнейшего развития событий. Каковы основополагающие компоненты этих сценариев?

Современное образование осуществляется на основе научных знаний. Их совокупность является предпосылкой формирования в сознании обучающегося более-менее целостной картины мира. Эти же знания со стороны педагога (или преподавателя) трансформируются в *предметные модели организации обучения*. С.А. Смирнов выделяет три такие модели: модель «конвейера», проектную модель и сетевую модель.

Модель «конвейера», по его мнению, является классической моделью, вышедшей из европейского (точнее, немецкого) университета и ставшей самой массовой в мировом и российском образовании. Она основана на классическом типе рациональности, на классическом мышлении. Образование в этой модели представляет собой упаковку знаний в учебные предметы, прикрепляемые к преподавателю и транслируемые новым поколениям. Ее особенностью является специальная подготовка как построение системы специальных знаний на базе изучения специальных предметов.

Проектная модель – это неклассическая модель, воспроизводящая американский послевоенный университет с практико-ориентированным образованием. Для него характерно прикрепление студентов к проектам и конструирование индивидуальных траекторий обучения. В проектной модели образование строится как игровая деятельность, в ходе которой на основе прошлого знания и настоящей имитаци-

онной деятельности проигрываются различные будущие ситуации. Таким образом создается профессионал, работающий в будущем.

Сетевая модель еще не сложилась. Она призвана организовать образование в соответствии с требованиями информационного общества. Сетевое образование, по сути, является постнеклассическим, потому что его эффектом является самоопределение и самоорганизация образовательных событий, самовоспроизведение (или автопоэзис) индивидуальной системы знаний по индивидуальной образовательной траектории.

Постнеклассическая модель образования является синергетической моделью самоорганизации сети. Через мировую систему Интернет она делает для разных потребителей и субъектов образования открытым и доступным множество культурных практик [1, с. 156–157].

Операциональные основания педагогической деятельности, т.е. ее технологии, естественно, представляются в формах коммуникативных взаимодействий участников образовательного процесса. К ним следует отнести монолог, диалог и полилог. В современной литературе они описываются преимущественно феноменологически. Однако все эти формы имеют свой синтаксис, семантику и прагматику. Синтаксис монолога, диалога и полилога представляется формой их выражения и количеством участников; семантика определяется их предметом как темой; а прагматика характеризует их творческий смысл. В последовательности: монолог–диалог–полилог выражаются этапы развития творческих способностей людей к диалектическому мышлению.

В классическом образовании как процессе передачи предметных знаний основным средством является монолог. Монолог обычно определяется как устная или письменная речь его автора, как речь от первого лица, как речемыслительная деятельность одного человека, не предпо-

лагающая ответной реакции собеседника. Однако смысл самого монолога как раз и заключается в том, что он является более или менее развернутым ответом на вопрос, содержащийся в его теме. Игнорирование этого очевидного факта гипертрофирует его назидательность.

Неклассический способ мышления диалогичен. Он дает осознание зависимости характера получаемого знания от мыслительной позиции. Диалог обычно определяется как речь двух собеседников, предполагающая их ответные реакции. Отмечается, что с их сторон могут выступать и другие участники, причем в любом количестве. Однако любой диалог начинается с вопроса его автора, на который он ожидает ответ другого лица, превращающегося в собеседника. Если инициатор диалога не получает удовлетворительный ответ на свой вопрос, то диалог превращается в дискуссию, спор, который может завершиться конфликтом.

Односторонний монологический характер образования не способствует активности обучаемого. Целью включения диалога в образовательную систему является усиление его деловой активности. Именно в диалоге формируется самостоятельность личности, умеющей принимать ответственные решения.

В литературе нередко отмечаются монологичность диалога и диалогичность монолога, т.е. их единство в качестве диалектических противоположностей. Однако основание этого единства невозможно определить без фиксации третьей стороны – наблюдателя (Н. Луман). Но включение третьего лица в этот процесс предполагает новую форму социальной организации логического мышления – полилог. Последний не часто рассматривается в данном контексте.

Полилог обычно представляют формальным множеством диалогов или его развернутой последовательностью. Однако, начиная уже с третьего лица, он выражает собой совершенно иное качество. В этом смысле полилог представляет собой управляемый диалог. Позиция третьей стороны – это позиция не только «стороннего» наблюдателя (или, как говорит Р. Рорти, надзирателя), но и судьи, посредника, организатора, ведущего, лидера

и т.д. Причем эту позицию действительно могут занимать многие, обладающие соответствующими способностями. Таким образом, коммуникативные технологии педагогической деятельности оборачиваются автокоммуникативными.

Ценностные основания педагогической деятельности представляются в идеальных моделях ее продукции. Потребителями этой продукции являются общество, государство и индивид, т.е. отдельный человек. Они формируют так называемый социальный заказ на образование. Цели и смысл классического образования, как известно, определялись и определяются технологическими потребностями общественного производства. Его главный ориентир – фундаментальная подготовка специалиста, обладающего знаниями в конкретной области бытия (прежде всего природы). Таким образом, индустриальное общество получает дисциплинированного исполнителя, пунктуального и послушного работника.

Цели неклассической образовательной деятельности имеют прагматичный, утилитарно-прикладной характер. Социальный заказ на ее продукцию определяет рынок или государство. Качество образования оценивается здесь уровнем профессиональных умений и навыков.

С конца XX в., как известно, начинается образовательно-педагогическая революция, заключающаяся в том, что главным продуктом системы образования становится не образовательная услуга, а сам человек, его социализация, качество его общественного интеллекта. Становление постиндустриального общества, экономики знаний формирует новый социальный заказ – на «креативную личность» (умеющую находить нужную информацию, нужные алгоритмы решения задач, принимать нужные решения и т.д.). Причем заказчиком образования становится сам человек как потенциальный субъект всей культуры. Идеальный образ его продукции начинает определяться понятием «компетенция».

Очевидно, при формировании образовательной стратегии должны соблюдаться определенные соответствия между основополагающими компонентами педагогической деятельности. Как видно, классическое образование является предметным, моно-

логическим, ориентированным на выпуск узких специалистов, обладающих знаниями в конкретных областях бытия. Неклассическое образование отличается практико-прикладной направленностью получаемых знаний, диалогичностью и ориентированностью на подготовку профессионалов, обладающих индивидуально необходимыми навыками и умениями. Постнеклассическое образование предполагает свободный выбор образовательных компетенций из доступного множества. Оно является полилогичным и ориентируется на творческую самореализацию личности. Если определенные соответствия не соблюдаются, то возникает феномен «псевдо».

Феномены псевдообразования в современном российском обществе многочисленны и разнообразны. Проблемы с ЕГЭ, коммерциализацией образования, разрыв образования и воспитания и т.д. очевидно свидетельствуют об отсутствии продуманных ценностных оснований педагогической деятельности. Таким образом, умы молодежи заполняются современными «идолами»: рода, пещеры, театра и рынка.

Реализация Болонского соглашения создает технологическую иллюзию соответствия традиционного для России подразделения образования на среднеспециальное (техникумы) и высшее (вузы) Западной двухуровневой вузовской системе образования (бакалавры – магистры). Иллюзию, потому что дипломы об образовании по-прежнему остаются неравноценными, неважимоменяемыми.

Вводимые в вузах в качестве нормативных документов учебные программы

третьего поколения по разным предметам чаще всего лишь призрачно намекают на содержание современной постнеклассической науки. Они изобилуют вымышленными компетенциями. Причем общепринятое понятие компетенции (и компетентности) в настоящее время также отсутствует.

Для того чтобы выявлять и адекватно понимать специфику философских оснований любой человеческой деятельности, требуется особый методологический подход – философская рефлексия. Однако толкуется она повсеместно по-разному. Нередко ее отождествляют с локковским понятием рефлексии, по сути являющимся психологическим. При специальном внимании постоянно используются ее прошлые, устаревшие наименования: «трансцендентальная рефлексия» (Кант), «разумная рефлексия» (Гегель), «эйдетическая рефлексия» (Гуссерль), «чистая рефлексия» (Сартр) и др. Их смысл очевидно различен.

Философская рефлексия, по-моему, всегда выступает как способ самосознания. Она является рефлексией второго порядка, но не в смысле О. Фёрстера как сознание сознания (такое ее понимание уводит в дурную бесконечность), а в смысле диалектического единства сознательного и бессознательного (К. Юнг), опосредствованного и непосредственного (Х. Плеснер) и т.д. Философская рефлексия как способ самосознания есть саморефлексия, диалектически связывающая рефлексию и нерефлексию. Таким образом, она позволяет осмысливать отношения мышления к бытию, сознания к материи, субъективного к объективному, т.е. выявлять предельные мировоззренческие основания в различных областях культуры.

1. Смирнов, С.А. Практикуемые модели социально-гуманитарного образования [Текст] / С.А. Смирнов // Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России / под ред. Л.Г. Ионина. М.: Логос, 2003. С.153–170.

е-СМЫСЛ И ОБРАЗОВАНИЕ «ТРЕТЬЕЙ ВОЛНЫ»: ИСТИННОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ

УДК 165

О.Э. ИВАНОВА

В настоящее время рост объема создаваемой информации (прежде всего, цифровых ресурсов) и медиапространство претерпевают колоссальные изменения. Согласно результатам исследования компании IDC (International Data Corporation), каждые два года информация в мире удваивается, составив в 2011 году 1,8 зеттабайт, и к 2020 году объем производимой информации увеличится в 50 раз [7]. При этом возрастает количество информации, представленной в цифровом виде. В частности, по данным R.R. Bowker, из 1,3 млн книг, вышедших в США в 2009 г., 77% не были стандартными публикациями, а включали, в основном, электронные книги и книги, выпущенные по требованию (on-demand) [4, с. 21]. Так, рост объемов использования мобильных устройств привел к увеличению числа интернет-пользователей, выходящих в Интернет с мобильных устройств. По состоянию на март 2011 г., число пользователей Интернета превысило 2 млрд человек, что составляет практически 30% населения земного шара. Ежедневно на Twitter отправляется в среднем 140 млн твитов. В рамках своей программы сохранения цифровых материалов Библиотека Конгресса приступила к сохранению твитов, которые обладают «колоссальным потенциалом для изучения современного образа жизни» [4, с. 22]. Рассуждение в картезианском духе позволяет задать вопрос: коль скоро велик объем получаемой информации (прежде всего цифровой), то не велика ли и вероятность ошибки в ее интерпретации, в трансформации смысла как онтологического «дна» коммуникации в увеличивающемся информационном потоке?

Ответ на вопрос предполагает обращение к понятию «трансформация смысла». Феноменология этого вопроса позволяет выделить взаимосвязанные, но не заменяющие друг друга линии. Во-первых, линию оформления смысла в «между» – «транскоммуникации», подводющую к вопросу начала смысла как трансформируемого смысла, возникающего ситуативно и не раз и навсегда в результате интерактивного взаимодействия. Во-вторых, линию проблемы изменений, претерпеваемых смыслом в условиях измененного процесса коммуникации.

При этом мы учитываем позднелатинское «transformatio» – «превращение», латинское «transcendens» – переступающий, превосходящий, выходящий за пределы. Трансформация смысла – процесс развития смысла, выходящий за пределы его формирования (образования), в ходе которого смысл присваивает признаки, производные от коммуникационного континуума, в котором он развивается. Следует уточнить, что данное представление фундируется идеей отсутствия изначальной заданности смысла. В трансформации смысла реализуется определенная ступень (стадия) в развитии смысла, определенный способ его развития, соответствующий, преимущественно, определенной ступени развития общества. В первую очередь, речь идет о постнеклассическом развитии общества, точнее, сетевом обществе как некоей его квинтэссенции, хотя и не исключаются иные варианты. Предварительно заметим, что основанием этому служит сущностная особенность сети, позволяющая преодолеть замкнутость пространства, реализующаяся в попытке преодоления (снятия) системных ограничений. Разомкнутость сети позволяет выйти на иной уровень в развитии смысла, учитывая различные факторы, влияющие на изменения, которые претерпевает смысл.

Условия трансформации смысла в коммуникации определяют особенности организации коммуникационного континуума. Идея «коммуникационного континуума» находит подтверждение в диалогической философии (в связи с разработкой бытия «Между Я и Ты» как непрерывного идеально-телесного сосуществования Я и Другого, не исключающее его материальную тождественность Я), в особом пространстве коммуникации, где рождается (производится) смысл (идея, концепт), в экзистенциальной мысли (в связи с разработкой понятия «экзистенциальная коммуникация»), в герменевтико-феноменологической и аналитической философии (относительно особенностей проявления смысла в коммуникации, настраивающей, прежде всего, на его понимание).

Предпосылки трансформации смысла в коммуникационном континууме закладыва-

ются в связи как с непониманием смысла, так и с его интерпретацией. Данные процессы онтологизируются современным информационным обществом, в пространстве и времени которого «обитает» «человек коммуницирующий» (осуществляющий не только социальное взаимодействие, но и взаимодействие с техническими устройствами как с «Ты», преодолевая ограниченность шенноновской теории информации, не предполагающей «обратной связи» и движения смысла в коммуникации). Медиа представляют внешнее расширение человека: «личностные и социальные последствия любого средства коммуникации – то есть любого нашего расширения вовне – вытекают из нового масштаба, привносимого каждым таким расширением или новой технологией в наши дела» [3, с. 10]. Указанное представление о средстве коммуникации как сообщении рассматривается независимо от содержания сообщения.

Оценка результатов анализа репрезентативности цифровой информации, проведенного Е.Ю. Журавлевой, позволила прийти к выводу о неравнозначной сосредоточенности и распределении смысла. Более того, подтверждение данной мысли мы находим и в исследованиях неоднородности структуры сетевого пространства, при выявлении небольших участков пространства, «центров гравитации» (center-of-gravity), с достаточно легким доступом и к средствам коммуникации, и к информации, где «оказывается наибольшее количество образованного населения, именно здесь протекает основная экономическая жизнь. По экспертным оценкам, глобальный мир сегодня – это совокупность таких универсальных центров» [1, с. 11].

При определении эпистемического статуса цифровых данных в соответствии со степенью форматирования информация классифицируется на три группы. Наиболее ценными с точки зрения количества имеющейся информации являются структурированные данные – это крупномасштабное средство коммуникации исследователей, в них «отражаются отдельные факты предметной области», «основная форма представления данных в системах управления базами данных» [2, с. 115]. Второй вид цифровых данных – полуструктурированные – обладают характеристиками схем и метаданных: это «характеристики описываемых сущностей для целей их идентификации, поиска, оценки, управления ими, а также данные из более общей формальной системы, описывающей заданную систему данных». Значимость метаданных весьма прагматична и определяется необходимостью поиска полезной информации среди огром-

ного количества доступной. По оценке Е.Ю. Журавлевой, созданные вручную метаданные «имеют большую ценность, поскольку это гарантирует их осмысленность». Неструктурированные данные (третий вид) содержатся в текстовых документах, электронных таблицах, сообщениях электронной почты, в графике, музыке, видео и т.д. и широко используются «в виде отклика предоставляемому пользователю поисковыми системами». Особое внимание стоит обратить на масштабность неструктурированных данных, из которых, по современным оценкам, состоит «более 95 % цифровой среды» [2, с. 115].

Следовательно, развитие (объем) неструктурированных данных может привести к увеличению вероятности потери смысла. Сохранение же смысла (передача адекватного смысла) приходится на долю в 5% структурированных и полуструктурированных данных. Исходя из онтологических особенностей (структуры существования) интернет-данных и возникает вопрос о возможной потере смысла.

Кроме того, трансформируются и свойства коммуникационного континуума средствами mass-media: «время» прекратилось, «пространство» исчезло (М. Маклюэн) в силу технических возможностей. Такой коммуникационный континуум – особая среда коммуникации, реализующая принцип непрерывности и представляющая открытую нелинейную систему обмена смыслами в ходе on-line («здесь и сейчас») диалога между пользователями, отвечающими минимальным техническим (материальным, в виде наличия выхода в Интернет) и интеллектуальным (знаниевым) требованиям – реализует непрерывное бытие смысла в коммуникации. По сути, в Интернет эксплицируется принцип гносеологического анархизма – «anything goes» П. Фейерабенда – при открытости смысла в условиях открытой коммуникации. Нет оснований сомневаться в том, что Интернет обеспечивает смыслу открытость, расширяя возможности коммуникации. Однако сущностная «настроенность» (М. Хайдеггер) на обратную связь может как поддерживать коммуникацию, так и влиять на ее обрыв, когда вступает в силу т.н. «коммуникационный переизбыток» [5, с. 100–101] как состояние активного бытия, возникающее в результате противоречия между увеличением объема информации и несоизмеримостью возможностей ее восприятия и обработки человеком в связи с определенными психологическими (внимание, память) и временными ресурсами. Другими словами, открытость коммуникационного континуума в свете принципа «anything goes» позволяет

рассматривать Интернет (учитывая структуру коммуникации как процесса) пространством шума, где детерминирующим фактором помех (коммуникационных препятствий) выступает непрерывно увеличивающийся информационный поток, затрудняющий распознавание истинного смысла. Информационное «anything goes» «размывает» смысл.

Все большее значение в трансформации коммуникационного континуума приобретает особая форма пространства – киберпространство. Это воображаемая реальность, характеризующаяся разомкнутостью бытия, самоорганизующаяся, состоящая из взаимодействий и непрерывно развивающаяся, с нивелированием темпоральных характеристик (снимаются физические ограничения, «размываются» границы между реальным и воображаемым), структуру которого определяет сеть. Сеть представляет определенный способ бытия смысла (его порождения и движения).

Основанием для неравнозначности производства (формирования) и распределения смысла в сетевом коммуникационном континууме является и выделение в его структуре нетократов – субъектов-коммуникантов, обладающих сознанием, владеющих нормами языка пользователей сети, ее создателей, и консьюмтариата (от англ. – consumer proletariat – пролетариат потребителей), каковым является большинство пользователей сети, не владеющих специфическим языком нетократов. Это порождает возникновение препятствий на пути передачи смысла, обнаруживающего свою неустойчивость в связи с непониманием значения слов, поскольку у нетократов и консьюмтариата отсутствует «смысловая общность», что определяет возможность несоответствия смысла его первоначалу.

Особое место в киберпространстве занимает социальные сети, в определенной степени «размывая» противоречие в смысловой общности в указанном контексте. Это мощный канал коммуникации: средний ежедневный показатель пребывания в социальных сетях – 2 раза, тогда как сайты профессионального общения пользователи посещают 9 раз в месяц. По времени провождения в Интернете социальные медиа обогнали лидирующую до этого порнографию. Наиболее частыми видами деятельности в социальных сетях являются обмен личными сообщениями, просмотр и загрузка фото, просмотр статусов друзей и их комментирование. В этом просматривается герменевтический аспект коммуникации, особенно, учитывая, что «текстовость» преобладает над визуальной и аудиальной ком-

муникацией: даже мультимедийная среда не позволяет отказаться от попытки толкования, интерпретации, понимания текста как части духовной жизни его субъекта, «вписывающегося» в он-лайновую реальность.

Социальные сети представляют дополнительный инструмент коммуникации, составляющий серьезную конкуренцию традиционным масс-медиа: новости находят человека в социальных сетях, поэтому вполне закономерным следствием является падение тиражей мировых газет. По данным Ассоциации американской прессы, к третьему кварталу 2008 года доход газет от рекламы снизился на 18,1%, национальный доход падения продаж составил 18,4%, доход от объявлений упал на 30,9%, и от интернет-рекламы снизился на 3% [8, с. 13]. Кроме того, социальные сети являются и эффективным маркетинговым каналом, которому доверяют 90% пользователей благодаря размещению т.н. «френдовой» информации, тогда как степень доверия контекстной и банерной рекламе на тех же страницах составляет 14%. По данным Куалмана, 25% от всех выводимых в поиске результатов о 20 наиболее популярных мировых брендах принадлежат контенту, формируемому пользователями социальных сетей.

Социальные медиа выходят за пределы исключительно технического средства коммуникации, их воздействие не ограничивается пределами Интернета (пространства), они также могут управлять активностью и в противоположном направлении – реальном мире. Это обусловлено тем, что корни социальных сетей уходят в офф-лайновый мир (книжные, мужские, садоводческие и атлетические клубы). Технологии лишь позволили, в целом, выйти на новый уровень сетей или клубов, сделав их цифровыми [8, с. 13].

В результате коммуникации в указанных условиях создается виртуальный образ смысла (**e**-смысл), отличительными признаками которого выступают открытость, диалогичность, флуктуационность, высокая степень субъективности, реляционность, существование вне пространственно-временных пределов (Таблица 1).

Таким образом, современный коммуникационный континуум создает предпосылки для трансформации смысла в коммуникации, прежде всего, в силу его неустойчивости, отсутствию его изначальной заданности и константной изменчивости. Однако следует уточнить, относительно какого смысла корректно применение понятия «трансформированный смысл»: **e**-смысл, обладающий указанными сущностными характеристиками, иной, нежели смысл реальности

Таблица 1

Влияние сетевого коммуникационного континуума на смысл

№	<i>Особенности сетевого коммуникационного континуума</i>	<i>Характерные черты смысла</i>
1.	Коммуникация как диссипативная структура в условиях киберпространства	Флуктуационность смысла
2.	Разомкнутость бытия в киберпространстве	Открытость смысла
3.	Сеть как структурное определение киберпространства	Равноудаленность, доступность, атеп-моральность смысла
4.	Широкое использование «обратной связи»	Диалогичность смысла
5.	Лавинообразность цифровой информации, Интернет как пространство «шума»	е -смысл, вероятность «размывания», обесценивания (потери) смысла в условиях лавинообразности информации
6.	Репрезентативность цифровой информации (95% неструктурированной информации)	Неустойчивость, нестабильность смысла
7.	Высокая степень доверия «френдовой» информации; временное превосходство пребывания в социальных сетях по сравнению с профессиональными, достигающее 7 раз	«Платон мне друг, но истина дороже» не «работает»: авторитетность ценится выше стремления к истинности, реляционность смысла
8.	Преобладание «текстовости» в сетевой коммуникации	Герменевтичность смысла
9.	Неравенство развития коммуникационного континуума при сосредоточении в «центрах гравитации»	Неравномерность распределения смысла
10.	Отсутствие равенства в сетевом континууме, отсутствие «смысловой общности» между нетократами и консьюмтариатом	«Гносеологические барьеры», препятствия на пути понимания смысла и, как следствие, возможность несоответствия смысла его первоначальному, являющаяся условием трансформации

(в силу воздействия внешних коммуникационных факторов). Следовательно, и усмотрение в нем «трансформированности» допустимо исключительно относительно смысла, бытийствующего в реальности. Применительно же к киберпространству понятие трансформированного смысла едва ли уместно, поскольку это предполагается самой идеей вообразимой реальности а priori, более того, его сущность только и будет проявляться в постоянной трансформации.

Сетевой смысл отличает нелинейность – это не прямая однородная линия, а всего лишь событийный, совместный пунктир с множественностью возможностей для модификации, разрушаемый и способный к возобновлению в условиях десубъектоцентрированности. Нет оснований сомневаться в том, что Интернет обеспечивает смыслу открытость, расширяя возможности коммуникации. Однако обратной стороной от-

крытости смысла предстает его уязвимость (незащищенность) и, как следствие, его трансформация.

В условиях изменения коммуникационного континуума при «ускорении» времени и «размывании» пространства изменяются и требования к образованию. Его главной задачей становится научить распознавать (понимать, улавливать, расшифровывать, извлекать) смысл – истинное значение содержания передаваемой в коммуникации информации, задействовать инструментализм образования. Мысль об инструментальности образования высказывал еще Д. Дьюи, ее актуализация в условиях постиндустриализма («Третьей волны») представлена Э. Тоффлером.

Э. Тоффлер неоднократно говорит об отражающей сущности образования по отношению к существующему обществу. Так, с точки зрения подчинения нуждам массового промышленного производства, настра-

ивавшего на выполнение механической работы, оправданной оказывается массовость образования и обучения в период «Второй волны». В свете развития технических приспособлений и средств коммуникации, интерактивность которых подводит к осознанию того, что каждый пользователь может создавать, отправлять и получать образы (смыслы), необходим пересмотр представлений об образовании во время «Третьей волны». Образование постиндустриализма также отражает потребности общества, выступая «эффективным инструментом адаптации к месту и времени». Ориентация образования на будущее позволит человеку обеспечить в новой реальности «мягкую посадку» за счет повышения способности индивида адаптироваться к меняющимся условиям, преодолевая реверсионизм и предотвращая, таким образом, «шок будущего». «Ответ на шок будущего не в неизменности, а в изменениях нового вида» [6, с. 437].

В качестве такого методологического ориентира целесообразна выработка альтернативных представлений о будущем, учитывающих прогнозные потребности (рассчитанные на 20–50-летний период) социальной реальности (с позиции профессиональной ориентации, человеческих взаимоотношений, морально-этических проблем и проблем технического прогресса). Актуализируется и вопрос о пересмотре форм и способов образования. Возрастает необходимость индивидуализации образования, одним из вариантов которого может стать диалектический возврат к домашнему обучению (свойственному «Первой волне»), когда в роли педагога по изучению курсов или модулей (на договорной основе) могут выступать некоторые родители, являющиеся специалистами в определенных областях. Отличие же индивидуализации образования в период «Третьей волны» – в неизбежном использовании ИКТ-технологий,

развитии сети дистанционного образования, возможности предусмотреть непрерывность образования в течение жизни в контексте мобильно изменяющейся реальности, следуя принципу «подключения – отключения». Частью реальности уже стали т.н. «электронные университеты» – высшие учебные заведения в русле «Третьей волны», как размещающие в сети on-line табло для абитуриентов, предоставляющие учебно-методические и библиотечные материалы, так и организующие видео-интернет-конференции, использующие ресурсы социальных сетей в образовательном процессе и т.д. В индивидуализации образования реализуется демассификация как признак «Третьей волны».

Федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования третьего поколения (ФГОС), в определенной степени, настраивают на реализацию указанной инструментальности образования. В результате изучения дисциплин обучающийся должен владеть «знанием как» набором компетенций, необходимых в профессиональной деятельности. Иначе говоря, просматривается утилитарность знания. Вопрос практического применения знания предполагает, в первую очередь, адекватное понимание его смысла. Установка, являющаяся, скорее, очевидной, усиливается еще и тем, что новые ФГОС реализуют дестандартизацию как признак «Третьей волны» посредством отсутствия дидактических единиц как содержательного ориентира (хотя и используемых «по умолчанию»). Поскольку одни и те же компетенции могут быть сформированы в рамках различных дисциплин (различного знаниевого массива и методологического поля), есть вероятность релятивизации смысла, в связи с чем актуализируется вопрос трансляции «трансформируемого смысла» с учетом онтологических особенностей сетевого коммуникационного континуума.

1. Гриняев, С.Н. Поле битвы – киберпространство: Теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны [Текст] / С.Н. Гриняев. Мн.: Харвест, 2004. 448 с.

2. Журавлева, Е.Ю. Эпистемический статус цифровых данных в современных научных исследованиях [Текст] / Е.Ю. Журавлева // Вопросы философии. 2012. № 2. С. 113–123.

3. Маклюэн, Г.М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека [Текст] / Г.М. Маклюэн. М., Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.

4. Мишра, С. Сохранение цифровой информации [Текст] / С. Мишра // Сохранение электронной информации в информационном обществе. Сборник материалов международной конференции (Москва, 3–5 октября 2011 г.) / Сост. Кузьмин Е.И., Мурована Т.А. М.: МЦБС, 2012. С. 21–27.

5. Назарчук, А.В. Новая коммуникативная ситуация: рождение сетевого общества [Текст] / А.В. Назарчук. // Философия и будущее цивилизации: Тезисы докладов и выступлений IV Российского философского конгресса. (Москва, 24–28 мая 2005 г.): в 5 т. М.: Современные тетради, 2005. Т. 3. С.100–101.

6. Тоффлер, Э. Шок будущего [Текст] / Э. Тоффлер. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.

7. Digital Universe [Электронный ресурс]. URL: <http://www.emc.com/leadership/programs/digital-universe.htm> (дата обращения: 10.09.2012).

8. Qualman E. Socialnomics: How social media transforms the way we live and do business. New Jersey: John Wiley & Sons, Inc., Hoboken, 2009. 288 p.

БАЛКАНИЗАЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ

УДК 304.42+32.327

В.А. НЕХАМКИН

В настоящее время пристальному вниманию ученых, публицистов подвергается процесс становления на Земле универсального экономического, политического, культурного пространства, именуемый глобализацией. Утверждается, что он носит неизбежный характер, выстраивается «в единую и устойчивую линию-тенденцию, несмотря на массу препятствий как объективного, так и субъективного характера. И это позволяет говорить о формировании нового – глобального типа социальности» [3, с. 93].

Цель глобализации – в ее вестернизированном варианте – унификация человечества под принятые на Западе экономические, политические, а, главное, культурные стандарты. Или, как пишет И. Рамоне, «под безжалостный стандарт стерильного единообразия». От Эквадора до России – «одни и те же фильмы и телесериалы, одна и та же информация, одни и те же песни, рекламные ролики, ... предметы, костюмы...» [8, с. 39]. Символы такой унификации – рестораны Макдональдс, Голливуд как центр киноиндустрии и т.д.

Наступление прозападной глобализации вызывает ответную реакцию: появляются отдельные личности, социальные группы, выступающие против нее. Сюда следует отнести неоднородное движение анти-, альтерглобалистов. Первые (начиная от субкоманданте Маркоса и заканчивая президентом Венесуэлы У. Чавесом) отрицают глобализацию в ее западном варианте полностью. Вторые (А. Бузгалин, М. Алле, М.С. Горбачев и др.) полагают, что объективно глобализация – процесс позитивный, но подлежащий корректировке в сторону нейтрализации недостатков ее вестернизированной версии.

Наряду с теоретиками, существуют многочисленные антиглобалисты-практики, предпринимающие шумные акции: демонстрации в городах, где проходят встречи лидеров Большой восьмерки, пикеты ресторанов «Макдональдс» и т.д. Антиглобалисты-радикалы (например, группировка исламских фундаменталистов «Аль-Каида») совершают террористические акты против государств – лидеров глобализации. Их наиболее известная акция – атака на здания ВТЦ и Пентагон 11 сентября 2001 г. Наконец, Маркос и его сторонники создали в Мекси-

ке (в штате Чьяпос) район, «свободный от глобализации».

Однако на практике глобализации противостоят не только лица или группы. Существует объективная (недостаточно изученная) тенденция: балканизация, ярко проявившаяся в последнее десятилетие XX – начале XXI вв.

Энциклопедия «Dirty.Ru» в 2007 г. видит ее содержание так: «балканизация» – это термин, описывающий процесс, противоположный глобализации. Возможно, вы не слышали о нем, потому что он существенно лучше глобализации и никто никогда не устраивал демонстраций против него. После балканизации все всегда остается довольным». Такое определение порождает вопросы. Да, балканизация «противоположна глобализации». Но каково ее специфическое содержание? Каковы источники возникновения, закономерности развития, механизм становления балканизации? Всегда ли по завершении балканизации «все остается довольным», или она порождает новые конфликты? Наконец, каковы перспективы балканизации в современном мире?

Что такое «балканизация»?

«Балканизация» – категория, которая неоднократно изменяла содержание. В XIX – начале XX вв. этим понятием характеризовали ситуацию в конкретном регионе мира: Балканском полуострове. Здесь шел сложный процесс становления новых народов, сильны были национальные движения, направленные на образование новых государств в рамках двух разрушающихся империй – Османской, Австро-Венгерской. Неоднократно случались войны, которые прямо именовались «Балканскими» (1912–1913 гг.). Неслучайно современники в лице У. Черчилля называли регион «пороховой бочкой Европы». Именно здесь, действительно, родился повод (убийство сербскими националистами наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда), который за один месяц в 1914 г. втянул мир в I мировую войну. Следовательно, в начале XX в. «балканизация» означала крайнюю степень этнического размежевания, сопровождаемую острыми вооруженными конфликтами.

В конце XX в. содержание категории «балканизация» изменяется, переходя с кон-

кретного на абстрактный уровень. Одни ученые под ней начинают понимать пробуждение национального самосознания народов, проживающих на определенной территории. По мнению К. Гаджиева, ее суть «состоит в возрождении национальных, этнических, местных приверженностей внутри стран, регионов, «цивилизаций» [2, с. 461].

Однако у отечественных и зарубежных специалистов наиболее распространено мнение, согласно которому «балканизация» – конфликт, приводящий к гибели национального государства, подобный распаду СССР или Югославии в начале 90-х гг. По мнению О. Маслова, «под балканизацией принято понимать распад государства или федерации на несколько недружественных государств. Широкое хождение термин получил после статьи британского премьера Г. Брауна, посвященной 300-летию объединения Англии и Шотландии, в которой Гордон (Браун – прим. авт.) обещал не допустить балканизации United Kingdom. Признаем, что сегодня термин «балканизация» применяется к ряду «горячих точек» в Африке, Азии и, естественно, к Кавказу» [4]. В этой связи Маслов говорит о разрабатываемом спецслужбами Запада плане «Балканизация-800», предполагающем раздробление политической карты мира на 800 «малых» государств вместо нынешних 193.

В сходном ключе рассуждает Р. Коллинз. Он рассматривает «балканизацию» как один из видов «этнических изменений», т.е. этнических процессов. Ученый пишет: «В соответствии с моделью «балканизации», геополитическое развитие стремится к упадку: государство терпит крах, престиж доминирующей этнической группы невысок; направлением массовой мобилизации становится этнический сепаратизм, а не ассимиляция. В этом случае доминирующая этническая группа становится не только непривлекательной, но и превращается в отрицательную точку соотнесения» [5, с. 48].

Позиции Коллинза, Маслова и др. роднит этно-национальный подход, с точки зрения которого осуществляется определение «балканизации». С одной стороны, он верно отражает суть происходящих процессов: «балканизация» предполагает разделение единого государственного, национального пространства на ряд сегментов. С другой стороны, указанная концепция, на наш взгляд, сужает содержание рассматриваемой категории. Ныне «балканизация» проявляется не только в национальных отношениях, конфликтных ситуациях. Это более глубокий, фундаментальный процесс, протекающий в мировом масштабе.

Иначе на определение «балканизации» смотрят авторы соответствующей статьи в Википедии. Они выделяют в термине два смысла. С одной стороны, «балканизация – процесс распада государства или федерации, сопровождаемый дальнейшей фрагментацией вновь образованных политических субъектов, которые вступают в конфликтные отношения друг с другом вплоть до гражданской войны». Термин зафиксирован в словарях с 1999 г., является производным от региона Балканы, где в 1990-е гг. произошел распад Югославии. Тогда бывшие субъекты федерации превратились в суверенные государства (Босния, Сербия, Хорватия), которые подверглись дальнейшей фрагментации: от вновь образованной Хорватии отделилась Книнская Краина, от Боснии – Республика Сербская, а от Сербии впоследствии Косово.

С другой стороны, авторы статьи в Википедии отмечают, что «в современном словоупотреблении термин «балканизация» часто означает негативные последствия распада государств и опасности поощрения сепаратизма. В этом смысле говорят о «балканизации» Африки, Европы, Украины или России. Антонимом «балканизации» называют американизацию и связанную с ней глобализацию». Получается, что ныне «балканизация» – не просто процесс распада какого-либо государства, а более широкое понятие – одна из альтернатив глобализации. Однако в чем состоит противоположность «балканизации» и глобализации из указанной статьи тоже не ясно.

Суммируя существующие подходы к дефиниции «балканизации», следует подчеркнуть: к концу XX в. рассматриваемая категория обретает новое содержание, не сводимое ни к событиям собственно на Балканах, ни к процессу развала ряда национальных государств в 90-е гг. По моему мнению, «балканизацию» надо определить как универсальную, объективную тенденцию к разделению формирующегося ныне глобального мира на отдельные составляющие, которые тоже склонны к внутреннему распаду, дроблению на составные части. В указанном смысле «балканизация» – противоположность глобализации. Если первая – выражение порядка, унификации, то вторая – хаоса, дезинтеграции. Такое определение, как мне кажется, лучше предшествующих по ряду причин. Во-первых, уходит от привязки данного процесса к конкретному региону (Балканам). Во-вторых, не должно объяснять исключительно процесс распада национальных государств в 90-е гг. В-треть-

их, позволяет выявить соотношение категорий «балканизация» и «глобализация».

Источники балканизации

Источники балканизации в современном мире разнообразны. Причем проявляются они, как правило, не по отдельности, а комплексно. В целях подробного анализа каждого такого источника, последние целесообразно разделить на ряд устойчивых групп.

Первый распространитель балканизации – «серые зоны»* (СЗ). Это территории, на которых власть государства или его органов ограничена, носит формальный характер или вообще отсутствует. Здесь господствует криминал, племенные кланы, религиозные фундаменталисты, партизанские формирования, террористические группы и т.п. СЗ могут быть нескольких видов.

А) Межграницные. Возникают в пространстве между несколькими странами. Такие территории есть в Южной и Центральной Америке: Медельин (Колумбия), отдельные районы Боливии, Мексики, Перу. Некоторые регионы США (особенно на границе с Мексикой). В Юго-Восточной Азии – «золотой треугольник» (расположенный в межграницном пространстве Таиланда, Бирмы, Лаоса). В них доминируют криминальные группировки, торгующие оружием, наркотиками. В Южной Америке ситуация осложняется наличием крупных «партизанских районов», не контролируемых центральным правительством. Эти территории тоже служат источником деструктивных тенденций.

Б) Внутригосударственные «серые зоны». С одной стороны, их создают полуправовые этнические диаспоры (пример – чайна-тауны в крупнейших городах мира). С другой стороны – сами лидеры «глобального мира». Например, в 2001 г. США «освободили» Афганистан от власти движения «Талибан», что привело к резкому усилению производства и сбыта оттуда наркотиков в Европу. Насильственное отделение от Сербии региона Косово после НАТОвской военной кампании 1999 г. превратило и эту территорию в неподконтрольный «международному сообществу» анклав криминального бизнеса (проституция, торговля человеческими органами и т.д.). Наконец, государственная слабость – тоже причина появления серых зон на его территории. В частности, с 1992 г. в двух селах Дагестана (Кара-Махи, Чабан-Махи) местные исламские фундаменталисты свергли

федеральную администрацию, установили законы шариата. Власть тогда казалось, что два села – немного. Однако в 1999 г. именно в данный анклав пришли за поддержкой из Чечни отряды Ш. Басаева, стремившегося силой исламизировать уже не только Дагестан, но и Кавказ в целом. Поэтому любая «серая зона» (независимо от ее нынешних размеров) опасна для государства в долгосрочной перспективе.

Таким образом, важный источник балканизации в глобальном мире – «серые зоны». Они а) разрывают единое социальное пространство в мировом или национальном масштабе; б) служат ареалом распространения деструктивного поведения людей, видов деятельности (особенно криминальной); в) здесь царствует насилие, отсутствуют законы.

Второй источник балканизации – неконтролируемая миграция. С. Хантингтон точно разделяет мигрантов на «обращенных» (прибывших, чтобы навсегда поселиться в стране) и «временщиков», приехавших работать (легально или нелегально) на несколько лет. Для первых страна постепенно становится родиной, они стремятся перенять ее обычаи, уважать законы. Для вторых – местом пребывания, где надо заработать и постараться сохранить собственную культуру, самоидентификацию. В последние десятилетия мигрантов-временщиков становится больше, чем «обращенных». Данная тенденция особенно наглядно проявляется ныне в США, которые еще в начале и даже середине XX в. считали неким «плавильным котлом», активно создающим из различных мигрантов единую нацию. Ныне «котел» дышит на ладан, а миграция возрастает.

Пример. О миграции мексиканцев Хантингтон судит по явно неполной цифре в 1,6 млн. задержанных в год за попытку нелегально пересечь границу Мексики и США. О формирующей благодаря этой ситуации тенденции ученый пишет: «Если свыше миллиона мексиканских солдат перейдут нашу границу, США воспримут это как угрозу национальным интересам и отреагируют соответственно. Однако мирное вторжение миллиона мексиканцев, как будто санкционированное президентом В. Фоксом, представляет не меньшую опасность для Америки, и на него США также должны отреагировать адекватно. Мексиканская иммиграция уникальна по своей сути, она является прямой угрозой нашей идентичности и культурной

* Так в аэронавтике именуется часть сухопутного или воздушного пространства, которую нельзя контролировать радарными. Применительно к обществу термин предложен В.В. Ильиным [4, с. 216–217].

целостности и, быть может, нашей национальной безопасности» [Цит. по: 1, с. 178]. Ясно, что данный тренд несет США в будущем дестабилизацию, а возможно распад на ряд языково-, расово-гомогенных анклавов (о чем пишут У.Читтам, И. Панарин и др.): латиноязычный, белый, черный. Подобные проблемы – дезинтеграция территории из-за неконтролируемой миграции – характерны не только для США, но и для европейских государств, России и т.д. Причем в Российской Федерации, Франции, Германии, Бельгии, США мигранты в большинстве своем не стремятся культурно идентифицироваться со страной пребывания, а наоборот, – остаются собой (таджиком, китайцем, тунисцем, алжирцем, албанцем, мексиканцем, пуэрториканцем), но получить имеющиеся в стране пребывания материальные блага. Ныне такие ситуации ведут к безобидным конфликтам на бытовом уровне, за которыми просматривается печальная перспектива. Пока мусульманам во Франции, Швейцарии законодательно запретили носить в публичных местах платки (хиджабы), фотографироваться на официальные документы в них. Показательно, что швейцарцам пришлось провести для этого референдум! Что же будет потом, когда доля мигрантов в данных странах вырастет до 15–20%?

Третий источник балканизации – изменение соотношения сил государств. Современные границы отражают итоги либо второй мировой, либо холодной войны, либо нынешнюю военную гегемонию США, а потому не выражают реальной роли отдельных стран на мировой арене. Ослабление и крах СССР позволили провести территориальное размежевание в Европе и мире в 1989–1991 гг. относительно мирно. На первый взгляд, Потсдамские (1945 г.), Хельсинские соглашения (1975 г.) оказались пересмотрены практически безболезненно. Воссоединилась Германия, исчезла ГДР. «Развод» Чехословакии тоже прошел без эксцессов, а вскоре чехи и словаки оказались в рамках ЕС. Правда, совсем мирно «похоронить» ОВД не получилось из-за Югославии. (Ее пример показал, каким страшным даже в «цивилизованной» Европе может быть крайний вариант дезинтеграции. Хуже было лишь в Руанде в 1994 г.). Отсюда рано или поздно человечество ждет в массовом масштабе пересмотр границ. Предпосылки такого развития событий мы видим уже сегодня. В 2012 г. обострился территориальный спор между Китаем и Японией. Более 50 лет Япония требует у СССР–России ряд островов Курильской гряды. Россия и Украина пер-

манентно спорят то из-за Крыма, то из-за косы Тузла в Черном море. Периодически Греция и Турция «разбираются» из-за юрисдикции островов в Эгейском море (невзирая на членство обоих государств в НАТО). Пакистан оспаривает у Индии контроль над ее приграничными территориями. Указанные и многие другие «угли» активно тлеют, могут превратиться позже в большой пожар, привести к распаду отдельных сегментов или временной утрате единства т.н. «мирового сообщества».

Кроме того, степень заселенности тех или иных территорий Земли ныне разная (скажем, в Китае на ограниченном пространстве живет гораздо больше людей, чем в российской Сибири, Дальнем Востоке). Размывает подобный баланс и миграция. Отсюда в перспективе встает проблема перераспределения земель: от более к менее сильным государствам. Если речь пойдет не об отдельных островах, а о крупных регионах, то решить такие вопросы, возникающие в массовом порядке, мирно (при помощи ООН) вряд ли получится.

Наконец, сейчас многие конфликты удается предотвращать потому, что есть единственная сверхдержава, способная в одиночку «разнять» или «принудить к миру» любые конфликтующие стороны (последний пример – появление госсекретаря США привело к немедленному замирению Израиля и палестинцев, провоевавших к тому моменту 10 дней в декабре 2012 г.). Что произойдет, когда США ослабеют, не смогут выполнять роль универсального «миротворца»? Очевидно, на некоторое продолжительное время возобладает принцип «государство государству волк», а главный вызов со стороны балканизации может формулироваться так: «А ты можешь защитить свою территорию?» Степенью эффективности ответа на него и будет определяться будущее страны в указанный период.

Механизм балканизации

Становление балканизации предполагает изучение процессов, относящихся к сфере социального хаоса, дезинтеграции. Это обстоятельство создает определенные трудности методологического характера, которые возможно будут решены в дальнейшем путем привлечения для решения задачи синергетики, иных дисциплин, изучающих нелинейные процессы в природе, обществе.

В настоящее время отдельные ученые говорят об «управляемой балканизации». Например, О. Платонов пишет о США:

«Америка превратилась в гигантский фантом, нависший над всем миром, глобальную экономическую пирамиду, готовую рухнуть в любой момент (курсив мой – В.Н.). Долг каждого здравомыслящего человека помочь ей это сделать и навсегда похоронить самую жуткую утопию мировой истории» [8, с. 514]. Однако, это мечты. Человечество научилось, используя силу, «миротворческие операции», замедлять процессы распада тех или иных государственных образований, смягчать их отдельные последствия. Говорить же о возможности «помочь» балканизации со стороны отдельного человека и даже государства – пока преждевременно.

Вместе с тем в балканизации обнаруживаются важные, воспроизводящиеся в разных странах структуры. Одна – «модель домино». Ее суть: выпадение какого-либо сегмента из-под власти ранее единого политического целого, оставшееся не подавленным, влечет общую дезинтеграцию. Так было в СССР, когда выход из его состава Литвы, Латвии, Эстонии привел через год к краху всего союза (хотя страна включала 15 республик). Выход Словении и Хорватии из состава СФРЮ стал выпадением главных «костяшек домино» и предрешил судьбу Югославии в 1991 г.

Другая структура балканизации – модель «воронки». Когда в воду бросают камень, от него расходятся круги. Подобное наблюдается и в случае балканизации. Насилие из его источника активно распространяется в сторону иных государств. Распад СССР вызвал серию войн на его «обломках», Югославии – тоже. В последнем случае ситуация усугубилась вмешательством стран Запада, преследовавших в конфликте на территории бывшей Югославии не только декларируемые, но и чисто эгоистические цели. «Воронка» опасна тем, что способна вовлечь в локальный конфликт новых участников, т.е. распространять балканизацию в социальном пространстве.

Балканизация – судьба глобализации?

О. Шпенглер полагал, что в любой культуре есть завершающая стадия, именуемая «цивилизацией» [9, с. 164]. По аналогии возникает вопрос: не является ли балканизация неизбежной, последней стадией нынешней, вестернизированной глобализации?

К такому выводу, например, подталкивают события в Северной Африке начала 2011 г., названные «арабской весной». Они показывают: балканизация в условиях глобализации подобна брошенному камню, оставляющему на поверхности воды «круги хаоса». Беспорядок в одном месте вызывает цепную реакцию в других. Значительная часть человечества попадает в полосу нестабильности. Такова неизбежная плата за жизнь в глобальном мире, предоставляемые ей удобства.

По моему мнению, не исключено, что нынешний вестернизированный вариант глобализации постигнет ее судьба – балканизация. Однако это не означает, что человечество перестанет искать приемлемый для себя вариант интеграции. Данный поиск длится уже тысячелетиями. Империи: персидская, македонская, римская, Карла Великого, СССР, просуществовавший 12 лет нацистский «Тысячелетний рейх», нынешняя гегемония воспеваемых К. Поппером «открытых обществ Запада» (существующих за счет обширной периферии, ее ресурсов) – различные попытки, «пробы» (порой, кровавые для человечества) найти приемлемую форму интеграции на глобальном уровне. Предел каждому такому опыту и кладет, как правило, перманентный процесс, названный ныне «балканизацией». Нет сомнения, что рано или поздно универсальная (приемлемая для каждого народа) форма универсального человеческого общежития будет найдена. Возможно, место одного («имперского») интеграционного центра займут несколько, формирующихся на каждом материке. Это покажет будущее.

1. Бьюкенен, П.Дж. Смерть Запада [Текст] / П.Бьюкенен. М.: АСТ, 2003.
2. Гаджиев К.С. Политическая философия [Текст] / К.С. Гаджиев. М.: Экономика, 1999.
3. Гречко, П.К. Социальная теория современности [Текст] / П.К. Гречко. М.: РУДН, 2008.
4. Ильин, В.В. Мир GLOBO: Вариант России [Текст] / В.В. Ильин. Калуга: Полиграф-Информ, 2007.
5. Коллинз, Р. «Балканизация» или «Американизация»: геополитическая теория этнических изменений [Текст] / Р.Коллинз // Логос. 2005. № 1. С. 19–64.
6. Маслов, О. Грузия – Израиль Кавказа и глобальный проект «Балканизация-800» // Мы и мир. Обзоры, аналитика, новости. Август 2011 г. [Электронный ресурс] / О. Маслов. URL: [http:// weandworld.ru](http://weandworld.ru) (дата обращения: 18.12.2012 г.).
7. Платонов, О.А. Почему погибнет Америка: взгляд с Востока и Запада [Текст] / О.А. Платонов. М.: СТОЛИЦА ПРИНТ, 2008.
8. Рамоне И. Геополитика хаоса [Текст] / И. Рамоне. М.: ТЕИС, 2001.
9. Шпенглер О. Закат Европы. Т.1. [Текст] / О. Шпенглер. М.: Мысль, 1993.

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА В МЕГАИСТОРИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

УДК 321.01

С.С. СУЛАКШИН

Проблема возникновения и развития государственности является одной из ключевых в междисциплинарном научном дискурсе. Что есть государство? Что есть эволюция государства? Что есть правовое, социальное государство? Что представляет собой грядущее в эволюции человечества государство? В данной статье предпринимается попытка наметить ответы на эти вопросы.

Государство – это неодушевленный субъект деятельности, и применять к нему антропоморфные человеческие и общественные характеристики не вполне уместно. Оно представляет собой совокупность функций и институтов, правовых механизмов, порядков, subsystem, процедур и так далее (рис. 1).

Институты и процедуры направлены, в конечном итоге, на построение общественных отношений, в итоге функционирования государства формируется личность с ее уже человеческими характеристиками, сообщества и общество, в целом, с их индивидуальными и кооперационными характеристиками. Эти свойства являются продуктом деятельности государственных институтов. Каких именно? Воспитания, образования, науки, культуры, пропаганды, массового информационного воздействия. Результат в отношении конечного продукта общежития – человека и общества – может быть разным: либо правопорядочным, либо нет, либо справедливым, либо нет, либо нравственным, либо безнравственным. Таким образом, «квазиантропоморф-

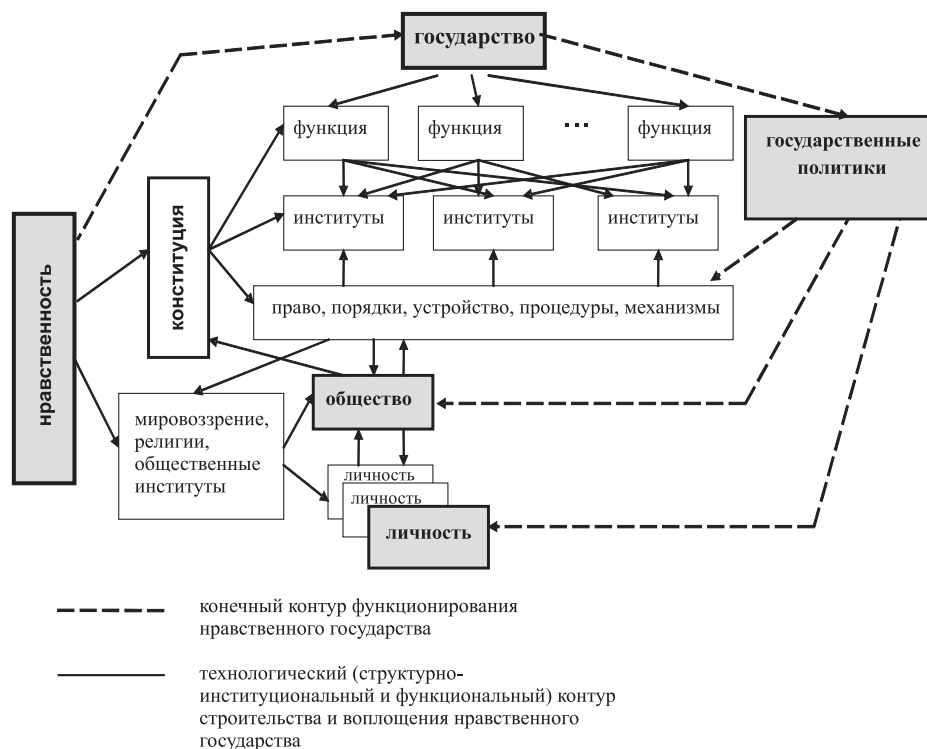

Рис. 1. Структура институционального и функционального устройства государства

ная» характеристика государства возникает тогда, когда оно генерирует соответствующие человеческие отношения. А для этого государство должно строить себя, свою деятельность, проводить конкретные государственные политики вполне определенным образом. При этом все пространство деятельности государства задается базовым нормативно-правовым документом, основным законом – Конституцией.

Все это вполне осязаемые предметы для строительства. Мы не разделяем внеконтекстное административно ограниченное категориальное развертывание смысла государства, оно в данном случае контекстно, универсально и конструктивно. Подобный подход означает, что государство – это социальная оболочка, которую общество создает в своих собственных интересах. А все остальное: насилие, безопасность, перераспределение, администрирование – это функции государства.

Еще Аристотель указал на то, что государство – это прежде всего социальная оболочка, а не только аппарат, бюрократия и т.п [1]. В мегаистории в режиме мысленного эксперимента вполне можно проследить становление государства в промежутке от минус бесконечности до плюс бесконечности по времени (рис. 2).

Зарождалось государство, конечно, в виде протоформ организации архаичных сообществ, но даже для этого уже требовалась управленческая пирамида: лидер, институ-

ты поддержания протогосударства, сильное меньшинство и более слабое большинство [2]. Государство, которое родилось из протоформ, собственно, в смысловом ядре уже было тождественно правовому государству, потому что, кроме силового, возникло еще и конвенциональное основание для жизнедеятельности в этой оболочке – договор или протоправо. Затем, в новое время, оно, конечно, превратилось в право в полном смысле этого слова. Когда оно стало механизмом, доминирующим в системе регуляций общественных отношений, то государство получило наименование правового [3]. Это естественно произошло уже в новой истории. Тем не менее, и на этой стадии исторически все еще доминировали интересы лидера, меньшинства. Однако большинство общества требовало своего «куска материального пирога» – возник этап социализации государства, социальных революций, специфических регуляций и перераспределения, в основном касающихся меркантильных, материальных обстоятельств жизни большинства. Так родилось современное социальное государство [4].

Мы видим, что предложенный принцип представления эволюции государства включает в себя появление единого лидера, индивидуума, меньшинства, большинства. Однако по шкале интересов эти явления пока касаются физического тела, материальных благ, потребления. Совершенно ясно, что следующий этап разви-

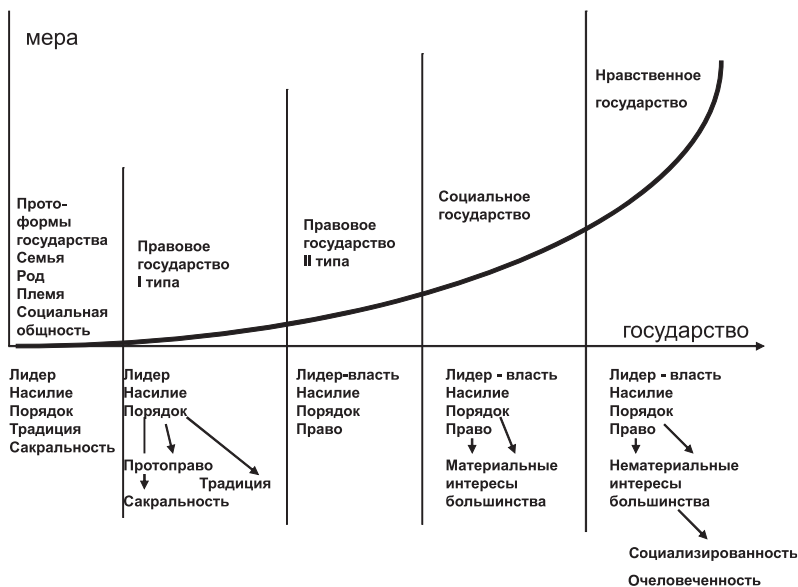
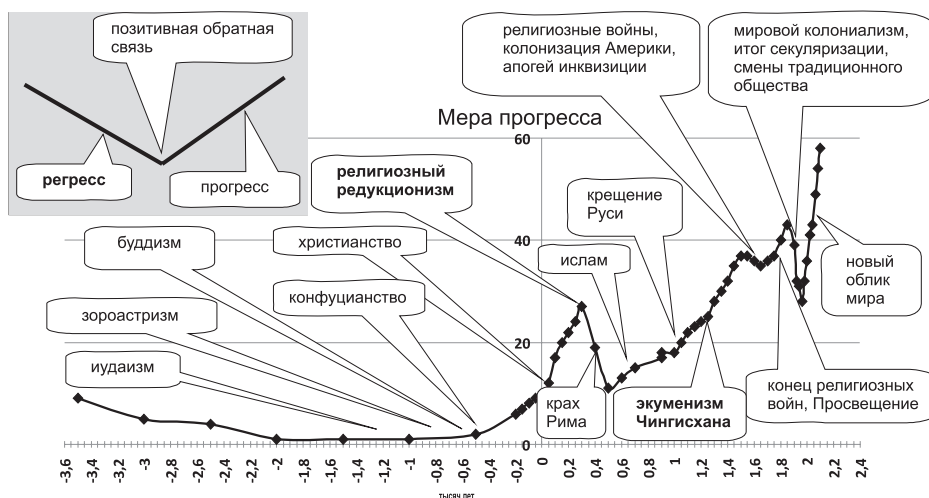

Рис. 2. Историческая мегаэволюция государства

тия неизбежно вызывает апелляцию еще к одному фундаментальному свойству человека и сообщества – к его духу, его нематериальным интересам и потребностям, которые, собственно, вторгаются и формируют сферу нравственности, социальности, гуманитарности, коммуникативности, социализированности поведения в среде себе подобных, в сообществе, то есть ко всему тому, что еще в V в. Блаженный Августин относил к сфере «града Божьего» [5]. Здесь важно видеть, что кривая эволюции неслучайно является восходящей. Речь идет о некой количественной мере в прогрессе человечества, сообщества и его оболочек [6, с. 1311–1389] (рис. 3).

Существует колоссальный научный вызов в пространстве теорий, идеологий и научных методологий, касающихся вопроса о государстве, которое мы имеем на сегодня. Мы начинаем понимать, что нравственное государство как способ самоорганизации человеческого сообщества – это неизбежный, неслучайный эволюционный этап современных типов государства. Удивительно интересно, что всем знакомые концепты, описанные в учебниках, словарях и справочниках, такие как «правовое государство», «социальное государство», отчасти висят в воздухе, потому что пространство конструктивного смыслового воплощения остается

Откаты в эволюции (прогрессе) сущностного потенциала человечества и реакции сущностно позитивной обратной связи

Рис. 3. К вопросу о мере эволюционного прогресса человечества

Эта мера детализируется и в количественном отношении, но качественно она звучит как мера очеловечивания человека и его сообщества. Именно это есть направление прогресса. Когда мы видим на этой эволюционной кривой откаты, то очевидно, что это – регресс. Соответственно, классифицируя в таком весьма конструктивном и продуктивном формате эволюцию государства, можно увидеть, что по шкале от индивидуума к большинству по шкале меркантильных интересов и потребностей выживания человек постепенно приходит к необходимости удовлетворения потребностей более высокого ранга, которые связаны с «образом и подобием», с категориальным представлением о том, что человек есть человек, а не просто живое биологическое существо.

где-то за кадром. Не затрагиваются основные мотивации в эволюции человечества. От биосостояния – к квазисоциальному и человеческому и, наконец, к истинно, т.е. категориально человеческому облику.

К сожалению, в современной жизни часто имеет место реальное и прагматическое политическое государственно-управленческое лукавство, когда номинируются высокие и содержательные ценностные цели, но для их реализации не предпринимается ничего. Хуже всего, что даже нет представления о том, что нужно было бы делать. Поэтому такой конструктивно-проектный подход, наряду с фундаментально-теоретическим и методологическим, оказывается очень продуктивным в порядке обнаружения движущей силы эволюции государства (табл. 1).

Мегаэволюция государства

Этап	Доминант	Доминирующая ценность и интерес	Доминирующий механизм	Бенефициар	Доминирующая гуманитарная идеология-теория
Протогосударство	Лидер-доминант	Порядок	Сила – насилие	Лидер	Социал-дарвинизм
Государство (правовое государство 1 типа)	Лидер-суверен Лидерская группа	Порядок Стабильность	Сила – насилие Традиция Сакральность Протоправо	Лидер Лидерская группа	Социал-дарвинизм
Правовое государство 2 типа	Лидер-суверен Лидерская группа	Порядок Стабильность Эффективность общезития	Право Насилие	Лидер Лидерская группа и меньшинство	Либерализм, неолиберализм Социал-дарвинизм
Социальное государство	Лидер-суверен Лидерская группа Частично общество	Порядок Стабильность Эффективность общезития Материальные интересы большинства	Право Насилие Перераспределение	Лидер Лидерская группа и меньшинство Большинство общества	Социализм, коммунизм
Нравственное государство	Все общество	Порядок Стабильность Эффективность общезития Материальные интересы большинства Нематериальные интересы общества (духовные)	Право Насилие Перераспределение Институализация нравственности	Все члены общества	Научный вызов!

Соответственно, предлагается представление, что правовое государство – это государство, доминантно целеполагающее в своей деятельности порядок (устойчивость и предсказуемость отношений), основанный на разных источниках его организации. Государство современности преимущественно основано на праве и на аппарате принуждения как институте, который помогает это сделать.

Технология строительства такого типа государства здесь такова.

1. Ценности личности и общества.

2. Ценностная доминанта – порядок в общественных отношениях.

3. Развитость права и правовых порядков (количество и качество).

4. Развитость институтов и процедур правоохраны и правоприменения.

5. Развитость и распространенность правовой культуры населения.

6. Соответствие нормы права и справедливости (духа и буквы закона, ценности и материальной нормы).

В отношении социального государства в литературе имеется удивительный разноречивый, широкое контекстное разногласие суждений.

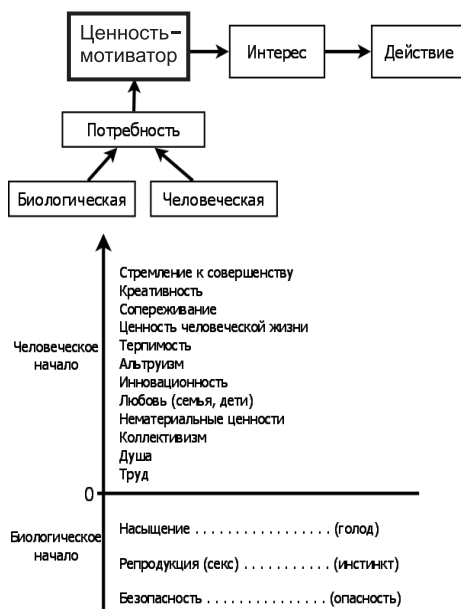
В нашем контексте можно полагать, что это государство, которое доминантно це-

леполагает в своей деятельности интересы большинства населения в материальной сфере. К чему это представление апеллирует? К совершенно конкретным доминирующим ценностям и механизмам процедур их достижения.

1. Ценности личности и общества.
2. Ценностная доминанта – коллективизм общежития, выравнивающий материальные блага.
3. Перераспределение добавленной стоимости.
4. Социальное страхование.
5. Пенсионное обеспечение.
6. Социальная защита (через перераспределение).
7. Занятость.
8. Демографические условия (здравоохранение, оплата труда, жилье – ЖКХ, психологический комфорт).

Как и с правовым государством, важно то, что в этих конкретных сферах государственного строительства социального государства уже возникают протоэлементы нравственного государства. Это сходные общественные и личностные ценности, без которых невозможно никакое конструирование общежития человека. Оно включает в себя нравственность как базовую ценность, как ценность, отражающую социальность. Поэтому в этом контексте, требующем конструктивизм в смысле строительства, нравственность – это не тавтологическая мешанина этики и морали. На самом деле, это мера очеловеченности человека как категориальной сущности, как сущности социальной. Нравственность ближе всего к социализированности намерений, действий, поведения и результатов человека и сообщества, а это уже формализуемая вещь, которая дает основания для практического государственно-управленческого и общественного строительства.

Здесь важно различать тонкие детали и нюансы. В частности, все мы говорим на языке ценностей, но ведь ценность бывает и умоизмерительной: смотришь, наслаждаешься и ничего не происходит [7]. А есть ценности-мотиваторы, которые дают импульс человеческим действиям, которые, в свою очередь, приводят к результатам. Именно это преобразование мира нас больше всего волнует. Соответственно, волнует, какие ценности мотивируют человека на то, чтобы он был человеком, а не животным, на то, чтобы результаты его деятельности были очеловеченными (рис. 4).

12 ценностей- мотиваторов, делающих человека человеком (отличающих его от био-предтечи). По «образу и подобию».

Рис. 4. Ценности-мотиваторы деятельности человека

Ценности-мотиваторы – это фундаментальный набор, если угодно, константа мира. Человеческое сообщество – это тоже принадлежность материального мира. У животного есть только три ценности-мотиватора: репродукция, опасность и голод. У человека (как видно на рис. 4) – 12 ценностей-мотиваторов, которые доказаны как набор смыслообразующих, целеобразующих, ценностнообразующих необходимых и достаточных мотиваций истинно человеческой деятельности [6, с. 1320]. Здесь видно, как воплощается понимание нравственности, социальности, коллективности в деятельности человека и сообщества. Здесь нет места заблуждениям относительно перспективности либерального государства, которое индивидуализирует смысловое пространство человека, в этом контексте либерализм – это исторический тупик.

Итак, государство представляется как институты, механизмы, процедуры, порядки и эволюционный императив нравственности, которую мы представляем как меру очеловеченности, как доминирующую ценностную установку. Как эти два концепта соединяются друг с другом, как они порождают управленческий коридор (рис. 5)?

Рис. 5. Нравственность и государство (на пути к технологии строительства)

Нравственность, как и очеловеченность, имеет место в двух воплощениях. Конвенциональный тип корреспондирует с моралью и с этикетом поведения. Понятно, что человеческое сообщество может договориться, что для него сегодня является нравственным, а что нет. Сегодня, например, признается допустимым ходить топлес. Может быть, когда-нибудь мы будем спокойно ходить без одежды, и это будет вполне нравственно в полном смысле этого слова.

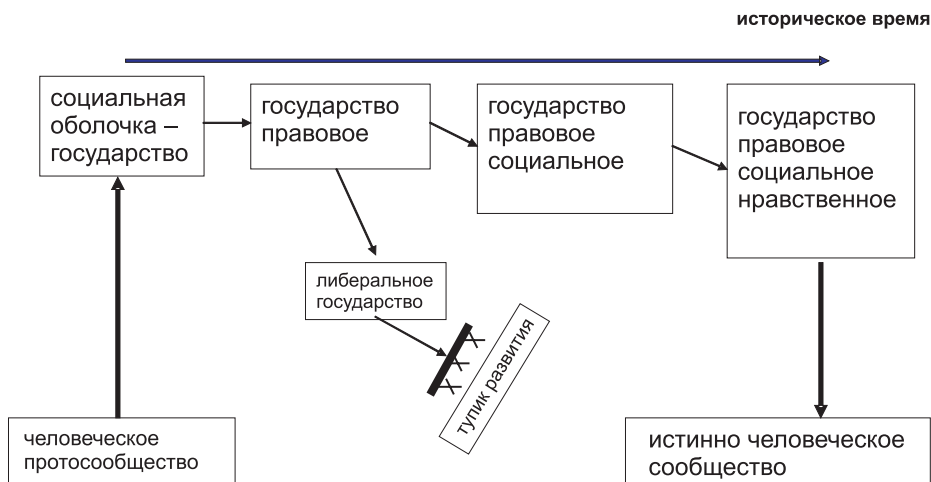
Абсолютная же нравственность как социальность, социализированность требует определенного состояния институтов, права, механизмов, порядков, процедур в деятельности государства, и это уже предмет строительства. Так у государства возникает повестка для строительства этих самых институтов.

Прежде всего, этот подход должен быть закреплен, запрограммирован в главном документе страны – в ее Конституции, которая пирамидально раскладывается на законы, требования, обязательные для исполнения, и это программирует развитие государства и общества в направлении нравственности или, наоборот, безнравственности.

Итак, нравственное государство как этап эволюции связано с мегаэволюцией человеческого сообщества (рис. 6).

Есть основания полагать, что человечество в мегавременных координатах идет к светлому «образу и подобию», а вовсе не к тому пониманию идеала, которое навязывается в обществе потребления и в социал-дарвинистской парадигме неолиберализма. Оно проходит как возникшая социальная оболочка регулирования и управления самоорганизацией общества через необходимость установления порядка, в том числе в виде правовых институций. Здесь совершенно ясно, что либеральное государство направлено в исторический тупик, потому что оно индивидуализированно ориентировано, т.е. опровергает себя в своем смысловом ядре и принципиально нарушает социализированность сообщества, поведения и результатов деятельности человека. Человечество прошло этап правового и социального государства. Сегодня мы стоим на пороге нравственного государства. Развитие мира не остановится, нравственное государство – это неизбежное императивное будущее, новый этап государственной эволюции, человечества.

Что касается утверждения об отмирании государства по мере гомогенизации мира (глобализация), по мере развития коммуникаций всех видов, то нужно уточнить смысловые нарузки понятий.

Нравственное государство – государство, доминантно целеполагающее в своей деятельности достижение в общественных отношениях преобладания нравственных ценностей-мотиваторов

Рис. 6. Нравственное государство как этап грядущей эволюции

Предложенный подход видит государство как систему организации кооперативной жизнедеятельности человеческого сообщества. Такая надобность будет всегда. Даже тогда, когда перераспределять не нужно будет ничего, т.к. всем всего будет хватать. Защищаться не будет нужно, т.к. нападать из-за границы никто не будет. И т.д. Но управленческая и кооперативно организующая роль социальной оболочки будет нужна в иерархической, да хотя бы

и сетевой, человеческой множественности всегда. Человек, в принципе, коллективен. Всегда будут общие цели и задачи, необходимость координации, субординации, кооперации как в любой сложной самоорганизующейся системе.

Государство будет всегда, хотя называться оно, вероятно, может и не государством.

Принцип эволюции государства от животности к очеловеченности подсказывает, что грядущее государство будет нравственным.

1. Аристотель. Сочинения. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/aristot/01.php (дата обращения: 12.12.2012).

2. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. <http://www.magister.msk.ru/library/babilon/deutsche/marx/engls01r.htm> (дата обращения: 12.12.2012).

3. Гоббс Т. URL: <http://philosophy.ru/library/hobbes/17.htm> (дата обращения: 12.12.2012).

4. Чикалова И.П. У истоков социальной политики государств Западной Европы. http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document469_print.shtml (дата обращения: 12.12.2012).

5. Августин Блаженный. О граде Божием. http://antology.rchgi.spb.ru/Sanctus_Aurelius_Augustinus/City.html (дата обращения: 12.12.2012).

6. Якунин В.И., Сулакшин С.С. и др. Национальная идея России. Т. 2. М., 2012.

7. Ильин В. В. Аксиология. М., 2005.

СТРУКТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА: ОСОБЕННОСТИ ОБЫДЕННОГО ПОЗНАНИЯ

УДК 141

Ю.А. КИРИЧЕК

Одной из составляющих структуры повседневности является сфера политического. Особый интерес в этом контексте представляет познавательный аспект тематики повседневности и его соотношение с политической наукой. Многовековая история человечества позволила выделить несколько степеней постижения человеком мира политического, однако обращение к специфике этого процесса следует начинать с рассмотрения особенностей познания в социальных науках в целом.

Согласно наиболее признанной точке зрения «познание» трактуется как «диалектический процесс, в ходе которого мысль человека об опыте все более приближается к нему» [7, с. 209]. Этот процесс характеризуется бесконечностью, как и объективно существующий мир в своих свойствах и проявлениях. Целостность всей системы связи человека с миром невозможна без элемента познавательного отношения к действительности. Последняя в сознании индивида отражается в содержании познания как процесса общественно-исторической деятельности, конечным результатом которой становится новое знание о мире.

Особенность субъект-объектного взаимодействия в познавательной деятельности наиболее заметно проявляется в социальном познании, где обозначенные объект и субъект совпадают. Данной отличительной чертой обусловлены основополагающие характеристики социального познания:

1) статичность. Общество как объект познания для науки представляет собой упорядоченную совокупность законов; в свою очередь, социальные законы являются результатом деятельности людей, они находятся вне времени и принципиально статичны;

2) основой социального познания является изучение общественных отношений;

3) преобразование социального познания осуществляется на основе, прежде всего, относительных истин. На каждом уровне развития человечества ввиду сравнительно быстрого изменения общественной жизни упрочивается свое понимание происходящего, новый подход к ценнос-

тям, теориям, методам, применяющимся в познании и т.д.;

4) тесная связь социального познания с интересами людей. Отсюда, по мнению Л.А. Пафомовой, важно помнить, что истинным является, чаще всего, знание, сформированное представителями прогрессивных слоев общества. Знание реакционных социальных групп имеет, как правило, утилитарный характер, одностороннюю направленность, потому считается ошибочным. Следовательно, мера истинности знания зачастую характеризуется мерой прогрессивности в социальном развитии [7, с. 213].

Познание осуществляется человеком в различных видах и определенных формах, среди которых в наиболее общем смысле выделяют: научное, философское, художественное и т.н. обыденное познание. Обратим внимание на следующую особенность. В рамках социальной философии, которая признает повседневность продуктивным элементом общественной жизни, утверждается возможность осуществления определенного методологического поворота: признать теоретика, изучающего общество, непосредственной составляющей этого общества, из чего следует, что ученый будет соединять в себе теоретическое и дотеоретическое знание. Тем самым признается, что на практике свои действия исследователь будет согласовывать с теорией, а теоретические разработки будут осуществлять как участник жизненного мира. Отсюда теоретическое знание будет представлено как символическое воплощение социальной жизни, а собственно теория – как составная часть общественной практики [4, с. 240].

Подобный поворот нашел свое отражение и в трудах исследователей повседневности. Так, обозначая грань между двумя «мирами» – миром идеальностей науки и единственно действительным миром человеческой жизни, Э. Гуссерль утверждает крайнюю важность в философско-теоретическом и в социально-практическом смыслах обнаружения исторической и существенно-логической зависимости идеа-

лизированного «мира» науки, культуры в целом от изначального жизненного мира [6, с. 108].

Попытку связать науку со здоровым смыслом, с миром повседневного знания и опыта осуществляет А. Шюц. Однако выявление этой связи одновременно скрывает в себе определенную опасность: наука при таком подходе лишается закрепившегося за ней ореола объективности и исключительности, обыденное и научное познание социального мира оказываются принципиально неразделимыми сферами. Обнаружение, систематический анализ и изложение этого двусмысленного факта составляют главную заслугу А. Шюца в области теоретической социологии.

По мнению Б.В. Маркова, различие между наукой и миром жизни можно было бы провести в т.ч. по предмету или методу. Однако в этом случае повседневность учитывается как нечто случайное, чаще всего нарушающее рациональный порядок вещей. Между тем, повседневность сама основана на достаточно жестких порогах и различиях, разграничивающих «плохое» и «хорошее», «справедливое» и «несправедливое», «истинное» и «ложное», «красивое» и «некрасивое» и пр. [4, с. 233]. Именно эти, кажущиеся естественными и не вызывающие сомнений, различия образуют почву права, науки, философии, политической власти и т.п. форм рациональности.

Итак, перечисленные выше виды познания: научное, философское, художественное и обыденное – тесно взаимосвязаны друг с другом, но именно последнее, обыденное, повседневное познание лежит в основе всех остальных; без связи с ним не имеет смысла никакое другое знание. Попытаемся разобраться в сущности этого феномена.

Обыденное познание формируется в процессе повседневной деятельности, его базой служит личный опыт человека и обобщения, усвоения общественно-значимого знания. Его содержание связано, в первую очередь, с информацией о единичных объектах и ситуациях. По форме обыденное познание является образным с элементами логического и рационального. В информационном плане это самый ёмкий вид познания.

Начнем с известного факта: каждый индивид застает окружающий мир уже организованным единством и вынужден лишь приспособляться к нему. Первоначально мир познается дотеоретическим образом

как исходное и неизбежное условие активности субъекта и, прежде всего, активности повседневной, рутинного бытия. Этот мир можно было бы описать в качестве неких «объективных структур», которыми овладевают в целях дальнейшей успешной деятельности, после чего мир представляется уже как нечто само собой разумеющееся. Сомнению могут быть подвергнуты только частности мира, но не его существование как таковое. Очевидность мира и его структуры одинаковы и для Я, и для Другого (с учетом пространственно-временных обстоятельств и особенностей биографической ситуации), таким образом, мир оказывается интерсубъективен.

Само познание мира управляется интересами индивида, а критерии знания соотносятся с успешностью деятельности. Для обыденного сознания типично представление о мире как о некой неизменной, внешней, противостоящей индивиду устойчивой структуре. С этой позиции повседневность является первичной и автономной реальностью, существующей субстанционально [3, с. 157]. Обыденное знание при этом устойчиво претендует на адекватное отображение реальности мира повседневности.

А. Шюц соотносит понятие обыденного сознания с т.н. «естественной установкой» в повседневном мире, а сам термин «обыденное знание» ученый наделяет следующими характеристиками:

1. социально структурированное, интерсубъективное знание, способствующее практической и теоретической ориентации в природе и в обществе;

2. оно содержит конструкты и типизации, служащие в качестве оправданных реальностью и практикой способов деятельности;

3. обыденное знание является общим для всех субъектов, в т.ч. и для ученых, оно всегда «предпослано научной работе и выступает необходимой основой и исходным пунктом для исследования и анализа жизненного мира» [3, с. 158].

Согласно общепринятой в науке классификации постижение человеком политического мира, подобно рассмотренному выше процессу в социальном познании, происходит на трех уровнях: обыденном, технологическом и научно-теоретическом. Однако свою практическую политическую деятельность люди начинают на обыденном, интуитивно-образном уровне познания, где наряду с рациональными оценками широко присутствуют и различного рода

иррациональные представления. Рядовой гражданин, т.н. «человек с улицы», создает первичный, фоновый облик политики, который позволяет ему приспособливаться к политически организованному сообществу, находить совместимые с собственными целями способы взаимоотношения с властью и государством. Формирующийся на этом уровне образ политики представлен в виде различного рода метафор, чувств и других простейших способов выражения мысли. Этот образ оказывается результатом фактографического созерцания политики, не претендующего на какое-либо специализированное отношение к действительности. Обыденное сознание создает своеобразную «естественную» картину политики на основе индивидуального эмпирического опыта и традиционно сложившихся идей, обычаев, стереотипов. Нередки случаи, когда такого рода воззрения привносят в образ политики оттенки тех проявлений политического взаимодействия, с которыми люди сталкиваются в повседневной жизни (хитрость, коварство, нечистоплотность и пр.).

При этом оценки, которые субъекты дают на уровне обыденного сознания могут быть как в виде суждений, требующих научных знаний, так и построены лишь на понимании. Последние в отдельных случаях доминируют, а само политическое понимание на этом первичном уровне можно трактовать как «умение выбрать точку зрения, которая отражает смысл современных политических реальностей, без учета его непосредственного или опосредованного опредмечивания» [2, с. 111].

За время существования политической науки в качестве самостоятельной дисциплины внимание ученых было преимущественно сосредоточено на объективной стороне политических процессов и деятельности политических институтов. При этом общеизвестно, что политика творится не только действиями. Наряду с фактами, фиксируемыми объективными методами, политическая реальность создается также с помощью значений и смыслов, которые рождаются в процессе взаимодействия политических субъектов. В этой связи возникает необходимость применения аналитического инструментария *герменевтики* – учения о понимании. Данное понятие трактуется здесь во взаимосвязи с философской концепцией В. Дильтея и подразумевает специфический метод гуманитарных наук («наук о духе»), позволяющий осознать внутрен-

ний мир человека, а также целостность какой-либо культуры, в том числе политико-культурных феноменов.

Приемы герменевтики являются актуальными и для изучения мира политики, тем более, что «понимание» представляет собой не только исследовательский метод, но и способ познания политической действительности ее субъектом. Отсюда понимание определяется в качестве «*онтологического процесса* постижения самим субъектом политики той сферы реальности, в которой ему приходится действовать или просто в которую он погружен, в т.ч. посредством столкновения ее отдельных фактов» [1, с. 131]. В обоих случаях и аналитик, и отдельный политический актер изучают ценностный мир, выявляя значение и смысл его элементов, тенденции его эволюции. Однако понимание как онтологический процесс подразумевает «погруженность в мир политики и действия в нем» в отличие от гносеологической процедуры, характеризующейся стремлением в некоторой степени отстраниться от политической действительности, погрузиться в своего рода созерцательность [1, с. 132].

Существует и еще одна особенность понимания как онтологического процесса – опосредованность пониманием любого типа политического влияния. Среди элементов реальности, от взаимодействия между которыми зависит характер и направленность понимания, выделяют следующие:

- уровень образования: от него зависит круг терминов, известных участникам политического процесса, средняя способность познавательных возможностей;
- уровень информированности: оказывает влияние на набор сведений об основных фактах, именах, терминах, необходимых для ориентации в сфере политических отношений;
- уровень и тип культуры: определяет отношение к ритуалам политической сферы, придает смыслы символам; здесь формируются предпосылки и первичный этап понимания, улавливается смысл, принимающий впоследствии более сложные формы;
- интерес к политике: обуславливает характер внимания к отдельным частям политической реальности, влияет на степень готовности субъекта к восприятию информации. Причем интерес к политике увеличивается вместе с ростом социального статуса индивида; последний становится в большей мере подготовлен к участию в

институциональных и регулярных формах политики, невозможных без понимания. Снижение социального статуса, напротив, влечет за собой падение интереса к миру политики, освоение политической реальности, в этом случае, уступает место примитивным психологическим импульсам – страху, манипулируемости, внушаемости.

Уровни понимания преимущественно определяются спецификой мировоззрения, которым руководствуется субъект политики. Так, на уровне научного мировоззрения, основанного на фактах и на анализе с помощью общепризнанных процедур рационального познания, А.И. Демидов предлагает выделять следующие *типы понимания в политике*:

- 1) сциентистский,
- 2) профессиональный, политологический,
- 3) идеологический, ценностно-ориентационный [1, с. 133].

Первый тип основан на использовании точных (прежде всего математических) методов сбора и обобщения фактов, что дает возможность усвоения больших массивов статистической и социологической информации, получаемых в результате опросов, построения различного рода моделей политического процесса. А. Шюц, сравнивая социального исследователя с естествоиспытателем, отмечает ограниченность позитивизма формально-логическим аспектом изучения жизненного мира и утверждает, что самоочевидные предпосылки социальных наук можно разъяснить с помощью анализа жизненного мира [8, с. 153].

В сфере деятельности социального исследователя находится согласование понятий обыденной жизни и понятий научной теории. Перед ним лежит реальность, уже познанная обыденной жизнью, она представляется для исследователя нерелевантной самоочевидностью, неким единством пространственных, временных, социальных пластов и наслоений. Социальный исследователь, в отличие от естествоиспытателя, должен учитывать наличную конструкцию социальной действительности, которую относительно социальных наук можно назвать конструкцией второго уровня, конструкцией конструкций [8, с. 153]. Основным принципом образования понятий в социальных науках А. Шюц утверждает принцип *субъективной интерпретации*. Особенности социальных объектов исследований позволяют австрийскому социологу сделать вывод о необходимости рассмотрения понятий социальных наук и

их толкований с точки зрения содержания их смысла для индивидов, участвующих в социальных действиях.

Следующий тип понимания – *профессиональный, политологический* – характеризует способность постижения подлинного и многообразного содержания политики, возникающую преимущественно посредством включения в процесс политического познания и ориентации разнообразных средств учета, выражения его субъективно-ценностной стороны. По мнению классика американской политической науки К. Дойча, «понять политику – означает прежде всего быть способным узнать, что является важным – т.е. видеть факты, которые производят наибольшее воздействие на исход событий. Это также означает способность знать, что является ценным – представлять, какое воздействие каждый политический результат будет оказывать на наши ценности, а также на события и людей, которых мы любим и о которых заботимся. И, в конечном счете, это значит – знать, что есть действительность и правда» [9, с. 6].

Такой способ понимания политики является наиболее оптимальным, аутентичным, заключаая в себе сложный комплекс различных методологий и средств познавательной деятельности. Среди них можно выделить:

1. собственно *научное знание*;
2. *интуицию*, основой которой служат специальные знания и опыт, открывающие возможность «синтетического», целостного видения ситуации, столь важного для принятия политического решения;
3. *оценку* как способность выразить, связать знания с интересами, позициями, потребностями действующих в политике субъектов и зафиксировать в определенном типе ориентации их отношение к реальности.

Кроме того, в перечень методологий познавательной деятельности, характерных для политологического типа понимания, входит, по версии А.И. Демидова, и такое сложно поддающееся рефлексии, но не менее важное средство ориентации в политике, как *здравый смысл* (common sense). Информация здесь может относиться к качественно разнородным объектам, процессам и ситуациям, включать в себя вместе с суждениями о свойствах вещей условные правила деятельности, а наряду с истинными знаниями – ложные и, тем не менее, практически полезные.

Следует обратить внимание и на еще один тип понимания в политике – *ценно-*

стно-ориентационный. Он подразумевает смещение баланса от знаний к ценностям с усилением значимости субъективной стороны процесса. Для данного типа характерен взгляд на политическую реальность «с позиции желаемого, с точки зрения учета и выражения интересов и потребностей субъекта» [1, с. 135]. Значимость ценностных компонентов политической реальности вырастает, они становятся критериями объяснения любого явления, события, процесса и играют решающую роль в достижении согласия и поддержки большинства. Иной отличительной чертой указанного типа понимания выступает некая замкнутость на себя, «парадигмальность», проявляющаяся в способности трактовать любой, в т.ч. и новый, факт реальности в границах уже усвоенных принципов и ценностей.

Итак, для осуществления политической деятельности, которая всегда разворачивается в определенном времени и пространстве, в конкретном экономическом и культурном контексте, наиболее приемлемым представляется профессиональный политологический тип понимания. Его характерные, перечисленные выше методы демонстрируют открытость этого уровня для освоения новых фактов, идей, интерпретаций. Указанный тип понимания, в отличие от рационалистического стиля политического мышления, гораздо в меньшей степени способен вести к отрыву от политической реальности и подвержен различным формам утопизма.

Исследуя познавательный аспект повседневности в соотношении с политологией, необходимо помнить, что «любой продукт труда, результат действия, высказывание и даже реальное положение дел могут быть интерпретированы как доступное наблюдателю событие и как значение,

подлежащее пониманию» [5, с. 171]. При этом, как справедливо замечает основатель герменевтики Г. Гадамер, проблемы понимания возникают, прежде всего, в ненаучных контекстах, таких, как повседневная жизнь, история, литература. Социальный процесс сам по себе, разумеется, не сводится исключительно к пониманию, однако действия, ориентированные на определенный успех, связаны с необходимостью понимания.

Принимая во внимание указанный в начале статьи методологический поворот, можно отметить еще один аспект исследуемой тематики. Поскольку дотеоретическое знание конструирует теоретические понятия, то оно должно каким-то образом подвергаться контролю. Б.В. Марков, в этой связи, предлагает обратиться к процессу коммуникации, где объективная теоретическая установка складывается как часть жизненной практики. Особенная роль исследователя любых социальных процессов, в том числе и свойственных миру политики, заключается в следующем: познавая общество, ученый сам способствует его изменению, но его познание при этом не является взглядом «нейтрального наблюдателя», оно представляет собой составную часть общественного взаимодействия [4, с. 240]. Так, становится очевиден коммуникативный аспект социально-политической деятельности. Определение роли повседневных форм политических коммуникаций во включении «обычного» гражданина в мир политики, в складывании обывденного сознания и в осуществлении повседневной политической деятельности представляется, по нашему мнению, перспективным направлением для дальнейших более глубоких исследований.

1. Демидов А.И. Понимание в политике / А.И. Демидов // Полис. 1999. № 3. С. 131–138.

2. Захаров М.Ю. Обыденное политическое сознание: диалектика понимания и оценки // Социальное познание и политическая культура. Сб. науч. тр. / Редкол: В.М. Фигуровская и др. Тверь: Тверской гос. ун-т., 1990. С. 110–115.

3. Касавин И.Т. Повседневность как философско-эпистемологическая проблема / И.Т. Касавин // Наука глазами гуманитария: [сб. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; [отв. ред. В.А. Лекторский]. М.: Прогресс-Традиция, 2005. С. 137–166.

4. Марков Б.В. Социальная философия и повседневный мир жизни // Марков Б.В. Философская антропология: очерки истории и теории. СПб.: Изд-во «Лань», 1997. 381 с.

5. Марков Б.В. Философская антропология. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

6. Мотрошилова Н.В. Понятие и концепция «жизненного мира» в поздней философии Э.Гуссерля / Н.В. Мотрошилова // Вопросы философии. 2007. № 7. С.102–112.

7. Пафомова Л.А. Познание мира. Формы и методы познавательного процесса // Основы современной философии. СПб.: Изд-во «Лань», 2004. 384 с.

8. Шульц В.Л. Методология социального познания А.Шюца / В.Л. Шульц // Вопросы философии. 2008. № 1. С. 152–165.

9. Deutsch K. Politics and Government. How People Decide Their Fate. Boston, 1976. P: 6–12.

ДИАЛОГ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЛЯ В ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ (Результаты интент-анализа)

УДК 32.019.51

Е.В. КОГАН

Современные политики существуют в условиях легкой доступности когда-то конфиденциальной информации все большему числу людей, мнение которых начинает влиять на их развитие. Следовательно, возникает необходимость договариваться, находить консенсус, вступать в диалог. В политической сфере, которая, будучи непосредственно связанной с такими категориями, как «власть» и «сила», и также подвергается влиянию глобальной доступности информации, особенно сложно реализовать эту концепцию. В этих условиях политическим субъектам приходится, тем не менее, завоевывать доверие различных групп общественности, работать над формированием положительной репутации, управление которой становится ключевой задачей коммуникативной деятельности политических акторов. Одним из инструментов управления репутацией является диалог. Ориентация на принципы диалоговых коммуникаций позволяет выстроить доверительные отношения в экспертной среде. Ведь именно устойчивые и крепкие связи с профессиональным сообществом образуют прочный фундамент существования в системе социальных отношений.

В своем исследовании мы попытались выявить, насколько субъекты политического поля Челябинской области придерживаются ценностей диалоговых коммуникаций, формирующих их репутации. Мы выделили основных акторов, влияющих на политический процесс в области. Прежде всего, это основные институты власти:

- Губернатор области
- Законодательное Собрание
- Городская администрация
- Общественная палата.

Из числа членов Законодательного Собрания области были выбраны для исследо-

вания представители 4 политических партий: «Единая Россия» (48 представителей партии – члены ЗСО на момент проведения исследования), «Справедливая Россия» (4 представителя в ЗСО), ЛДПР (3 представителя), КПРФ (4 представителя).

С помощью метода интент-анализа политического дискурса изучаемых субъектов мы попытались выявить диалоговые интенции в текстах субъектов политического поля Челябинской области. Интент-анализ – это метод выявления авторских интенций в тексте. Термином «интенция» в психологии обозначается субъективная направленность на некий объект. Иначе говоря, интенция – это авторское намерение. Таким образом, мы попытались определить, насколько анализируемые субъекты демонстрируют готовность к диалогу в текстах своих выступлений и речей. Мы сможем реконструировать те ценности, которых придерживается автор, так как, по мнению создателей метода, автор интуитивно стремится быть понятым.

Первоначально для анализа мы предполагали выбрать тексты с официальных сайтов изучаемых субъектов: по три текста каждого из субъектов для того, чтобы проследить тенденции. Диалог предполагает открытость, а сайт – наиболее удобный и доступный канал, позволяющий сообщить о себе максимально полную информацию той аудитории, которая в этом заинтересована. Мы предполагаем, что субъект, придерживающийся принципа диалоговых коммуникаций, постарается максимально (насколько это возможно) открыто и полно использовать официальный сайт как площадку общения с различными общественными группами.

В книге «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса»* представле-

* Ушакова, Т. Н. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса / Т. Н. Ушакова, Н. Д. Павлова. – СПб.: Алетейя, 2000. – 316 с.

но исследование по выявлению диалогических интенций в опосредованном общении. Автор пытается выяснить, в чем проявляются диалогические интенции, если собеседника нет налицо. Т.е. диалог понимается в более широком смысле: не просто как общение двух (или более) человек. Исследователи исходят из того, что, ориентируясь на слушателя, человек представляет себя в определенном свете. Он учитывает интересы и установки адресата, когда привлекает его на свою сторону в оппозиции к третьим лицам. Автор направлен на собеседника в том смысле, что стремится оказать на него воздействие, побудить к чему-то. Эти аспекты диалогичности играют существенную роль в выступлениях.

Авторы книги исследуют тексты предвыборных телевизионных выступлений кандидатов в президенты России, т.е. это тексты, рассчитанные на массовую аудиторию. В результате они выявляют единообразную интенциональную структуру таких выступлений, исходя из тезиса, что основная цель кандидатов — привлечь избирателей к своей кандидатуре. Эта цель задает типовые характеристики предвыборных речей, а именно: стремление к апологизации, критика оппонента, направленность на аудиторию.

Мы будем рассматривать диалог более широко. Как интенциональная и целеобусловленная деятельность, осуществляемая людьми в контексте реальных жизненных ситуаций, диалог — способ поддержания общественного единства. По мнению многих исследователей, это высшая форма межсубъектных отношений, а отношения эти многообразны потому, что в роли субъекта может выступать и индивид, и целостная микрогруппа (семья, спортивная команда), и социальная макрогруппа (нация, класс, политическая партия), и половозрастная группа (молодежь, феминистское движение), и единое человечество в его отношениях с природой.

Диалог как идеологическая составляющая репутационных (стратегических) коммуникаций будет влиять на формирование определенных особенностей текстов. Интенциональные характеристики текстов такого характера будут соответственно отличаться от описанных выше характеристик, так как данные тексты рассчитаны не на массовую, а экспертную аудиторию. При этом согласно особенностям диалоговых коммуникаций говорящий должен придерживаться следующих принципов для обеспечения эффективного общения.

- Конгруэнтность партнеров по общению (естественность, открытость общения).
- Безоценочное восприятие личности партнера.
- Восприятие партнера как равного.
- Соблюдение принципа равной психологической безопасности.
- Ориентация на проблемный, дискуссионный характер общения.
- Подготовленность к диалогу (информационная и психологическая).
- Персонафицированный характер общения.
- Понимание и готовность помочь.
- Сходство в интерпретации действительности.

Для эффективного ведения диалога необходимо также иметь установки, во-первых, *на позитивное партнерство*, т.е. собеседники должны быть позитивно настроены по отношению друг к другу и должны воспринимать себя в качестве равноправных партнеров. Во-вторых, диалог предполагает *личностную ориентированность* на собеседника и ведется индивидами от своего собственного имени, при этом истинные чувства и желания субъектов являются открытыми. В-третьих, диалогическое общение предполагает *искренность* собеседников по отношению друг к другу, исключает игры, неестественное поведение.

Таким образом, в своем исследовании мы попытаемся выявить в текстах изучаемых субъектов диалоговые интенции для определения их соответствия принципам репутационных коммуникаций. Для сравнения мы включим в анализ также интенции, описанные в книге Т.Н. Ушаковой «Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса», рассчитанные на воздействие на массовую аудиторию. На наш взгляд, преобладание в текстах экспертных коммуникаций такого вида интенций будет свидетельствовать об отсутствии ориентированности на партнерские отношения, а также о доминировании иных методов взаимодействия в политической сфере Челябинской области, нежели естественно формирующиеся отношения, в рамках которых решения о сотрудничестве принимаются исходя из сопоставления различных субъектов.

Мы выделили следующие критерии для анализа.

Интенциональные характеристики текстов стратегических (диалоговых) коммуникаций.

- Восприятие партнера равным (безоценочное восприятие).

- Персонифицированный характер общения (искренность).
- Направленность на проблемы (предмет общения является приоритетом).

Интенциональные характеристики текстов, рассчитанных на массовую аудиторию.

- Апологизация (представление себя в выигрышном свете).
- Критика оппонента.
- Направленность на аудиторию (аудитория и ее ожидания являются приоритетными, стремление «угодить» ожиданиям аудитории).

Далее мы попытаемся выявить направленность идентифицированных интенций в исследуемых текстах (в процентном соотношении), на основании чего сделаем вывод о соответствии данных текстов принципам репутационных коммуникаций. Соответственно, и о том, придерживаются ли субъекты политического поля Челябинской области этих принципов. Результаты проведенного интент-анализа представлены в таблице 1.

Прежде чем переходить к детальному описанию текстов каждого из субъектов, обозначим основные характерные тенденции, которые позволят дать описание контекста исследования.

Прежде всего, для анализа мы выбирали тексты, рассчитанные не на массовую аудиторию, а на различные группы профессионального сообщества: бизнес, общественные организации, члены различных политических организаций и партий, специализированные СМИ. Как правило, мы искали на сайтах тексты выступлений на различных конференциях, заседаниях, интервью, деловым изданиям и т.д. В случае, если возникали сложности с поиском информации на сайте, мы делали запрос в пресс-службы исследуемых субъектов.

Как оказалось, найти такие тексты довольно не просто. Ответы на запросы в пресс-центры исследуемых субъектов адресовывали нас на официальные сайты, на которых количество текстов крайне ограничено, особенно это касается актуальных текстов за последнее полугодие. Так, например, на сайте Законодательного Собрания Челябинской области последний текст выступления председателя ЗСО В.В. Мякуша датирован 2009 годом. Не сильно отличается ситуация на интернет-ресурсах и остальных изучаемых субъектов. На сайтах трех из восьми исследуемых субъектов вообще не было нужных нам текстов. Правительство области, администрация горо-

да и челябинское отделение партии ЛДПР размещают на своих официальных сайтах только пресс-релизы, поздравления и официальные отчеты о проделанной работе. Запросы в пресс-центры также не имели результата: пресс-службы не предоставили нужной для нас информации. В результате было принято решение исключить данных субъектов из исследования.

Однако данный факт является в контексте настоящей работы очень показательным. Основные институты власти Челябинской области, а именно областное правительство и городская администрация, не идут на диалог, предпочитая использовать областные СМИ как главный и фактически единственный канал односторонней коммуникации с различными общественными группами.

Еще одна особенность заключается в том, что проблематика текстов, которые мы взяли для изучения, обозначена крайне расплывчато. Предметно это будет продемонстрировано ниже, по результатам интент-анализа. В основном, тексты представляют общую информацию (отчеты, планы), не предполагающую обсуждения или какую-либо другую реакцию со стороны аудитории. Тенденция преобладания в изученных текстах интенциональных характеристик массовой коммуникации прослеживается довольно четко на рисунке 1.

Как видим, доля интенциональных характеристик текстов, рассчитанных на массовую аудиторию, почти в 4 раза превышает долю интенций диалоговых коммуникаций. Однако для того, чтобы подробно охарактеризовать выявленную тенденцию, обратимся к более детальному рассмотрению группы текстов каждого субъекта.

На сайте Законодательного Собрания области (www.zs74.ru) для анализа мы взяли тексты выступлений председателя ЗСО В.В. Мякуша перед предпринимателями Челябинской области, доклад по итогам работы четвертого созыва, а также вступительное слово на областном совещании рабочих групп. Характерной особенностью текстов ЗСО является то, что в них были выявлены исключительно интенциональные характеристики текстов, рассчитанных на массовую аудиторию: апологизация, критика оппонента и направленность на аудиторию (рисунок 2).

Тексты Законодательного Собрания – единственная группа, в которой совершенно отсутствуют интенции стратегических (диалоговых) коммуникаций. Критика оппонента имеет наименьшую представлен-

Таблица 1. Представленность идентифицированных интенций в исследуемых текстах (в процентном соотношении)

Интенциональные характеристики текстов (диалоговых) коммуникаций	ЗСО			КПРФ			Общественная палата			Справедливая Россия			Единая Россия		
	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 1	Текст 2	Текст 3	Текст 1	Текст 2	Текст 3
Восприятие партнера равным (безоценочное восприятие)	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
Персонифицированный характер общения (искренность)	0	0	0	0	0	0	0,1	0,24	0	0	0,33	0,33	0	0,33	0,33
Направленность на проблемы (предмет общения)	0	0	0	0	0	0,04	0	0,42	0	0,3	0,44	0	0	0,66	0,17
Интенциональные характеристики текстов, рассчитанных на массовую аудиторию															
Апологизация	0,72	0,69	0,33	0,65	0,44	0,54	0,47	0,58	0,92	0	0,04	0,33	0,75	0	0,5
Критика оппонента	0,11	0	0	0,06	0,56	0,29	0	0	0	0,35	0,12	0,33	0	0	0
Направленность на аудиторию	0,17	0,31	0,67	0,29	0	0,13	0,53	0	0,08	0,25	0,16	0,33	0,25	0	0

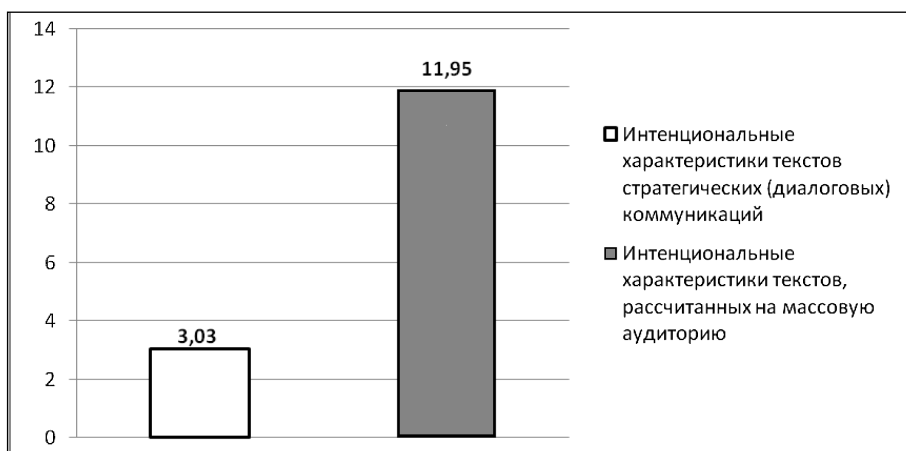

Рисунок 1. Общее соотношение интенций текстов специализированных и массовых коммуникаций (доля, %)

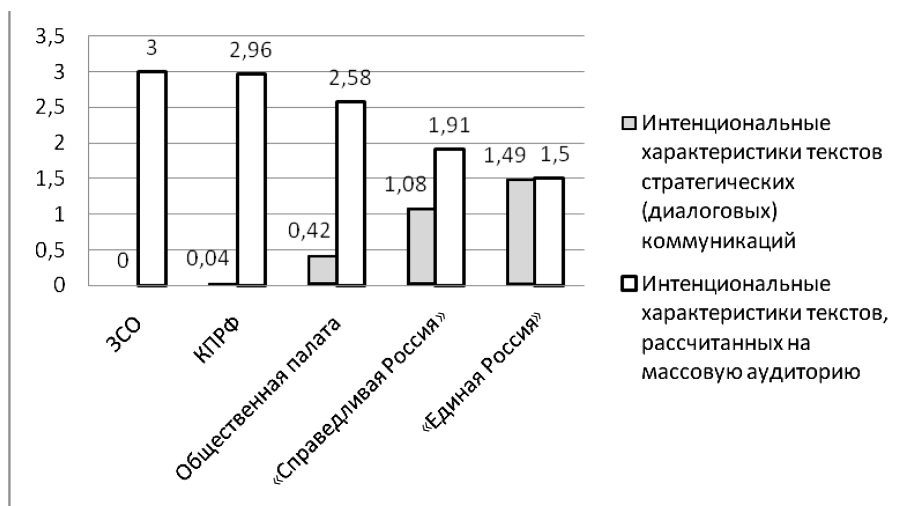

Рисунок 2. Соотношение интенций текстов специализированных и массовых коммуникаций у исследуемых субъектов (доля, %)

ность среди интенций текстов массовой коммуникации (см. таблицу 1), в основном, она направлена в адрес федерального правительства и носит характер сомнений, нежели жесткой критики («вызывает сомнение, что все финансовые критерии по различным видам деятельности должны теперь дополнительно устанавливаться Правительством РФ с периодичностью один раз в пять лет», «муниципалитеты стали в массовом порядке... продавать помещения, исполняя требования федерального закона о необходимости продажи имущества, не используемого для осуществления муниципальных полномочий.

Добросовестные арендаторы-«малыши»... оказываются без помещений, в которые они годами вкладывали душу и деньги»). Доминирующими интенциями в текстах ЗСО являются аполлогизация и направленность на аудиторию, т.е. тексты носят преимущественно рекламный характер, стремясь представить субъекта в выгодном свете в глазах определенной группы людей (рисунок 3).

Аналогичную цель преследуют и руководители челябинского областного отделения КПрФ. В их текстах также преобладает интенция к аполлогизации (рисунок 4) и крайне ограниченно пред-

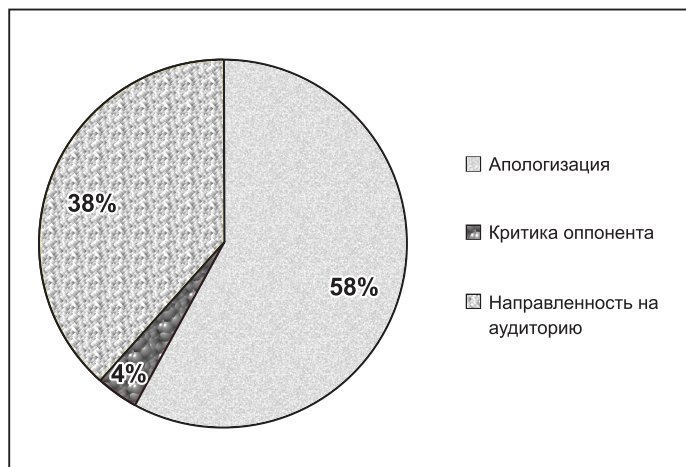

Рисунок 3. Интенции текстов ЗСО

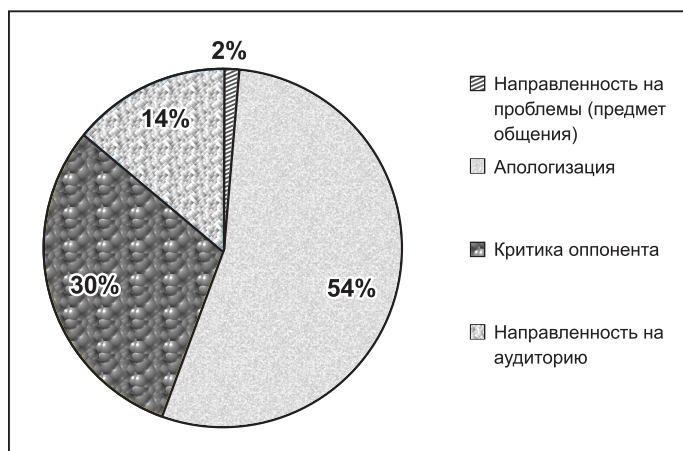

Рисунок 4. Интенции текстов КПРФ

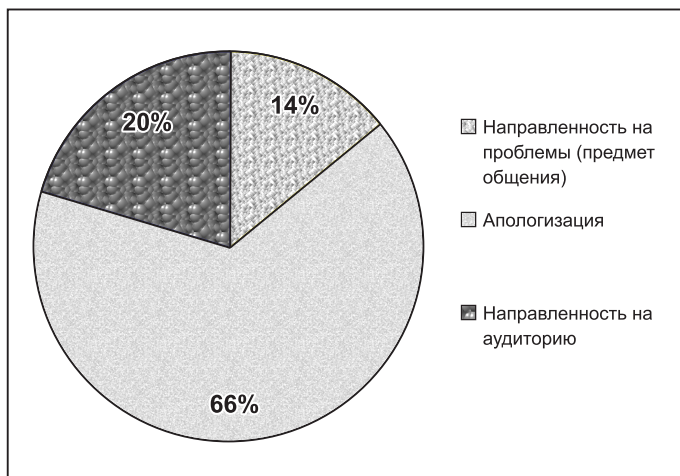

Рисунок 5. Интенции текстов Общественной палаты

ставлены интенции диалоговых коммуникаций (см. рисунок 2). Для анализа мы взяли 2 интервью и статью занимавшей в то время пост секретаря Челябинского обкома КПРФ Светланы Поклонновой. Большое внимание партия уделяет и критике оппонентов, а также бывшего руководства регионального отделения: «Перед выборами все партии, включая партию власти, должны позаботиться о народе. Но вместо этого уровень жизни населения в целом и каждого человека в отдельности только ухудшается», «Основная проблема в том, что эти предприятия предпочитают сокращать, ориентируясь на импортную продукцию. КПРФ совершенно не согласна с этой политикой».

Направленность на аудиторию в текстах КПРФ проявляется в виде упоминания проблем различных слоев населения: «...организовали акции протеста против отмены у ветеранов льгот по бесплатному проезду в общественном транспорте», «партия коммунистов была и остается единственно последовательной и верной защитницей рядовых тружеников». Поверхностное упоминание проблемы, без детальной ее проработки и изучения, свидетельствует о том, что в данном случае она упоминается для привлечения внимания определенных социальных групп, т.е. речь идет об интенции «направленность на аудиторию», а не об интенции «направленность на проблему», как это может показаться на первый взгляд.

Таким образом, в текстах Коммунистической партии наиболее ярко, по сравнению со всеми остальными исследуемыми субъектами, представлены все три интенции массовой коммуникации (см. рисунок 4). Данная тенденция может свидетельствовать о том, что наибольшую коммуникативную активность партия проявляет в период выборов, когда необходимо набирать голоса, и основная работа направлена на электорат. В работе с экспертными группами партия предпочитает использовать иные методы взаимодействия, нежели публичный диалог.

Интересную интенциональную структуру имеют тексты Общественной палаты Челябинской области (ОПЧО) (рисунок 5). Для анализа мы взяли три текста председателя ОПЧО Вячеслава Скворцова. Особенностью материалов, представленных на сайте www.op74.ru, является то, что в основном они посвящены анализу работы Общественной палаты, ее роли в развитии общества. Об этом свидетельствуют резуль-

таты, наглядно продемонстрированные на рисунке 5, где 66% от общего числа интенций в тексте — интенция «апологизация». Этот факт можно объяснить сравнительно непродолжительной историей данного общественного института. Общественная палата пытается определиться со своими функциями, задачами и той ролью, которую она призвана выполнять.

Довольно большое внимание уделяется аудитории: 20% интенций — «направленность на аудиторию». Совсем отсутствует критика, а ориентированность на проблему в анализируемых текстах имеет хоть и меньший процент, но он значительно превышает этот же показатель в остальных анализируемых текстах.

В целом, интенциональные характеристики текстов, направленных на массовую аудиторию, значительно преобладают над характеристиками текстов диалоговых коммуникаций (см. рисунок 2).

На рисунке 6 представлена интенциональная структура текстов партии «Справедливая Россия». Как видно, почти все выделенные нами для анализа интенции представлены в дискурсе партии. Для исследования мы взяли текст интервью, а также тексты выступлений председателя регионального отделения партии Валерия Гартунга.

Наибольший процент в текстах партии «Справедливая Россия» имеет интенция «критика оппонента» — 27%. Партия позиционируется как единственная оппозиционная партия парламента, при этом обвиняя остальных в приверженности к официальной власти. На втором месте от общего числа интенций в текстах «Справедливой России» стоят интенциональные характеристики: направленность на аудиторию и направленность на проблему. Персонифицированный характер общения (11% от общего числа интенций), свидетельствующий о намерении автора быть искренним и ранее не встречающийся в текстах других исследуемых субъектов, также присутствует в речах руководителя партии. В высказываниях часто звучат личные местоимения, выражения, демонстрирующие личное отношение: «Я сам взял и написал... засек время. 10 секунд заняло», «Я предлагаю вернуть дискуссию сюда. Вас призываю к благоразумию», «Я, кстати, министру транспорта задавал такой вопрос» и т.п.

Таким образом, несмотря на присутствие интенциональных характеристик текстов диалоговых коммуникаций партия

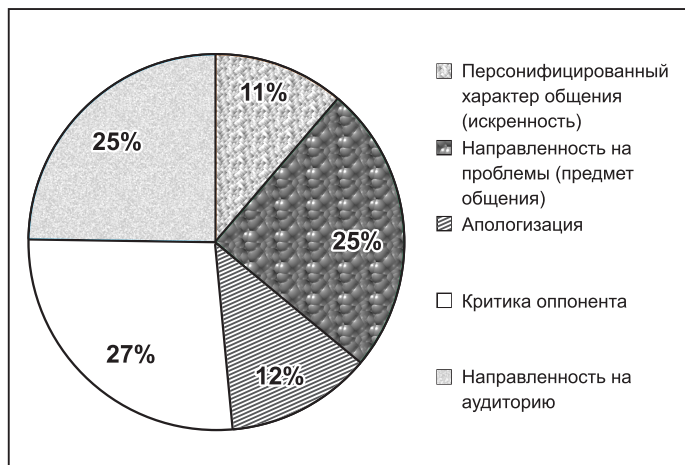

Рисунок 6. Интенции текстов «Справедливой России»

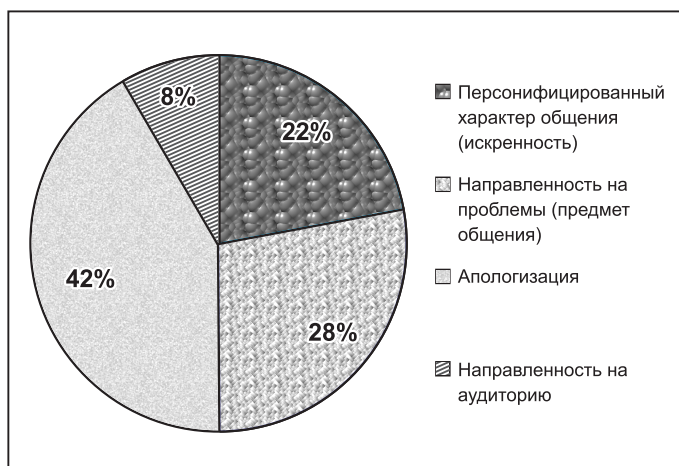

Рисунок 7. Интенции текстов «Единой России»

«Справедливая Россия» демонстрирует довольно жесткую стратегию выстраивания коммуникаций с различными группами общественности. Об этом свидетельствует значительное преобладание интенциональных характеристик текстов, рассчитанных на массовую аудиторию (см. рисунок 2), а также доминирование критического отношения к представителям других партий, руководству государства (рисунок 6).

Для анализа дискурса регионального отделения партии «Единая Россия» мы взяли видеозаписи выступлений первых лиц партии: секретаря регионального политсовета Владимира Мякуша, а также членов партии, заместителя председателя Законодательного Собрания области Семёна Мительмана и председателя комиссии по

социальной политике Натальи Басковой. Мы взяли стенограммы видеовыступлений для анализа, так как печатные тексты выступлений и заявлений первых лиц партии на сайте не представлены.

Интенс-анализ выступлений выявил равное количество интенций как текстов массовых, так и стратегических коммуникаций (см. рисунок 2). При этом не все из обозначенных нами интенций были представлены: отсутствовали интенции, выражающие авторское отношение к партнеру по коммуникации – «критика оппонента» (для массовых текстов) и «восприятие партнера равным» (для экспертных текстов) (рисунок 7). По существу, партия власти демонстрирует односторонний характер коммуникации, воспринимая аудиторию

лишь как объект воздействия. Этот факт не позволяет определить такую коммуникацию даже как диалог в узком значении этого понятия, т.е. как общение двух и более субъектов, не говоря уже о широком понимании этого термина, когда диалог рассматривается как принцип организации коммуникации между различными субъектами.

Несмотря на равнозначность представленных интенций диалоговых и массовых коммуникаций, значительную долю от всего числа интенций составляет «апологизация» — 42 %. В условиях отсутствия ориентированности на партнера интенция «направленность на проблему» также приобретает черты апологизации: «Единая Россия» выступает как единственная политическая сила в стране, которая способна решать проблемы и которая это делает.

Таким образом, партия демонстрирует четкую ориентированность на предметный характер коммуникации, однако высокий уровень представленности интенций апологизации и полное отсутствие ориентированности на партнера по коммуникации, не позволяет говорить о диалогичности дискурса «Единой России».

В заключение, отметим следующие основные тенденции, выявленные нами в результате проведенного интент-анализа.

Во-первых, «восприятие партнера равным» — один из наиболее важных принципов диалога — отсутствует в текстах абсолютно всех исследуемых субъектов (см.

таблицу 1). Этот принцип демонстрирует способность и готовность сообщать решать проблемы, которые встают перед обществом. Направленность на проблему без этого принципа (как в случае с партией «Единая Россия») ставит коммуниканта в позицию эксперта, чье мнение и видение ситуации является единственно верным.

Во-вторых, интент-анализ показал, что акторы используют в текстах, рассчитанных на специализированную аудиторию, интенции массовых коммуникаций. Таким образом, создается впечатление условности и театральности публичного делового общения в политической сфере, в то время, как реальная политика осуществляется в кулуарах власти.

И наконец, ни один из субъектов политического поля Челябинской области не продемонстрировал принципов диалоговых коммуникаций в чистом виде (см. рисунок 2). С одной стороны, данные результаты вполне закономерны, учитывая специфические традиции взаимодействия политиков и населения в России. С другой стороны, значительное преобладание интенций текстов массовых коммуникаций свидетельствует о низкой роли репутационных коммуникаций в политическом поле Челябинской области. Таким образом, мы можем предположить, что репутация не играет существенной роли, современный политический процесс в Челябинской области формируется под влиянием других факторов.

1. Бородина, Т.В. Социальный диалог: коммуникативные стратегии личностной репрезентации общественных отношений [Текст] / Т.В. Бородина. Ростов-на-Дону, 2003. 26 с.

2. Васильева И.И. Психологические особенности диалога. М., 1984. 467 с.

3. Дзялошинский, И. Коммуникативная природа имиджа, репутации, бренда [Текст] / И. Дзялошинский // PR-Линия. 2008. № 2. С. 6–8. (Электронная версия <http://www.pr-line.ru/Archive2008/journal/stol.asp>)

4. Комаровский, В.В. Социальный диалог в России [Текст] / В.В. Комаровский // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 21–32.

5. Ушакова, Т.Н. Слово в действии. Интент-анализ политического дискурса [Текст] / Т.Н. Ушакова, Н.Д. Павлова. СПб.: Алетей, 2000. 316 с.

6. Черныш, М.Ф. Противоречия становления социального партнерства [Текст] / М.Ф. Черныш // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 16–25.

ИНТЕРАКЦИЯ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА КАК ПЕРЕГОВОРНЫЙ ПРОЦЕСС: ЛИНГВОПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 32.001

А.В. ЗАЙЦЕВ

Специфика политики заключается в преимущественно дискурсивно-языковом характере ее осуществления. «Политика в некотором смысле – это система человеческих отношений, осуществляемых во многом при помощи языка, – считает известный российский политолог К.С. Гаджиев. – Поэтому без изучения политического языка нет и не может быть политологии...» [4, с. 550]. Дело в том, что «специфика политики, в отличие от ряда других сфер человеческой деятельности, заключается в ее преимущественно дискурсивном характере», поскольку «многие политические действия по своей природе являются речевыми действиями» [16, с. 27]. Поэтому все элементы поля политики, так или иначе, опосредованы политическим дискурсом и политической коммуникацией, отражаются в них и реализуются через язык, дискурс и коммуникацию, которые имеют политическое содержание и политический смысл. Язык политики можно одновременно рассматривать и как надежное средство или инструмент политического влияния, и как среду политического общения, то есть как сферу политической коммуникации и политического дискурса. К тому же политический язык является не только неотъемлемым аспектом политической жизни, выступая инструментом описания политических фактов и явлений, но и существенной частью самих политических событий, формирующей их значения. В связи с этим в современной политологии наблюдается устойчивая тенденция трактовки политического языка и его экстралингвистических инструментов не только как средства отражения политической реальности, но и как способа ее конструирования.

Выступая особым видом политической коммуникации, диалог в условиях увеличения объема, усложнения социальной структуры общества, углубления содержания и расширения разнообразия форм связей и типов политических отношений становится важным, а зачастую и решающим средством, обеспечивающим взаимопонимание

на разных уровнях общения разных субъектов политического процесса. Будучи определенной формой политического общения, он обладает своей спецификой, обеспечивающей ему особую роль в организации общественно-политической деятельности государства и гражданского общества. На протяжении минувшего столетия неуклонно возрастала общественно-политическая значимость понятия «диалог». В процессе демократизации российского общества оно существенно трансформировалось и приобретало новые смыслы, эволюционируя «от первоначальной трактовки диалога как обмена информацией до представления о диалоге как сложном творческом процессе взаимодействия субъектов, носителей двух разных сознаний, разных систем ценностей, разных идейных позиций...», – отмечается в редакционном предисловии к сборнику научных статей «Диалог культур и цивилизаций» [13, с. 5].

Как отмечается в научной литературе, в последние годы концепт «диалог» занял едва ли не центральное место в сфере гуманитарных наук и в социально-политической жизни общества. В качестве субъектов диалога выступают не только индивиды, но и поколения, этносы, конфессии, государства, культуры и цивилизации. «Диалог становится, по-видимому, центральной метафорой нашей цивилизации. Распространение его таково, что практически вся социальная сфера пронизана диалогическими отношениями: диалог культур, диалог политический, диалог межэтнический, диалог духовный» [5, с. 5].

Общественно-политический диалог – неотъемлемая часть современного политического языка, политической коммуникации и политической практики, важнейший атрибут демократической политики и ее надежный инструмент, без которого ни внешнеполитические, ни внутриполитические проблемы разрешить попросту невозможно. Как выше уже отмечалось, общественно-политические изменения, произошедшие в нашей стране, коснулись

и русского языка, в том числе общественно-политической лексики, значительно расширив и обогатив его. Примером такой трансформации служит и «слово «диалог», ныне явно включенное в политический словарь благодаря приобретению им новых значений» [10, с. 41]. Так, Л.Ю. Касьянова отмечает, что «лексическая единица *диалог*», ранее использовавшаяся в значении «разговор между двумя лицами», «была подвергнута переосмыслению, и в настоящее время в политическом дискурсе слово функционирует в новом значении – «переговоры с целью мирного урегулирования конфликта» [8, с. 6]. Для нашего исследования очень важны эти дискурсивные инновации, которые связаны с обогащением концепта «диалог» новыми, ранее не присущими ему семантическими смыслами, уже подмеченными целым рядом ученых-лингвистов.

В отличие от вышеназванного автора О.П. Ермакова утверждает, что в общественно-политических контекстах 1990-х годов появились сразу четыре новых значения прежнего концепта «диалог»: «1) неофициальные переговоры (диалог с оппозицией); 2) дискуссия (манера диалога); 3) договоренность (диалог с руководством завода); 4) общение (развитие нашего диалога с внешним миром). Кроме того, особое значение «диалог» приобретает в деловых кругах, где слово обозначает «сотрудничество» (диалог с фирмой не получился). Слово «диалог» часто употребляется как антоним к слову «конфронтация» (диалог – мирное урегулирование конфликтов)» [10, с. 41].

Действительно, обращение к словарю синонимов показывает, что одним из синонимов понятия «переговоры», которое раньше использовалось исключительно во внешней политике, теперь в качестве его дискурсивного эквивалента используется слово «диалог» [14]. Точно так же, как и синонимом «диалога» теперь выступает дипломатический термин «переговоры» [6].

В словаре-справочнике «Политическая наука» зафиксировано два основных значения термина «диалог»: «1) переговоры, свободный обмен мнениями, напр. политический диалог – форма целенаправленного двустороннего духовного взаимодействия политических субъектов в процессе реализации ими своих прав и полномочий в сфере власти; 2) форма устной речи, разговор двух или нескольких лиц; речевая коммуникация посредством обмена репликами...» [7].

Специалист по теории политических переговоров И.А. Василенко дала такое определение процесса переговоров: «*политические переговоры можно определить как науку и искусство достижения политических соглашений в условиях конфликтного противостояния сторон*» [2, с. 11]. М. М. Лебедева, как и целый ряд других исследователей, также склонна рассматривать переговоры в парадигме конфликта: «переговоры есть не что иное, как преодоленный конфликт сторон» [11, с. 183].

Политические переговоры сегодня все чаще становятся фактом повседневной жизни, способом диалогического взаимодействия разных народов и государств, политических партий и общественных организаций, государства и гражданского общества, которые готовы жить вместе, сотрудничать и рассматривать совместные отношения в терминах диалога, согласия, взаимного уважения и терпимости. С точки зрения В.М. Сергеева, изложенной им в монографии под названием «Демократия как переговорный процесс», наиболее естественной формой принятия решений являются переговоры, синонимичные с точки зрения норм современного русского языка по отношению к обсуждаемому нами понятию общественного диалога. Следовательно, как утверждает автор этой монографии, демократия, понимаемая как подлинное «народовластие», это не электоральные процессы, не политические свободы, не местное самоуправление, многопартийность и не референдумы, а система общественных переговоров, диалог власти и общества. «Каждое правительство может существовать достаточно долго только тогда, когда оно легитимно, то есть, по крайней мере, терпимо для значительного большинства подданных... – пишет В.М.Сергеев, – следовательно, правительство или господствующая элита должны в определенной мере всегда принимать во внимание интересы других групп и слоев общества... Но это можно сделать только в результате некоторого обмена информацией о положении дел с представителями этих групп и слоев. Фактически такой обмен информацией и учет требований выливается в систему переговоров...» [15, с. 16–17]. Институционализация переговорно-диалогового взаимодействия приводит к появлению новых демократических дискурсивных практик. А возникновение системы таких практик, покрывающей собой основные социальные группы и «вводимой в действие в случае обсуждения наиболее

важных для общества проблем», позволяет «говорить о демократической политической системе. При этом предполагается, что демократическая практика затрагивает не только взаимоотношения власти и других социальных субъектов общества, но и взаимоотношения самих этих социальных субъектов – индивидуумов, групп, корпораций, политических партий и т. д.» [15, с. 17]. Такая «эффективная система переговоров между социальными субъектами» позволяет «поддерживать значительный запас легитимности политического режима» [15, с. 17].

Что касается общественного диалога, то его вполне возможно осмыслить как «определенный тип отношений между отдельными группами, которые называются общественными партнерами, с участием государства как партнера диалога или как его гаранта» [8, с. 2]. Или же, с точки зрения более «широкого понимания общественно-общественного диалога как формы демократии, которая выходит за рамки трудовых отношений и охватывает все общество» [8, с. 2]. Участниками диалога в более широком смысле являются, прежде всего, различные виды общественных организаций, институтов гражданского общества или негосударственные так называемого «третьего сектора», которые создают важные сегменты для общественного развития и благополучия. В числе субъектов такого широкого диалога входят и государственные органы, властные структуры, политические институты, которые вступают в диалоговую коммуникацию с гражданским обществом в целом или же какими-то его сегментами с целью преодоления непонимания, разрешения конфликтов, координации действий и выработки социально взаимовыгодных значимых политических решений. «Важнейшими понятиями, которые характеризуют суть общественного диалога, являются: переговоры и договоренности, компромиссы, участие и социальное партнерство» [8, с. 2]. Пространством, в котором происходит процесс согласования интересов различных политических субъектов – политический дискурс, является публичная сфера общества.

«Общественный диалог, – по мнению Э.Я. Баталова, – это свободный, перманентный, идущий на равных обмен идеями и взглядами между государством и гражданским обществом, между институтами самого гражданского общества (включая политические движения, партии, общественные организации), между центром и региона-

ми, между верующими и атеистами, между правыми и левыми, между отдельными группами и между индивидами. Но прежде всего – между властями и подвластными» [3]. Общественный диалог – это важнейшая функциональная характеристика общества. Это, прежде всего, диалог гражданского общества и государства. Первое делегирует свои властные полномочия второму, отчуждаясь от постоянного и монопольного отправления властных функций. Можно сказать, что мера цивилизованности политики во многом определяется тем, насколько диалог между гражданским обществом и государством является открытым и равноправным.

При этом очень важно, чтобы субъекты общественного диалога были репрезентативны, то есть обладали бы полномочиями на соответствующую институциональную коммуникацию и были бы автономны, то есть финансово, организационно и политически независимы как от государства, так и от бизнеса, а также от зарубежных спонсоров. Следует помнить, что общественный диалог или переговоры власти и оппозиции – это инструмент, но не цель и не стратегия достижения изменений. Диалог сам по себе не панацея, и его результат зависит от того, насколько его субъекты готовы к полноценному, а не симулятивному парадиалогу.

Особенно велика роль переговоров в случае возникновения каких-либо острых общественно-политических конфликтов или даже социальных кризисов. Здесь способом разрешения конфликта может выступить институт медиации, то есть политического посредничества между противостоящими друг другу сторонами. Медиатор помогает сторонам включиться в диалог, создать соответствующую переговорам социально-психологическую атмосферу, помочь преодолеть реальные и мнимые противоречия и прийти к обоюдной договоренности. «Переговоры нами понимаются как процесс конструктивного диалога, организованный по определенному последовательному алгоритму, – пишет специалист по медиации О.В. Аллахвердова, – диалог между сторонами может быть обеспечен в случае адекватного использования коммуникации, взаимного информирования сторон, просвещения и адекватного использования власти, направленный на выработку взаимных обещаний (обязательств), в результате выполнения которых будут удовлетворены ущемленные интересы сторон» [1, с. 38].

Медиация — это наука и искусство достижения договоренности на основе честного диалога, осуществляющаяся на практике посредством диалога. Медиация представляет собой коммуникативно-дискурсивную способность социума в целом и отдельных его частей приходиться в спорах и конфликтах к консенсусу, к паллиативному решению, к выработке взаимовыгодного всем противостоящим сторонам договоренности о дальнейших действиях и процедурах. Государство сегодня всё чаще наталкивается на явное или латентное сопротивление со стороны граждан и институтов гражданского общества, особенно в случае принятия каких-то необоснованных, непродуманных и далеко не всегда взвешенных, ущемляющих чьи-то интересы решений со стороны властей.

Главная задача медиации состоит не в том, чтобы определить правого и виноватого в конфликте, а в том, чтобы привести стороны к взаимопониманию, консенсусу или даже к политическому компромиссу. Общественно-политическая медиация и диалог — важнейшие инструменты развития демократии и ненасильственного осуществления власти. В целях институционализации переговорных процедур 27 июля 2010 года был принят Федеральный закон № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», вступивший в силу с 1 января 2011 года. Однако в настоящее время диалоговая процедура медиации применяется, в основном, лишь для досудебного разрешения гражданских правоотношений, а в социально-политической сфере конфликтной интеракции и общественно-политической коммуникации государства и гражданского общества своего места она еще пока не нашла.

При всем сходстве диалога и переговоров необходимо видеть существующие между ними различия. Переговоры отличаются отчетливо выраженный процессуальный аспект: правила, порядок обсуждения и протокол, то есть предварительное соглашение участников о правилах ведения переговоров. Ведение политических переговоров в отличие от других видов политического общения, в том числе от диалога, консультаций, споров и конфликтов — это всегда «прерогатива профессиональных политиков и государственных деятелей, которые хотят убедить политических оппонентов в своей правоте и склонить их к своей позиции» [2, с. 12]. Важным отличием политических переговоров всегда

было «соглашение о проведении взаимно выработанного политического изменения: управляемого, сознательного, волевого изменения предшествующего конфликтного политического состояния» [2, с. 12]. И в этом вопросе диалог современного гражданского общества и государства еще только приближается к такому переговорному процессу, где стороны, признавая свою взаимную субъектность, могли бы заключать между собой действенные соглашения об обоюдных действиях, направленных на преодоление внутривнутриполитических проблем и социальных конфликтов.

Переговоры, в отличие от общественного (политического) диалога, как правило, не являются публичными, их цель — достижение компромиссного решения, даже несмотря на серьезность противостояния и разные позиции сторон. Непрямые переговоры могут и вовсе проходить с помощью посредников, когда непосредственные контакты заинтересованных сторон затруднены либо по политическим или по каким-то иным причинам. О конфиденциальных, а тем более о тайных переговорах обычно вообще ничего не сообщается в открытой печати. Иногда, чтобы избежать давления прессы и политических воздействий извне, переговоры ведутся кулуарно, «за закрытыми дверями» и даже в обстановке повышенной секретности. Вопрос о том, насколько политические переговоры должны быть публичными и открытыми, решается в каждом конкретном случае отдельно.

Переговоры могут привести к окончанию конфликта, но они редко меняют взаимоотношения. Диалог же по преимуществу нацелен на изменение взаимоотношений. Переговоры означают наличие сторон, которые уже готовы к достижению соглашения. А в диалог могут вовлекаться стороны, которые еще не созрели к такому компромиссу. Диалог подразумевает конструктивность не только в способах представления своей идеи, но и способность слушать и слышать другую сторону. Результатом диалога, как и в процессе переговоров, также может быть достижение компромисса или какой-то конкретной договоренности. Но в диалоге может быть и другой исход, когда стороны несмотря на состоявшийся обмен мнениями, доводами и аргументами все равно остаются при своем мнении, хотя при этом отношения субъектов не носят характера конфликтного политического противостояния или (информационной) войны. Можно сказать, что переговоры обязательно включают в себя диалог, то

есть обмен мнениями. Но сам диалог – в том числе между государством и гражданским обществом – может включать в себя формализованные переговорные процедуры лишь только в определенных общественно-политических ситуациях.

Можем ли мы такую разновидность общественного диалога, как диалог государства и гражданского общества, рассматривать как политический диалог или, по крайней мере, как его одну из его версий? Чтобы ответить на этот вопрос, следует вспомнить, что Россия – это страна с традиционно сильной государственной властью. На протяжении ее существования государство было не только основным актором политического процесса, но и самым влиятельным участником политических отношений. Оно было тем субъектом власти, значение которого было абсолютным не только в политической жизни, но и во всех других сферах общественных отношений. Среди прочего, это сказало и на «политизации по самой своей природе неполитических отношений, трансформации присущих им «политичес-

ких аспектов» в саму политику» [17, с. 161]. Это же относится и к диалогу государства и гражданского общества, который, с одной стороны, является одной из разновидностей общественного диалога, но, с другой стороны, по своему характеру и содержанию, несомненно, является политическим диалогом. «Вступая в диалог с властью, отстаивая права и интересы, гражданские организации неизбежно вступают на политическое поприще, – пишет по этому поводу Л.И. Никовская. – Каждая отдельная организация может быть вполне аполитичной, но гражданское общество не существует вне политики. Более того, оно привносит с собой в политику новые начала, самим своим появлением изменяет принятые традиционными политическими силами правила и представления» [12, с. 55]. Таким образом, диалог государства и гражданского общества – это не только общественный, но еще и политический диалог, во многом уже схожий и все более и более сближающийся с политическими и внутривластными переговорами.

1. Аллахвердова, О.В. Медиация – новая коммуникативная практика [Текст] / О.В. Аллахвердова // Журнал социологии и социальной антропологии. 2006. Том IX. № 4. С. 31–49

2. Василенко, И.А. Политические переговоры [Текст] / И.А. Василенко: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Инфа-М, 2010. 396 с.

3. Баталов, Э.Я. Место для дискуссий: демократическая гражданственность и общественный диалог [Электронный ресурс] / Э.Я. Баталов // Независимая газета 25.05.2012. URL: http://www.ng.ru/ideas/2012-05-25/5_discussion.html (дата обращения: 15.01.2013).

4. Гаджиев К.С. Политическая философия. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1999. 606 с.

5. Диалог: теоретические проблемы и методы исследования: сб. научно-аналитических обзоров / отв. ред. Н.А. Безменова. М., 1991. 217 с.

6. Диалог // В.Н. Тришин. Словарь синонимов ASIS, 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/37322/диалог (дата обращения: 15.01.2013).

7. Диалог // Политическая наука: Словарь-справочник. Сост. проф. И.И. Санжаревский 2010. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/902/Диалог> (дата обращения: 15.01.2013).

8. Дубровина В. Развитие социального партнерства и предпринимательства в условиях рыночной трансформации. URL: <http://www.cpoi.narod.ru/downloads/soc-partnerstvo-vera-dubrovina.doc> (дата обращения: 15.01.2013).

9. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 2000. С. 32–65.

10. Касьянова, Л.Ю. Семантическая неологизация в русском языке конца XX – начала XXI века [Текст] / Л.Ю. Касьянова // Вестник ТГПУ. 2006. Выпуск 5 (56). Серия: Гуманитарные науки (филология). С 5–10.

11. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М., 1999. 271 с.

12. Никовская, Л.И. Социальные основания гражданского общества на Западе и в России: состояние и проблемы [Текст] / Л.И. Никовская // Проблемы становления гражданского общества в России. Вып.3. М., 2003. С. 33–58.

13. От редколлегии // Цивилизации. Вып. 7: Диалог культур и цивилизаций. М., 2006. 278 с.

14. Переговоры // В.Н. Тришин. Словарь синонимов ASIS, 2010. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/115026/переговоры (дата обращения: 15.01.2013).

15. Сергеев В.М. Демократия как переговорный процесс. М.: Московский общественный научный фонд, 1999. 148 с.

16. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филологических наук. Волгоград, 2000. 440 с.

17. Фельдман Д.М. Политология конфликта. Учеб. пособие. М.: Издательский Дом «Стратегия», 1998. 200 с.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ В СИСТЕМЕ ОТПРАВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

УДК 343.140.02

А.Б. СЕРГЕЕВ

Гарантию справедливого судебного разбирательства обеспечивает принцип состязательности судебного разбирательства. При этом состязательность в конституционно-правовом смысле может реализоваться посредством предоставления участникам уголовного судопроизводства максимально полного объёма прав, позволяющего на более качественном уровне отстаивать свои интересы. Основными источниками правового института защиты обвиняемого в уголовном судопроизводстве являются: часть 4 статьи 29, статьи 33, 45, 46, 123 Конституции Российской Федерации [1]; Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года [2], Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [3], Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 года N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» [4], Федеральный закон от 22 декабря 2008 года N 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [5], Федеральный закон от 27 декабря 1991 года N 2124-1 «О средствах массовой информации», иные нормативные правовые акты [6]. Чем больше прав, тем принцип состязательности полнее реализуется на практике, а следовательно, и более общий – принцип справедливости.

В рамках статуса обвиняемого в преступлении важным звеном является право обвиняемого на ознакомление со всеми материалами уголовного дела. Знание всей доказательственной базы, как стороны обвинения, так и защиты, позволяет ему более полно отстаивать свои интересы как в суде первой инстанции, так и в последующих стадиях. Однако у учёных и практиков нет единого мнения относительно достаточности закреплённых законом перечня прав обвиняемого, необходимого для осуществления защиты. При этом обсуждения, в основном, относятся к досудебному

производству. В судебных стадиях дискуссии, в основном, ограничены обсуждением вопроса о целесообразности предоставления права подсудимому на ознакомление с содержанием отдельного мнения судьи, составленным при постановлении приговора коллегией судей. Содержание дискуссии составляют следующие обстоятельства.

Правовую регламентацию действий судьи в отношении вопросов, подлежащих разрешению при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ) определяет статья 301 УПК РФ: «Судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате*. Особое мнение приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит» (ч. 5 ст. 301 УПК РФ). За рамками правового пространства законодатель оставил ряд важных вопросов. Затягивание их решения ведёт к произвольному толкованию (узкому или расширительному) действующего законодательства, а следовательно, к отсутствию единства в правоприменительной практике.

Так, за рамками правовой регламентации остаются следующие вопросы:

1. Обязан ли суд информировать осужденного (при постановлении обвинительного приговора или пострадавшего при постановлении оправдательного приговора) о наличии и содержании отдельного мнения судьи, а следовательно, предоставлено ли названным участникам уголовного судопроизводства право требовать копии особого мнения судьи, если таковое имеется.

2. В случае несогласия осужденного в какой-либо части приговора является ли особое мнение судьи основанием для его обжалования.

3. Нужна ли правовая регламентация процессуальной формы изложения особого мнения.

4. Каково правовое значение особого мнения судьи как юридического факта.

* Судье, голосовавшему за оправдание подсудимого и оставшемуся в меньшинстве, предоставляется право воздержаться от голосования по вопросам применения уголовного закона (ч. 3 ст. 301 УПК РФ).

И это неполный перечень возникающих на практике вопросов. Отсутствие ответов на них является постоянным источником социального напряжения в кассационной инстанции, свидетельствует о недостаточной правовой проработанности, правовом регулировании. Такое состояние неопределённости приводит к нарушению прав граждан и затрудняет достижение назначения уголовного судопроизводства.

Нецелесообразность замалчивания указанных проблем объясняется высокой практической значимостью содержания особого мнения судьи в обеспечении справедливого приговора. Сущность особого мнения и побудительных мотивов его составления судьёй, оставшегося в единстве при голосовании, наиболее ярко сформулирована А. Л. Кононовым: «... выразить и отстаивать свое мнение – это эмоционально и психологически тяжелая миссия, всегда серьезный внутренний конфликт. Весьма трудно пересилить сомнения и избежать влияния авторитетов, оставшись в меньшинстве среди своих коллег-судей, каждый из которых по определению специалист высочайшей квалификации. Особое мнение – это, конечно, крайний вариант позиции судьи, когда цена решения заведомо высока, когда внутренний компромисс невозможен, а убежденность в судебной ошибке максимальна» [7, с.46]. Причина, вызвавшая «серьезный внутренний конфликт», заключается в осознании судьёй ответственности за принимаемые решения по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора и приобретающим значение для дальнейшей судьбы подсудимого. Решения, отражаемые в приговоре, касаются ответов на вопросы: доказано ли, что деяние совершил подсудимый; является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей Уголовного кодекса Российской Федерации оно предусмотрено; виновен ли подсудимый в совершении этого преступления; подлежит ли подсудимый наказанию за совершенное им преступление; имеются ли основания для изменения категории преступления, в совершении которого обвиняется подсудимый, на менее тяжкую и др. (ст. 299 УПК РФ). «Право на особое мнение – это и защита репутации судьи, сильный профессиональный стимул, психологическая гарантия, которая позволяет ощущать личную свободу и независимость, ценность собственного решения и ответственность за свой выбор. Особое мнение – это право меньшинства выразить иную точку зрения, предложить другое решение» [7, с.46].

В составе из трех профессиональных судей в РФ действуют суды уровня субъектов РФ – при рассмотрении в первой инстанции дел о тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 3 ст. 30 УПК РФ), то есть дел повышенной сложности. Одним из основных назначений рассмотрения уголовного дела составом суда из трёх профессиональных судей является более гарантированное (в отличие от рассмотрения дела судом в составе одного судьи) обеспечение компетентности, беспристрастности, независимости судебного разбирательства, а следовательно, уменьшение вероятности принятия ошибочного решения по какому-либо из перечисленных выше вопросов. В механизме такого обеспечения наиболее значимым элементом является право судьи письменно изложить свои возражения и тем самым предупредить постановление несправедливого приговора в ситуации расхождения мнений с остальными судьями. «... Особые мнения судей выявляют зачастую скрытые мотивы спора, его подоплеку, дают более широкие представления об уровне сложности и спорности дела, об иных аргументах и точках зрения. Нередко особые мнения существенным образом дополняют правовую материю, которая была подвергнута анализу в итоговом решении» [7, с. 46].

На многочисленные ошибки при постановлении приговоров судами первой инстанции, которые привели к отмене и изменению значительного числа незаконных и необоснованных судебных решений, выявленных в кассационном порядке, указывает Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 23.08.1988 N 5. В пункте 11 названного постановления предписывалось «рассматривая дело, к материалам которого приобщено особое мнение председательствующего или народного заседателя, суд кассационной инстанции обязан ... проверить и обсудить обоснованность изложенных в нем доводов» [8]. На возможность судебной ошибки указывает и формулировка части 4 статьи 301 УПК РФ, в которой, в качестве средства предупреждения негативных последствий от ошибочного судебного решения, определен запрет устанавливать меру наказания в виде смертной казни при отсутствии единства мнений всех судей.

Перечисленные обстоятельства достаточно убеждают в практической значимости для правосудия уделять самое пристальное внимание анализу особого мнения судьи. Поэтому представляется серьёзным упущением, когда в последующей редакции названного Постановления Пленума Вер-

ховного Суда 25 октября 1996 года из текста было исключено требование проверки и обсуждения обоснованности доводов, изложенных в особом мнении судьи [9].

Конституционный Суд, исследуя правовую природу особого мнения судьи, указывает не на как обязанность, а как на право судов кассационной и надзорной инстанций исследовать письменно изложенное особое мнение судьи и учесть приведенные в нём доводы при оценке правосудности принятых по уголовному делу решений. Представляется, что такое суждение создаёт условия для возникновения ситуации, когда при рассмотрении кассационной жалобы особое мнение судьи вообще может остаться без внимания. Конституционный Суд указал: «...Особое мнение судьи не является актом, имеющим самостоятельное значение и определяющим права и обязанности участников уголовного судопроизводства или влекущим для них какие-либо иные процессуальные последствия», что права обвиняемого непосредственно не затрагиваются особым мнением судьи, изложенным письменно». [10]. Как следствие формирование судебной практики в настоящее время идёт по пути отказа осужденному в праве на ознакомление с отдельным мнением судьи.

Наиболее ярким примером сказанному является приговор Устюженского районного суда Вологодской области в отношении гражданина Ю. Р. Юдина, осужденного за совершение преступления, предусмотренного ст. 162 ч. 3 УК РФ (разбой, совершенный с незаконным проникновением в жилище) (с участием прокурора, защитника) к лишению свободы*, и который был обжалован в кассационном порядке. В заседании суда кассационной инстанции адвокат, осуществляющий защиту Ю. Р. Юдина, а также сам осужденный заявили ходатайства об ознакомлении их с особым мнением судьи, приобщенным к приговору. Однако суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении данных ходатайств, сослался на то, что ознакомление осужденного с особым мнением судьи не предусмотрено законом. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации Ю. Р. Юдин оспорил конституционность статей 301 «Порядок совещания судей при коллегиальном рассмотрении уголовного

дела» и 312 «Вручение копии приговора»** Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Однако Конституционный Суд своим определением отказал в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича, поскольку жалоба признана недопустимой.

С данным определением выразили своё несогласие трое судей Конституционного Суда, считая необходимым принятие жалобы к производству и её рассмотрение, считая, что указанные нормы ограничивают конституционные права и свободы граждан.

Первое ознакомление с определением вызывает несогласие с вынесенным Конституционным Судом решением. Однако более пристальное изучение позволяет согласиться с ним по основаниям того, что – права обвиняемого не могут быть нарушены оспариваемыми нормами, поскольку они (нормы) не содержат ни запрета на ознакомление осужденного с отдельным мнением, ни обязывают должностных лиц знакомить осужденного с отдельным мнением. Нельзя за пробел в законодательстве признавать законодательство как нарушающее конституционные нормы;

– нарушение конституционных прав осужденного в данном случае допускают суды вследствие ложного заполнения существующего в законе пробела субъективным подходом к оценке должного.

Сложившаяся практика нарушения прав осужденных является результатом формальной неопределенности, двусмысленности соответствующих норм. Неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит, к нарушению названных международных и конституционных принципов, следование которым не может быть обеспечено без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями. При наличии пробелов в законодательстве правоприменитель должен руководствоваться международными нормами и нормами Конституции, а не исходить из собственных представлений и предпочтений.

Системный подход к анализу норм международного и конституционного за-

* Председательствующий судья – Трещалов Владимир Николаевич. Судьи – Мищенко Сергей Владимирович, Корешкова Валентина Олеговна. Режим доступа: http://ustuzhensky.vld.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=108. Дата обращения 14.12.2012.

**Статья 312. Вручение копии приговора: «В течение 5 суток со дня провозглашения приговора его копии вручаются осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю».

конодательства без сомнения указывает на обязанность судов знакомить осужденных с особым мнением, составленным вследствие несогласия одного из судей по вопросам, отражённым в приговоре.

Так, в соответствии с Конвенцией о защите прав человека и основных свобод в статье третьей, в перечне прав обвиняемого, указывается на право иметь возможность для подготовки своей защиты [1]. Возможность для подготовки защиты от несправедливого приговора подразумевает наличие у обвиняемого (осужденного) перечня способов, позволяющих ему осуществить эту подготовку. Названное международное правило корреспондирует к отечественному законодательству уголовного судопроизводства. В статье 16 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации закреплена обязанность суда обеспечить обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными Уголовно-процессуальным кодексом способами и средствами. Названные положения обязывают суд ознакомить осужденного с отдельным мнением. Данное утверждение подтверждает и часть четвёртая статьи 39 Конституции, в которой закреплено право каждого свободно получать информацию любым законным способом.

Указанное выше доказывает несостоятельность утверждения: «ни обвинение, ни защита в силу принципа о равенстве сторон в деле не вправе знакомиться с особым мнением судьи и ссылаться на него в обоснование своих жалоб» [11]. Представляется, что состязательность обеспечивается не равным отсутствием знаний об обстоятельствах, которые исследует суд, а наоборот, полнотой сведений, совокупность которой и позволяет осуществлять правосудие. Не состоятельны и утверждения следующего характера: «никто из участников судебного разбирательства и присутствующих не должен знать, что при вынесении приговора один из судей остался при особом мнении, так как это тайна совещательной комнаты» [12, с. 22]. Следует согласиться с Н. Н. Сухановой: «...особое мнение не является предметом тайны совещания судей, поскольку разглашению не подлежат «суждения», имевшие место «во время совещания», выводы и решения, к которым пришел судья, руководствуясь своим внутренним убеждением и оставшийся в меньшинстве» [13, с. 146]. В свою очередь соответствующими международным стандартам о правах человека являются утверждения Е. Г. Мартыничка: «... было бы

безнравственно скрывать как от граждан, присутствующих в зале судебного заседания, так и от участников судебного разбирательства сам факт наличия особого мнения судьи под тем предлогом, что это составляет тайну совещательной комнаты» [14, с. 48]. «Значение особого мнения для участников уголовного судопроизводства заключается в том, что оно содержит аргументированную позицию одного из судей, отличающуюся от выводов коллегиального суда в приговоре. Следовательно, особое мнение может повлиять на решение вышестоящей судебной инстанции, в том числе с негативным результатом для того или иного участника процесса, в связи с чем вряд ли возможен вывод, что данный процессуальный документ не затрагивает права и свободы граждан – субъектов судопроизводства» [15].

Возникающие периодически конфликтные ситуации в кассационной инстанции требуют своего разрешения. Есть предложения законодательного характера, реализация которых будет способствовать разрешению правовой неопределённости и которые ждут своей востребованности [16].

Из вышеизложенного, на основе анализа правового регулирования ситуации, когда при коллегиальном рассмотрении материалов уголовного дела имеет место расхождение мнений судей, по вопросам, требующим отражения в приговоре; на основе изучения судебной практики; анализа постановления Верховного Суда Российской Федерации, определения Конституционного Суда Российской Федерации можно сформулировать следующие суждения:

1. В настоящее время не создан правовой механизм, разрешающий проблемы, возникающие в судебном процессе в ситуации, когда отсутствует единство мнений судей при постановлении приговора. Возникающие проблемы вызваны наличием пробела в законодательстве относительно наличия (отсутствия) права осужденного на ознакомление с особым мнением судьи.

2. Отсутствие названного правового механизма на практике ведёт к неограниченному субъективному усмотрению в процессе применения права.

3. Системный подход к анализу норм международного и конституционного законодательства указывает на обязанность судов знакомить осужденных с особым мнением, составленным в следствие несогласия одного из судей по вопросам, отражаемым в приговоре.

4. Постановление Верховного Суда Российской Федерации, определение Конституционного Суда Российской Федерации, принятые по рассматриваемым ситуациям правовой неопределённости, есть следствие непроработанности законодательной базы, и являются одним из средств её «выравнивания». Данные нормативные акты

содержат признаки осуществления законотворческой функции, выполнять которую суды не полномочны.

5. Только законодательно грамотная правотворческая деятельность позволит снять социальную напряженность при пересмотре приговоров, обжалуемых осужденными, в кассационной и надзорной инстанциях.

1. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 г. [Текст] : в ред. Законов Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ // Парламент. газ. – 2009. – 23–29 янв.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года [Текст] // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

3. О судебной системе Российской Федерации : Федер. конституционный закон от 31.дек.1996 N 1-ФКЗ [Текст] : ред. от 08 июня 2012 // Собр. законодательства Рос. Федерации – 1997 – № 1 – ст. 1 ; источник опубликования последней редакции: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения: 24.12.2012).

4. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федер. конституционный закон от 07 фев. 2011 № 1 – ФКЗ [Текст]: ред. от 10.07.2012 // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2011 – № 7 – ст. 898; источник опубликования последней редакции: Справ. – правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения: 24.12.2012).

5. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : Федер. закон Рос. Федерации от 22. дек. 2008 № 262-ФЗ [Текст]: ред. от 18.07.2011 // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2008 – № 52 (ч. 1). – Ст. 6217; источник опубликования последней редакции: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения: 24.12.2012).

6. О средствах массовой информации : Федер. закон Рос. Федерации от 27.дек.1991 N 2124-1 : ред. от 28.07.2012 // Рос. газ. – 1992 – 08 фев. ; источник опубликования последней редакции: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения: 24.12.2012).

7. Кононов А.Л. Право на особое мнение [Текст] / А. Л. Тиунов // Закон, 2006. № 11.

8. О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.08.1988 N 5 в ред. / М., «Юридическая литература», 1994; источник опубликования в редакции от 25 окт.1996: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения: 20.12.2012).

9. О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.08.1988 N 5 в ред. от 25 окт.1996; источник опубликования в редакции от 25 окт.1996: Справ.-правовая система «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.consultant.ru (дата обращения: 20.12.2012).

10. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 17.янв. 2012 N 174-О-О [Текст] // Вестн. Конституц. Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 4.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный): / под ред. В. И. Радченко, В. Т. Томина, М. П. Полякова – 2-е издание, переработ. и доп. – М., Юрайт-Издат. 2006.

12. Джатиев В. Особое мнение судьи / В. Джатиев // Советская юстиция. 1993. N 15. С. 22.

13. Суханова Н.Н. Постановление оправдательного приговора в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук / Н. Н. Суханова. – Иркутск, 2008. С. 149.

14. Мартынич Е.Г. Особое мнение судьи по уголовному делу / Под ред. П.С. Никитюка. Кишинев, 1981. С. 48.

15. Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Жилина [Текст] / Г.А. Жилин // Вестн. Конс. Суда Рос. Федерации. – 2012. – № 4.

16. Жадяева М. А. Кассационный порядок рассмотрения уголовного дела в российском уголовном судопроизводстве [Текст] : дис. ... канд. юрид. наук / М. А. Жадяева. – Саранск, 2010. – 229 с.

ПОНЯТИЕ «ТЕРРИТОРИЯ ПОРТА» ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

УДК 349.41

А.С. ФЕДОТОВА

Актуальность темы обусловлена принятием закона Украины «О морских портах Украины» от 17 мая 2012 года № 4709-VI [1], который, за исключением нескольких пунктов, вступает в силу через 12 месяцев с даты его опубликования (далее – Закон о морских портах Украины). Данный закон вводит совсем новое для законодательства Украины понимание термина «территория морского порта». В то же время понятие «территория речного порта» в законодательстве Украины остается неопределенным. Учитывая тот факт, что модель определения правового режима территории порта в большей части была позаимствована у Российской Федерации (РФ), эта статья может быть интересна и гражданам РФ.

Изучением данного вопроса занимались Бондар Л.О., Рипенко А.И., Тарасенко О.В. и другие ученые. Изучением смежных вопросов занимались Кассо Л.А., Колбасов О.С., Краснов Н.И., Турубинер А.М., Брауде И.Л., Бочков Н.В., Носик В.В., Мирошниченко А.Н., Мартин А.Г., Гапотченко Т.Н., Иванова Е.А., Локтева Н.В., Правдюк В.Н. и другие ученые.

Согласно действующему законодательству Украины территория порта – это земельные участки, в т.ч. созданные с применением гидротехнических технологий площади, которые принадлежат порту (государственному предприятию) на определенном титуле (ст.ст. 73, 74 Кодекса торгового мореплавания (далее – КТМ Украины)). В соответствии с действующим законодательством территория порта не может передаваться в частную собственность.

В отличие от морских портов понятие «территория речного порта» в Украине на уровне законодательства не определено.

В Законе о морских портах Украины под территорией морского порта предлагается понимать сухопутную часть территории Украины с определенными границами, в том числе штучно созданные земельные участки. Границы порта будут определяться Кабинетом министров Украины (далее – КМУ), при этом в территорию порта смогут входить участки разных форм собственности. Более того, Законом о морских портах Украины частные терминалы автоматическим образом включаются в территорию морского порта. В соответствии с заключи-

тельными положениями указанного закона (п. 3) предприятия морского транспорта, на которые распространяется определение термина «морской терминал», независимо от их местонахождения (в пределах или за пределами существующих морских портов), подлежат включению в границы морского порта, акваторией которого они пользуются, или в границы ближайшего морского порта.

Таким образом, с вступлением в силу Закона о морских портах Украины у территории порта смогут быть разные распорядители.

Следует сказать, что исторически у территории порта был один распорядитель. В XII ст. в Российской империи землями морских портов распорядилось Присутствие по Портовым Делах по представлению Начальника порта (ст. ст. 623, 638 Статута Торгового). В советский период – ведомственное министерство, которое осуществляло управление соответствующими землями, предоставляло эти земли подведомственным юридическим лицам и изымало их. Однако в тот исторический период не стоял открытым вопрос привлечения частных инвестиций в развитие портов. На данном этапе этот вопрос является очень актуальным.

Если обратиться к мировой практике развития портов, то можно утверждать, что изначально в большинстве стран они принадлежали государству или коммуне. Привлечение частного сектора в развитие портов осуществлялось в процессе реформирования, в частности процедуру реформирования портовой отрасли прошли такие страны, как США, Канада, Австралия, страны ЕС, отдельные страны Южной Африки, Латинской Америки, Азии [4; 5; 6, с. 7; 7; 8]. В мировой практике при реформировании в основном применялись две модели.

В первой модели – государство (в основном в лице специализированного государственного предприятия) или органы местного самоуправления (это касается только небольших портов, которые можно содержать за счет средств местных бюджетов) остались собственниками земли и недвижимости (в некоторых странах также отдельного оборудования). Земля и не-

движимость (оборудование) передается в пользование частному сектору по договорам концессии или аренды. Эта схема является наиболее распространенной. Есть отдельные случаи, когда порт передается в управление частному сектору по договору управления (например, порт в Бристоле [8]).

Во второй модели – частный сектор привлекается путем продажи корпоративных прав в предприятии, которое является собственником земли и недвижимости, или путем создания совместного предприятия (государство – частный сектор). Государство или органы местного самоуправления оставляют себе пакет, который позволяет контролировать такое предприятие.

При этом в отдельных странах не исключается существование частных терминалов и небольших портов, которые не являются угрозой создания монополии на рынке портовых услуг [8; 9]. В таких портах и терминалах предоставляется только определенный спектр услуг, которые обычно не принадлежат к публичному сектору.

В то же время, как показывает мировая практика, правило «единого собственника» является важным не для правового режима земель порта, а для влияния на ценовую и инвестиционную политику в сфере портовой деятельности [5, с. 13]. В свою очередь, с точки зрения правового режима земли, определение четких границ территории портов и терминалов является важным для определения границ полномочий контролирующих органов, обеспечивающих безопасность судоходства.

Учитывая изложенное, для определения правового режима земли портов неважно, будет ли территория порта принадлежать одному собственнику или нет.

Модель, аналогичная той, которая планируется к внедрению в Украине, существует в РФ [2]. В РФ на территории порта могут находиться участки разных форм собственности, при этом границы порта определяются правительством РФ. Однако в РФ в частной собственности могут находиться только участки, которые находились в частной собственности до включения их в границы порта или участки, на которых находятся частные строения. Кроме того, по законодательству РФ земельные участки на территории морского порта не могут находиться в собственности иностранных граждан, лиц без гражданства, иностранных организаций [2]. Законом о морских портах Украины такие ограничения не предусмотрены.

Следует сказать, что достаточно долгое время на рассмотрении в Верховном Совете

Украины (далее – ВСУ) находился проект закона Украины «О морских портах Украины» № 0881 [3] (далее – проект Закона о морских портах № 0881), который постоянно дорабатывался. В ноябре 2011 года он был принят ВСУ и направлен на подпись Президенту Украины. Однако был ветоирован и 23 декабря 2011 года отклонен. Закон о морских портах Украины был разработан на его замену.

В первых редакциях проекта Закона о морских портах № 0881, которые готовились ко второму чтению, под территорией порта понимались участки, отведенные в пользование государственной администрации порта, которая должна была создаваться для управления территорией порта, т.е. предусматривалась модель, аналогичная той, которая существует в мировой практике, описанная ранее как «первая модель». Тем не менее, последняя редакция Закона о морских портах № 0881 уже содержала определение понятия «территория морского порта», похожее на то, которое сейчас содержится в Законе о морских портах Украины. Таким образом, в процессе подготовки и принятия специализированного закона, который должен регулировать деятельность морских портов, точка зрения в отношении понимания термина «территория морского порта» существенно изменилась. Не последнюю роль в изменении подхода к пониманию понятия «территория морского порта» сыграла необходимость легализовать статус частных морских терминалов, которые существуют, а также желание подчинить их правилам работы портов. Необходимо отметить, что в законодательстве статус частных морских терминалов практически не урегулирован.

Однако вернемся к определению режима территории портов. Стоит отметить, что в мировой практике существуют разные модели определения этого режима.

В Австралии границы портов определяются губернатором или профильным министром (в зависимости от административно – территориальной единицы, где находится порт) [10; 11]. Приказ об определении границ подлежит обязательной публикации в специализированном издании. При этом губернатор или профильный министр имеет право выкупать земельные участки, необходимые для развития портов, что считается выкупом для общественных нужд. Управляет территорией портов администрация, которой земельные участки предоставляются соответственно губернатором или профильным министром. Последние имеют право не только предоставлять земельные участки для портов,

а и изымать их у администрации. В свою очередь администрация имеет право отдельные участки (которые не принадлежат к землям короны) продавать частным лицам, однако по предварительному согласию губернатора или профильного министра.

В Канаде границы портов определяются в лицензии, которая выдается профильным министром при создании каждого порта [12]. Лицензия выдается администрации порта, которая управляет территорией порта. Лицензия подлежит обязательной публикации в специализированном издании. При этом администрация портов в течение двенадцати месяцев обязана разработать и утвердить детальный план территории порта, который до его утверждения подлежит публикации и обязательному обсуждению с заинтересованными лицами.

В Великобритании [13; 14] зона портов фиксируется профильным министром. По согласованию с профильным министром земли для строительства и расширения портов могут скупаться местными портовыми органами. При этом строительство больших портов (критерии отнесения портов к большим зафиксированы в законодательстве, одним из которых является объем операций, которые осуществляет порт) осуществляется только при наличии специального строительного разрешения. Данное разрешение выдается после получения определенных согласований от уполномоченных органов, публичного обсуждения, внесения соответствующих изменений в градостроительную документацию. Во Франции существует похожая модель, при этом решение о строительстве и расширении небольших портов может приниматься местными органами власти по согласованию с компетентными органами [15].

В Испании порты принадлежат исключительно государству. Для каждого порта разрабатывается план развития, который утверждается после обсуждения и согласования со всеми уполномоченными органами [16]. Утверждение плана означает определение границ порта. После этого государство выкупает земельные участки, которые были включены в утвержденные границы порта, для социальных нужд.

Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что для портов характерным является определение их границ, что обычно осуществляется профильными министрами, а также разработка и утверждение плана территории порта. При этом в европейских странах при создании или расширении портов обязательно вносятся изменения в градостроительную документацию.

Как уже указывалось выше, в соответствии с Законом о морских портах Украины (ст. 8) границы морского порта будут определяться и изменяться КМУ. Информация о границах морского порта будет публиковаться в Уведомлениях мореплавателям Украины, которое в соответствии с указанным законом является официальным печатным изданием (ч. 4 ст. 5).

В соответствии с ч. 3 ст. 5 Закона о морских портах Украины строительство нового морского порта будет осуществляться на основании решения КМУ. Данное решение должно содержать информацию о географическом месте размещения с определением координат территории и акватории морского порта, плановых глубин акватории, внутреннего подходного канала, расчетные параметры судов и параметры тоннажа судов, которые будут приниматься в морском порту, а также источники финансирования строительства морского порта. Также в ст. 7 Закона о морских портах Украины предусмотрено, что развитие морского порта осуществляется в соответствии с планом развития морского порта, который формируется с учетом планов развития морских терминалов, а также предприятий, основная продукция и/или сырье которых являются объектами экспортно-импортных операций и обслуживаются как грузы в морском порту. Предусмотрено, что план развития каждого морского порта утверждается администрацией морских портов Украины (государственное предприятие, которое планируется создать путем реорганизации морских портов с предоставлением ему похожих функций) и согласовывается профильным министерством. При этом сроки разработки такого плана отсутствуют, что может нивелировать эту норму.

Однако указанный порядок не согласовывается с законом Украины «О регулировании градостроительной деятельности», к которому изменения не вносятся. Следует отметить, что в России существует похожая процедура строительства и расширения морских портов, но в РФ данная процедура согласовывается с градостроительным законодательством. В частности, схема территориального планирования в области развития транспорта, путей сообщения, информации и связи, на основании которой принимается решение о строительстве и расширении портов, разрабатывается и утверждается в соответствии с градостроительным законодательством.

С нашей точки зрения, целесообразно разделить процедуру создания и расшире-

ния больших портов, которые имеют стратегическое значение, и небольших портов и терминалов.

Также, считаем, целесообразно разрешить существование частных небольших портов и терминалов отдельно от морских портов и легализовать их статус. При этом включать существующие терминалы в границы морских портов, на наш взгляд, нецелесообразно. Как показывает мировая практика, функционирование небольших частных портов и терминалов является достаточно успешным. При этом последние в границе ни одних из государственных или комбинированных (порты, инфраструктура которых принадлежит публичному и частному сектору) портов не включаются [8]. О достаточно успешном функционировании морских терминалов, которые находятся за территорией портов и пользуются собственными акваториями, свидетельствует и украинская практика. В то же время достаточно часто имеют место конфликты между руководством порта и морскими терминалами, которые граничат с портом или находятся на его территории [см., например, 17]. По нашему мнению, такие конфликты не будут решены путем включения терминалов в территорию портов. Кроме того, как указывается в специальной литературе, нет необходимости в участии государства в работе небольших портов и терминалов [8]. Отдельные же виды деятельности можно урегулировать иным путем, например, через регулирование цен, лицензирование и т.п.

Решение о создании небольших портов и терминалов могут принимать органы местного самоуправления по согласованию с профильным министерством. Что касается больших портов, то решения об их создании, на наш взгляд, должно принимать профильное министерство, но с учетом стратегии развития морских портов Украины, утвержденной КМУ, поскольку принятие такого решения КМУ необоснованно усложнит процедуру (в частности, порядок принятия решений КМУ является зарегулированным и длительным).

После принятия принципиального решения о создании (расширении) порта или терминала должен разрабатываться план развития порта или терминала, который, по нашему мнению, должен оцениваться с точки зрения влияния на окружающую среду и утверждаться органом, который принял решение о создании порта или терминала.

Обеспечение разработки плана развития порта или терминала следует возложить на администрацию порта. Границы

территории порта должны совпадать с границами, определенными в плане развития порта или терминала.

После утверждения плана развития порта или терминала в градостроительную документацию (в случае необходимости) должны вноситься изменения. При этом указанные изменения должны вноситься «механически» (по уведомительному принципу). Стоит отметить, что определение понятия «территория морского порта», которое содержится в Законе о морских портах Украины, будет касаться только территорий морских портов, и не будет распространяться на речные порты.

В настоящее время в ВСУ находится проект Закона о судоходстве на внутренних водных путях Украины от 07.09.2010. № 2494-VI, который был принят в первом чтении. В этом проекте закона содержится свое определение территории речных портов, согласно которому территорией речного порта являются земельные участки, отведенные, в установленном законодательством порядке, субъектам хозяйствования, которые осуществляют деятельность в речном порту, а также штучно созданные территории для осуществления соответствующей хозяйственной деятельности.

С нашей точки зрения, понятие «территория порта» должно быть одинаковым для всех портов (речных и морских).

Учитывая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1. Под территорией порта можно понимать земельный участок (земельные участки) с определенными границами. Это не обязательно должен быть участок суши, поскольку для строительства причалов и схожих сооружений может использоваться дно водного объекта.

2. Целесообразно разделить порядок создания и расширения небольших портов и терминалов, а также портов, которые имеют стратегическое значение. В Законе о морских портах Украины предусмотрена одна для всех усложненная процедура. Как подтверждает мировая практика, это не является необходимым.

Решение о создании небольших портов и терминалов могут принимать органы местного самоуправления по согласованию с профильным министерством, а стратегических портов – профильное министерство при условии, что такое решение будет соответствовать Стратегии развития морских портов Украины, утвержденной КМУ, поскольку принятие такого решения КМУ необоснованно усложнит процедуру.

3. В Законе о морских портах Украины следует предусмотреть, что план развития порта или терминала должен разрабатываться после принятия решения о создании порта или терминала. Этот план, по нашему мнению, должен оцениваться с точки зрения влияния проекта на окружающую среду и утверждаться органом, который принял решение о создании порта или терминала.

Обеспечение разработки плана развития порта или терминала следует возложить на администрацию порта. Границы территории порта должны совпадать с границами, определенными в плане развития порта или терминала. После утверждения

плана развития порта или терминала эти границы должны публиковаться в установленном порядке.

После утверждения плана развития порта или терминала к градостроительной документации (в случае необходимости) должны вноситься изменения. При этом данные изменения должны вноситься «механически» (по уведомительному принципу).

4. Целесообразно разрешить существование частных портов и терминалов отдельно от морских портов и легализовать их статус. При этом включать существующие терминалы в границы морских портов считаем нецелесообразным.

1. Лебедев, В.П. Еще раз об управлении портами и инвестициями в них [Текст] / В.П. Лебедев // Транспорт. 2008. № 28. С. 76.

2. О морских портах в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 16 октября 2007 года, одобрен Советом Федерации 26 октября 2007 года [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <http://base.garant.ru> (дата обращения: 22.11.2012).

3. О портах: проект Закона Украины и рекомендации международных организаций (автор – Т. Шепель) [Электронный ресурс] // Международная юридическая служба Inter legal. URL: http://murs.com.ua/ru/articles/proekt_zakona_o_portah.pdf (дата обращения: 22.11.2012).

4. Открытое досье. Порт Южный [Электронный ресурс] // Телекомпания «АТВ» / URL: http://atv.odessa.ua/programs/19/port_yujniy_5978.html (дата обращения: 22.11.2012).

5. Про морські порти України: Закон України від 17 травня 2012 року № 4709-VI // Голос України. – 2012. – № 06.

Про морські порти України: проект Закону України № 0881. Инициаторы законопроекту: Ю.Б. Крук, М.П. Круглов, С.О. Чукмасов [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офиц. веб-сайт. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=30772 (дата обращения: 22.11.2012).

6. Про суднопластво на внутрішніх водних шляхах України: проект Закону України от 07.09.2010 р. № 2494-VI [Электронный ресурс] // Верховна Рада України: офиц. веб-сайт. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb_n/webproc4_1?id=&pf3511=34937 (дата обращения: 22.11.2012).

7. Canada Marine Act S.C. 1998, c. 10 assented to 1998-06-11 [Электронный ресурс] // Justice Laws Website. URL: <http://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/C-6.7/page-1.html#h-1> (дата обращения: 22.11.2012).

8. Case No IV/M.1651 – Maersk/Sea-land [Электронный ресурс] // Office for Official Publication of the European Communities. – L-2985 – Luxemburg. URL: ec.europa.eu/.../cases/decisions/m1651_en.p (дата обращения: 22.11.2012).

9. Code des transports [Электронный ресурс] // Le site Légifrance, service public de la diffusion du droit. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000023086525&dateTexte=20101202> (дата обращения: 22.11.2012).

10. Henriette, C. van Niekerk Port restructuring, policy and regulation: the South African case [Электронный ресурс] // Comisiyn Economica para América Latina y el Caribe. URL: www.cepal.org/usi/.../Van_Niekerk.doc (дата обращения: 22.11.2012).

11. Institute of Transport and Maritime Management Antwerp The awarding of Seaports Terminals in Europe. Results from the ITMMA survey commissioned by ESPO, May 2008. [Электронный ресурс] // European Sea Ports Organisation. URL: http://www.espo.be/index.php?option=com_content&view=article&id=93&Itemid=86 (дата обращения: 22.11.2012).

12. La Ley 27/1992, de 24 de Noviembre, de Puertos del Estado y de la Marina Mercante, modificada por Ley 62/1997, de 26 de Diciembre [Электронный ресурс] // Puerto de aviles. URL: http://www.puertoaviles.es/upload/descargas/Ley_27-1992_Puertos1740.pdf (дата обращения: 22.11.2012).

13. Planning Act 2008 [Электронный ресурс] // The National Archives is a United Kingdom government department. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1991/52/introduction>. (дата обращения: 22.11.2012).

14. Port Authorities act 1999 (Western part) [Электронный ресурс] // Australasian Legal Information Institute. URL: http://www.austlii.edu.au/au/legis/wa/consol_act/paa1999220/ (дата обращения: 22.11.2012).

15. Port by-laws as in force at 17 March 2002 [Электронный ресурс] // Department of the Chief Minister. URL: http://dcm.nt.gov.au/strong_service_delivery/supporting_government/current_northern_territory_legislation_database (дата обращения: 22.11.2012).

16. Ports Act 1991 [Электронный ресурс] // The National Archives is a United Kingdom government department. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1991/52/introduction> (дата обращения: 22.11.2012).

17. Tovar, B. Organization and regulation of the port industry: Europe and Spain / B. Tovar, L. Trujillo, S. Jara-Diaz [Электронный ресурс] // Centro de Computacion Adquirido por la Facultad de Ciencias Físicas y Matemáticas de la Universidad de Chile. URL: <http://www.cec.uchile.cl/~dicedet/sjara/OrganizationAndRegulation.pdf> (дата обращения: 22.11.2012).

18. Trujillo, L. Privatization and regulation of the seaport industry / L. Trujillo, G. Nombela. – [Электронный ресурс] // The World Bank Group. URL: <http://info.worldbank.org/etools/docs/library/64583/2181seaport.pdf> (дата обращения: 22.11.2012).

КОММУНИКАЦИЯ КАК СЕРВИСНО-УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ

УДК 316.354:351/354

В.А. КОСТИН, Н.Б. КОСТИНА

В настоящее время в теории и практике управления уделяется все более пристальное внимание коммуникативным процессам, управленческим коммуникациям, технологиям взаимодействия между управляющими и управляемыми субъектами в процессе разработки, принятия и исполнения решений. Свидетельством этого выступает появление как в управленческой, так и в неуправленческой литературе значительного числа публикаций, посвященных коммуникации как феномену человеческой жизни в целом, и как функции управления, в частности. Исследование коммуникативных процессов осуществляется по двум принципиально главным направлениям: 1) изучение конкретных коммуникативных процессов и их особенностей на эмпирическом уровне; 2) теоретический анализ коммуникации, с последующим «выходом» на обобщенные выводы о сущности коммуникации и ее чертах применительно к различным видам деятельности... Поскольку эмпирический аспект анализа явно преобладает над теоретическим и с точки зрения внимания исследователей, и с точки зрения полученных исследовательских результатов, в данной статье мы акцентируем внимание именно на теоретических подходах к данному феномену, сконцентрировав внимание на коммуникации как функции управления.

Для рассмотрения коммуникации как функции управления необходимо сделать ряд предварительных замечаний. В качестве собственно управленческих функций выделим следующие: планирование, регламентация, контроль, именно они выявляют специфику управления, его отличительные особенности. Тем не менее, осуществление названных функций не представляется возможным без таких общечеловеческих видов деятельности, как коммуникативная, ситуационно-познавательная, аналитическая, подбор и расстановка кадров. Перечисленные функции, сами по себе не являющиеся управленческой деятельностью, тем не менее делают последнюю, понимаемую как принятие решений и контроль за их исполнением, возможной [3, с. 67–68].

Анализ теоретических разработок, имеющих в современной научной литературе,

позволяет сделать вывод, что к настоящему времени сложились два методологических подхода в понимании коммуникации: полицентрический и моноцентрический. Смысл полицентрического подхода может быть сформулирован следующим образом: изучение коммуникации как социального феномена должно осуществляться на основе нескольких теоретических моделей, которые не сводимы друг к другу, содержат особенности. Наиболее последовательно этот подход представлен в работе Г.Г. Почепцова «Теория коммуникаций» [6], который выделяет модели коммуникации по отношению к предметам научного знания.

Моноцентрический подход, представителями которого можно считать М. Грачева, Т. Свадьбину и др., заключается в описании элементарного коммуникативного акта, с последующим использованием сформированного знания для анализа различных конкретных коммуникативных ситуаций. Справедливости ради нужно отметить, что исчерпывающего перечня элементов коммуникативного акта не предложено, разными авторами представлены вариации на эту тему. Единодушны исследователи в том, что, как правило, выделяют участников процесса и следующие элементы коммуникативного акта: коммуникатор, сообщение, канал, получатель, последствия [1].

Наличие двух концептуальных подходов ставит, безусловно, вопрос об их анализе и формулировке своего отношения к разработанному. На наш взгляд, в каждой из представленных трактовок имеется рациональное зерно, поэтому, несмотря на формальную противоречивость, они дополняют друг друга при определении сути коммуникации и элементов этого процесса. Действительно, в коммуникации необходимо выделять ее всеобщие признаки и виды. Выявление всеобщих признаков коммуникативного акта было предметом анализа различных авторов, характеризующих элементарный коммуникативный акт (Г. Лассвелла, К. Шеннона и У. Уивера., Р.О. Якобсона, М.М. Бахтина и др.). Что же касается видов коммуникации, то здесь ситуации сложнее: полной картины видов коммуникации до сих пор нет, и причина этого, как нам представляется, за-

ключается в том, что виды коммуникации выделяются как раз на основе элементов коммуникативного акта. Исходя из того, что элементарный коммуникативный акт обязательно предполагает его участников, на основе этого критерия выделяют такие виды коммуникации, как интраперсональная, межличностная, групповая, массовая. По таким критериям, как используемый в процессе коммуникации язык, выделяют вербальную и невербальную коммуникацию, направленность движения информации – вертикальную и горизонтальную. Ввиду значимости данных оснований, их реальной практической реализации имеет смысл остановиться на краткой характеристике названных видов коммуникации.

Однако на основе всеобщих признаков коммуникации вряд ли возможно дать полную классификацию ее видов. Дело в том, что коммуникация предполагает не только всеобщие признаки, но и особенные, от которых отвлекаются при характеристике ее родовых черт. Особенности, тем не менее, также могут служить основой для выделения различных видов коммуникации. Сказанное можно проиллюстрировать с помощью аналогии. Известно, что существуют фундаментальные признаки живого, число которых не превышает десяти (гомеостаз, изменчивость, наследственность, обмен веществ, раздражимость, размножение, рост). Эти признаки составляют общее определение жизни. Однако вряд ли возможно вывести все виды живого из фундаментальных признаков жизни – число видов жизни составляет десятки миллионов.

Специфическим признаком, который может служить основой для выделения видов коммуникации, является прежде всего ее характер. По характеру коммуникация может быть добровольной и обязательной. Обязательную коммуникацию субъекты осуществляют для принятия и реализации решений, организующих их совместную деятельность, добровольная обусловлена потребностями субъекта, а ее содержание и объем определяется им самим.

Обязательная коммуникация, которую иногда называют деловой, выступает важной составляющей различных видов профессионального управления: менеджмента, государственного и муниципального управления. Добровольная коммуникация связана с самоуправлением: коммуникативные процессы, обеспечивающие совместную деятельность, с одной стороны, выступают объектом управления, с другой, обслуживают процессы по разработке и

принятию управленческих решений. При этом управление коммуникативными процессами (выступающими в этом случае как объект управления) может быть системным и ситуативным.

Системное управление включает в себя реализацию следующих функций: проектирование, регламентацию, мотивацию, анализ. Проектирование осуществляется для создания проекта коммуникативной системы организации, органа или системы органов управления. Проект коммуникации включает: субъектов коммуникации, характер и объем информации, которую предполагаемые субъекты должны передавать друг другу, каналы информации, сроки ее передачи. Проект информационной системы в реальности существует как аспект проекта организации или органа, а не как нечто самостоятельное.

К настоящему времени хорошо изучены различные системы (цепи) внутренней коммуникации – коммуникации в составе организованных общностей. К ним, в частности, относят радиальный, взаимосвязанный тип, систему «цепь», «круг», «штурвал», переплетенный граф [7, с. 196–198]. Однако эти варианты систем внутренней коммуникации не исчерпывают всех ее аспектов в организации, поскольку существует еще и внешняя коммуникация. В развитых странах во второй половине XX века, а в России – с 90-х годов XX века внешняя коммуникация претерпела существенные изменения, появились новые участники коммуникативного процесса. Речь идет о возникновении таких новых подразделений, как аналитические отделы, PR – службы, отделы маркетинга, что свидетельствует об увеличении объема информации, которым обмениваются организация и внешняя среда, повышении качества информации, ее роли.

Регламентация означает, что проектируемые процессы закрепляются нормативно, каждый субъект организации наделяется определенными коммуникативными полномочиями: право на получение информации, обязанность ее предоставлять определенным лицам, определение санкций за нарушение прав и обязанностей. Регламентация коммуникативной системы и придает обязательность коммуникативного общения участникам этой системы. Мотивация коммуникативной деятельности означает создание побуждений к реализации коммуникативных полномочий. Анализ коммуникативной системы означает, что периодически исследуется ее эффективность, выявляются слабые стороны и упущенные возможности, то есть проблемы, на осно-

ве чего осуществляется коррекция системы.

Ситуативное управление коммуникативными процессами связано с их организацией применительно к той или иной конкретной ситуации. Оно проявляется в таких функциях управления, как делегирование коммуникативных полномочий при возникновении информационных перегрузок управления, возложение временных коммуникативных обязанностей на различные подразделения, а также контроль над исполнением коммуникативных функций.

Что же касается коммуникативных процессов обслуживания и принятия решений, то они включают в себя совокупность элементарных действий, каждое из которых связано с подготовкой информации (в том числе ее сбор и оформление), ее передачей и восприятием. Коммуникативные процессы исследуются с разных позиций, поскольку, несмотря на кажущуюся простоту, в действительности они многомерны.

Пристальное внимание уделяется адекватности коммуникации, выражающейся в том, что получатель информации должен понимать и воспринимать отправленное сообщение так же, как и его отправитель. Обеспечение этого качества коммуникации – сложная задача, поскольку процесс коммуникации сопровождается многими факторами, которые приводят к ненамеренному искажению передаваемой информации.

Разнообразие содержания информации исследуется в функциональном подходе к ней, который, в свою очередь, осуществляется на основе целого ряда трактовок к исследованию самих функций. Одни авторы минимизируют число функций – путем выделения основных, другие, напротив, максимизируют их – посредством дробления общих функций на частные составляющие. В частности, лингвист Карл Бюлер (1879–1963) выделял три функции языка, проявляющиеся в любом акте речи: функцию выражения (экспрессивную), соотносимую с говорящим, функцию обращения (апеллятивную), соотносимую со слушающим, и функцию сообщения (репрезентативную), соотносимую с предметом речи. Отправитель сообщения выражает себя, апеллирует к получателю и репрезентирует предмет коммуникации. В то же время имеют место позиции, в рамках которых выделяется и по 6 функций. Например, Р.О. Якобсон выделяет эмотивную, коннотативную, референтивную, поэтическую, фатическую, метаязыковую функции [2; 4].

Необходимо также обратить внимание и на форму информации, кото-

рая представлена в рамках обязательной коммуникации. Специфика ее состоит в том, что информация регламентирована, вследствие этого – представлена в документной форме. Вся важная информация в обязательной коммуникации выступает в документной форме, документ фиксирует состав их содержания и определенные реквизиты.

Возвращаясь к рассмотрению добровольной коммуникации, отметим, что она представлена целым спектром вариантов, главными из которых являются межличностное общение на основе симпатий и интересов, а также получение гражданами информации из таких каналов, как различные средства массовой информации (газеты, журналы, телевидение, радио) и приобретенный в последние годы колоссальное распространение Интернет. И тот, и другой вариант используется, реализуются в процессе самоуправления: получаемая информация используется участниками коммуникации для принятия личных решений.

Теоретический анализ массовой коммуникации в истории общества позволяет выделить две концепции ее понимания: элитарную и демократическую, каждая из которых апробирована в социальной практике.

Смысл демократической концепции может быть сформулирован следующим образом. Каждый гражданин обладает правами и свободами, правом на принятие решений. Применительно к государственному управлению – это право на принятие решения о том, кто должен быть избран в те или иные органы власти, которое реализуется в виде права на избрание должностных лиц в различных видах публичной власти. Признание таких прав влечет за собой признание за гражданином права и на оценку деятельности лиц и событий. Из сказанного следует, что задача средств массовой информации состоит в предоставлении только описательной информации – информировании граждан о событиях, лицах, идеях. Но для того, чтобы СМИ могли обеспечивать выполнение этой функции, обязательным условием является их отделение от политической власти, обладание автономией. Представленный тезис имеет концептуальный статус, реализация его на практике не всегда может осуществляться в полном объеме, поскольку возможны нарушения этого принципа в виде попыток навязывания гражданам решений и их оценок, в том числе и с активным привлечением СМИ. Коль скоро законом такие действия запрещены, они осуществляются

посредством использования различных способов манипулирования гражданами.

Сущность элитарной концепции можно представить так: существует политическая элита, которая превосходит массу во всех отношениях: моральном, интеллектуальном, жизненном. В целях иллюстрации сформулированной позиции напомним о том, что говорил В.И. Ленин о коммунистической партии: ум, честь, совесть эпохи. Приверженцы элитарной концепции массовой коммуникации убеждены в том, что только элита знает законы развития, что она лучше знает и понимает интересы масс, нежели сами массы, поступает последовательнее, чем все представители различных слоев и групп населения. Подобные убеждения позволяют сделать вывод о том, что элита – это вождь и учитель, именно она должна принимать решения и разъяснять их, приобретать к ним остальных граждан посредством агитации и пропаганды. Средства массовой информации в контексте элитарной концепции массовой коммуникации должны выступать инструментом этой пропаганды.

Сформулированная позиция, как и в ситуации с определением сути демократической концепции массовой коммуникации, опять-таки фиксирует концептуальный подход. В социальной практике, когда элита овладевает политической властью, этот принцип нарушается тем, что влияние на массы не ограничивается пропагандой и агитацией, власть начинает использовать различные виды принуждения в отношении инакомыслящих, нарушая положения, сформулированные в законодательстве. В советский период, как известно, в больших масштабах это имело место в 30–50 годы XX века. Атрибутом элитарной концепции выступает также цензура. Под цензурой понимается: 1) контроль и ограничение распространения по коммуникационным каналам каких-либо знаний (фактов, концепций), стимулов (призывов, волевых воздействий), эмоциональных настроений (возмущение, одобрение, скорбь и пр.); 2) официально учрежденная служба, имеющая полномочия пресекать любые сообщения, нежелательные для власти. Цензурный контроль охватывает не только произведения письменности и печати или другие документы, но и театральные постановки, художественные выставки, научные собрания, публичные выступления и т.д. [8].

Как элитарные, так и демократические коммуникативные практики относятся к формальной коммуникации, т.к. закрепля-

ются в системе законодательства. Но помимо формальной коммуникации существует и неформальная, которая также представлена двумя выделенными выше видами коммуникации – деловой и свободной. Деловая неформальная коммуникация связана с принятием и реализацией различных управленческих решений, в организациях ее субъектами являются все члены данной общности, которые взаимодействуют между собой, а также с личностями, относящимися к внешней среде.

Деловая неформальная коммуникация по своей роли может дополнять формальную коммуникацию, то есть служит достижению официально признанных целей организации. Она осуществляется, например, в виде совещаний, неформальных встреч, бесед руководителей с подчиненными, и руководителей и подчиненных между собой, иными словами, она может быть вертикальной и горизонтальной. Необходимость такой коммуникации обусловлена тем, что невозможно формализовать все процессы и отношения в организации, сама формальная коммуникация порождает различного рода барьеры, которые и преодолеваются посредством неформальной коммуникации.

Однако анализ социальных практик представляет немало фактов, позволяющих сделать вывод, что деловая коммуникация может быть направлена на достижение личных целей, в ущерб целям и интересам организованной общности. Видами такой коммуникации, которую можно обозначить как негативную, выступают коррупционные отношения, клиентарные связи, в которых существует общее содержание, приобретающее специфические формы. Таким общим содержанием выступает обмен специфической информацией между потребителем услуги и ее производителем.

Потребитель какой-либо услуги выражает свою потребность в ней и просьбу или пожелание ее удовлетворить за определенное вознаграждение, в качестве последнего выступают либо деньги, либо ответная услуга. Производитель услуги, в свою очередь, либо подтверждает свое согласие на ее оказание, либо отказывается; в случае согласия – информирует о ее выполнении. Подобная коммуникация может выступать в разных видах: если оказание услуги оплачивается деньгами, то это, как правило, взятка. Если же такие отношения складываются между руководителем и подчиненными, то возникают клиентарные отношения; если эти отношения присущи подчиненным, то имеет место сговор. Все

виды неформальной негативной коммуникации тщательно скрываются ее участниками, поскольку их действия имеют антиправовой характер.

Другой вид неформальной коммуникации – свободная, которую в теории и практике управления определяют, используя понятие «слух», рассматривая возникновение, распространение, потребление слухов. Специфику неформальной коммуникации, осуществляемую посредством слухов, зачастую связывают с двумя важными признаками: недостоверность содержания информации и личными каналами связи. Д.В. Ольшанский, например, отмечает: «Слухи – это особая, обычно недостоверная информация (и/или искажающая форма передачи любой информации), распространяющаяся исключительно в устной форме, как бы «по секрету», «из уст в уста», и функционирующая исключительно в звуковой форме» [5]. Но такой признак слухов, как недостоверность, требует уточнения, как, кстати, и само количество признаков слуха. Дело в том, что недостоверность может быть присуща и формальной коммуникации, а это означает, что используемый признак при определении специфики неформальной коммуникации посредством слухов не является решающим. На наличие недостоверных моментов в формальной коммуникации неоднократно обращали внимание исследователи. «Смыслы (знания, умения, эмоции, стимулы), которые коммуниканты сообщают реципиентам, не всегда бывают правдивыми, искренними, достоверными. Ложь, обман, иллюзия, коварство – это коммуникационные явления, они не существуют вне социальной коммуникации» [8, с.96]. Если согласиться с представленной позицией, а также с тем, что

слухи, в свою очередь, бывают относительно достоверными, то возникает вопрос о специфике слухов как содержания неформальной коммуникации. По нашему мнению, нужно обратить внимание на признаки неформальной коммуникации, которые противоположны признакам формальной коммуникации. Если исходить из этого, то могут быть выделены следующие признаки неформальной коммуникации:

- неопределенность источника информации (если в формальной коммуникации источник информации не просто явно определен, но подтверждает свое авторство через ряд атрибутов документа (печать, подпись), то в неформальной он скрывается, является анонимным);

- отсутствие формальных признаков достоверности информационного сообщения (перечисленные средства формальной коммуникации не гарантируют абсолютной достоверности, но они делают возможной проверку, в слухах же ничего подобного нет, они принимаются на веру);

- передача описательной информации, которая может содержать описание реальных или вымышленных фактов, намерений, оценок.

Таким образом, различные виды свободной неформальной коммуникации являются неконтролируемыми, можно сказать – неуправляемыми со стороны различных общностей, включая государство. Последнее пытается пресекать антиправовые виды неформальной коммуникации и неформальных отношений, такие как коррупция, клиентарные связи в своих рядах, однако полного искоренения этих видов коммуникации не наблюдается даже в развитых странах.

1. Грачев, М.Н. Политическая коммуникация теоретические концепции, модели, векторы развития. М.Н. Грачев: Монография. М., 2004. mht; E:\Основы теории коммуникации. Учебно-методический комплекс – Единое окно доступа к образовательным ресурсам.mht; Свадьбина Т.В. Коммуникации в организациях. Учебно-методическое пособие. Н. Новгород, 1999.

2. Кашкин В.Б. Введение в теорию коммуникации. Учебное пособие. Воронеж: изд-во DUNE, 2000. 175 с. URL: <http://kachkine.narod.ru/CommTheory/Contents/Contents.htm> (дата обращения: 10.01.2013).

3. Костин В.А., Костина Т.В. Менеджмент. Учебное пособие. М.: Гардарики, 2008. 334 с.

4. Моисеева А.П. Основы теории коммуникации. Учебное пособие. Томск, 2004. 170 с.

5. Ольшанский Д.В. Классификация слухов. URL: <http://psyfactor.org/lib/rumours5.htm> (дата обращения: 10.01.2013).

6. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: «Рефл-бук», К.: «Ваклер» – 2001. 656 с. URL: <http://www.nir.ru/socio/articles/poch.htm> (дата обращения: 10.01.2013).

7. Рой О.М. Теория управления. СПб.: Питер, 2008. 364 с.

8. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. URL: <http://socioline.ru/pages/av-sokolov-obschaya-teoriya-sotsialnoj-kommunikatsii> (дата обращения: 10.01.2013).

ВОЗМОЖНОСТИ РОСТА ДОХОДОВ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 336.025

Н.Ю. КОРОТИНА

Проблема формирования финансовой базы местного самоуправления является одной из актуальных задач, стоящих перед государством. На современном этапе наблюдается фактическая экономическая несостоятельность большинства муниципальных образований, что подтверждается данными официальной статистики и реальной практики управления. Практически половина всех муниципальных образований в Российской Федерации исполняется с дефицитом (в 2009г. – 43%, 2010г. – 50,9%, 2011г. – 47,5%). При этом 59% доходов местных бюджетов формируются за счет межбюджетных трансфертов [9].

В научной дискуссии по поводу финансовой независимости и устойчивости местных бюджетов широко распространено мнение, что перечень и налогооблагаемая база местных налогов изначально недостаточны для финансирования расходов местного характера.

Действительно, доходы от местных налогов не являются определяющими при формировании местных бюджетов. К примеру, поступления от налога на имущество физических лиц в городских округах составляют около 0,5% налоговых доходов, в поселениях этот показатель несколько выше – 1,7%. Поступления от земельного налога более значимы для муниципалитетов. В городских округах земельный налог формирует 13,4% налоговых доходов, в поселениях – 38,4%.

Указанные данные являются, безусловно, невысокими, но все же, позволяют говорить о том, что увеличение поступлений от местных налогов является важным источником мобилизации доходов местных бюджетов.

Для повышения самостоятельности муниципальных образований, расширения возможностей их развития необходим поиск и реализация внутренних резервов формирования собственных доходов. О необходимости поиска резервов укрепления доходной базы местных бюджетов неоднократно говорилось в Бюджетных посла-

ниях Президента Российской Федерации. В частности, в Бюджетном послании Президента Федеральному собранию РФ «О бюджетной политике 2013–2015 гг.» говорится: «... органы местного самоуправления должны иметь достаточные и действенные стимулы для расширения собственной доходной базы бюджетов» [5].

Внутренние резервы роста поступлений доходов муниципальных образований находятся в области налоговых и неналоговых доходов бюджета.

Рассмотрим комплекс возможных мер по расширению доходной базы за счет местных налогов.

Первая мера – введение в экономический оборот неучтенных земельных и имущественных объектов.

В число данных объектов входят самовольно занятые земельные участки, возведенные без разрешающих документов строения, расхождение по площадям земельных участков и недвижимого имущества, реконструкция, перепланировка, изменение назначения, бесхозное содержание зданий, строений, сооружений, жилых и нежилых помещений, отсутствие данных по новым владельцам объектов.

Приведем некоторые примеры по разным регионам Российской Федерации. В Александровском муниципальном районе Владимирской области (в состав входят 8 поселений, численность населения 112 тыс. чел.) не облагаются налогами около 44 тысяч объектов [11]. В Московской области (на территории нескольких муниципальных образований) находятся 12000 дачных и садоводческих товариществ, из них менее половины поставлены на кадастровый учет. В Горетовском сельском поселении Московской области поставлены на учет около 1700 субъектов недвижимости, в то время как фактическое их число около 19000. В целом, по оценкам экспертов, на более чем 30% дачных и индивидуальных жилых домов не оформлены надлежащим образом права собственности [7].

Неучтенные дачные и индивидуальные строения больше характерны для поселений, в то время как в городских муниципальных образованиях существуют другие проблемы. Среди них: размещение автомобильных стоянок и парковок без правоустанавливающих документов, несдача в эксплуатацию многоквартирных домов, в которых фактически проживают жильцы, непостановка на учет объектов, у которых отсутствует регистрация под предлогом незавершенного строительства, самовольное возведение строительных объектов.

Так, в городе Воронеже на сегодняшний момент насчитывается 49 крупных самовольных построек, что составляет 10% от общего числа возводимых в областном центре объектов капитального строительства. Представляется, это подобная ситуация характерна для большинства крупных российских городов.

В бюджете города Краснодара потери от отсутствия регистрации объектов физическими лицами якобы по причине незавершенного строительства составляют около 200 млн руб. в год [8].

По оценкам Министерства финансов Республики Коми, муниципальные образования республики ежегодно недополучают налог на имущество физических лиц в размере около 16 миллионов рублей [12] ввиду неполного учета недвижимого имущества граждан в органах государственной регистрации.

Указанные проблемы могут быть решены путем проведения инвентаризации и постановки на муниципальный учет земельных и имущественных объектов. Для этого можно использовать различные способы:

- во-первых, содействовать гражданам в оформлении прав собственности на земельные участки и имущество физических лиц, скорректировав процедуру юридического оформления и постановки на кадастровый учет недвижимости, принадлежащей физическим лицам;

- во-вторых, выявлять собственников неучтенного имущества и земельных участков, проводить разъяснительной работы с физическими лицами, являющимися потенциальными плательщиками налогов;

- в-третьих, создать рабочие группы по выявлению незарегистрированных объектов недвижимости.

Так, в Воронежской области в Инспекции государственного строительного

надзора разрабатывается ведомственная целевая программа «Легализация объектов самовольного строительства» для оптимизации процедуры оформления недвижимости. Реализация этой программы позволит ввести в экономический оборот неучтенные земельные и имущественные объекты, обеспечить их рациональное и эффективное использование, увеличить поступления от имущественных налогов в бюджеты муниципальных образований.

В качестве второй меры по расширению доходной базы местных бюджетов может выступать *повышение качества информации об объектах налогообложения и совершенствование информационного обмена* между регистрирующими, инвентаризирующими и фискальными органами [2].

Указанная проблема может быть решена путем актуализации данных о земельных и имущественных объектах посредством проведения инвентаризации и постановки на муниципальный учет земельных и имущественных объектов, уточнения сведений по ним, а также сравнению этой информации с базой данных регистрирующих, инвентаризирующих и налоговых органов.

Подобный опыт существует в Мытищинском муниципальном районе Московской области уже с 2006 года. В районе были созданы информационно-консультационный сектор управления земельно-имущественными отношениями и рабочая группа, в которую вошли представители администрации района, специалисты ИФНС и Роснедвижимости. В результате работы в 2006 году фактически был обеспечен сбор земельного налога в сумме 307,34 млн рублей при первоначальном плане 135 млн рублей. За три квартала 2007 г. при запланированном объеме сбора земельного налога в 405,5 млн рублей поступило 443 млн рублей. Затраты на содержание группы, закупку оборудования и накладные расходы составили около 8 млн руб. То есть эффективность сбора земельного налога в условиях деятельности рабочей группы в 2006 г. увеличилась в 21 раз [3].

Как показывает опыт Мытищинского района, потенциал роста местных имущественных налогов оценивается на уровне 70%, при этом объем затрат не превышает 10–15% прироста доходной базы бюджета по имущественным налогам [2]. К сожалению, практика реализации подобного

опыта в большинстве муниципальных образований отсутствует.

Следующей значительной проблемой при формировании доходов местных бюджетов является занижение стоимости земельных и имущественных объектов при их налогообложении.

В качестве меры по расширению доходной базы местных бюджетов может выступать *переход к исчислению налоговой базы по имущественным налогам на основе кадастровой стоимости земельных участков и объектов недвижимости, определяемой на основе рыночной стоимости в процессе государственной кадастровой оценки.*

Инвентаризационная стоимость объектов налогообложения не соответствует их рыночной стоимости из-за отсутствия в методике ее определения учета информации о рынке недвижимости и информации о местоположении объекта недвижимости.

Инвентаризационная стоимость новостроек на окраинах крупных городов выше, нежели инвентаризационная стоимость высококачественных престижных домов постройки 1960–70-х годов, расположенных в центре города, хотя рыночная стоимость последних выше. Исследования, проведенные в 2009 году, показали, что инвентаризационная стоимость современных квартир в центре Нижнего Новгорода в 5 раз ниже рыночной, в г. Твери – в 10 раз [4].

Не проводится сравнительный анализ результатов расчета стоимости сопоставимых объектов. Так, в Сосновском муниципальном районе Челябинской области налогооблагаемая база двух земельных участков одинаковой площади, расположенных по разные стороны одной дороги, отличалась в 3 раза.

Мерой, позволяющей повысить поступления в местные бюджеты доходов от имущества, является *оптимизация льгот по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц.*

Речь идет о льготах, установленных на всех уровнях управления: федеральном, региональном и местном. В частности, применение установленных на федеральном уровне льгот по имущественным налогам приводит к недополучению доходов муниципалитетами. Положениями Налогового кодекса определены категории земель, не являющихся объектами налогообложения. При этом наибольшую дискуссию и конкретизацию требует формулировка

«для обеспечения обороны, безопасности и таможенных нужд» [13]. Данная формулировка распространяется на земельные участки крупных федеральных ведомств: Министерства обороны РФ, Российских железных дорог, Министерства энергетики и т.п., составляющих во многих муниципальных образованиях значительную долю всех земельных ресурсов.

По данным Счетной палаты РФ, в 76 субъектах в 2008 г. сумма льгот, установленных федеральным законодательством по налогу на имущество физических лиц, составила более 98 млрд руб., а в 2009 г. объем выпадающих в связи с этим доходов увеличился и достиг 102 млрд руб. [6]. Так, в 2010 г. в Рыбинском муниципальном районе выпадающие доходы по земельному налогу составили 3773 тыс. руб., в городе Томске – 315 776,2 тыс. руб.

Вопрос оптимальности в отношении льгот по имущественным налогам касается также региональных и местных льгот. По результатам проверки, проведенной Счетной палатой Республики Дагестан в 2011 году, выявлено, что около 80% имущества, инвентаризационной стоимостью более 500 тыс. рублей, фактически оформлено на категорию граждан, которым предоставлены льготы либо освобождены от уплаты налога [1]. Поэтому ревизия целесообразности применения установленных льгот крайне необходима.

Вопрос установления льгот по местным налогам является чрезвычайно актуальным. Об этом свидетельствует особое внимание, которое уделяется этому вопросу Президентом РФ. В Бюджетном послании на 2010–2012 гг. в качестве одного из направлений, требующих активизации работы, были обозначены мероприятия по инвентаризации и оптимизации льгот по местным имущественным налогам. В Бюджетном послании на 2013–2015 гг. отмечается, что «нужно обеспечить выполнение плана поэтапной отмены льгот, установленных на федеральном уровне, применение которых приводит к недополучению доходов региональных и местных бюджетов. А если введение льготы на федеральном уровне признано целесообразным, то должен быть продуман механизм компенсации выпадающих доходов этих бюджетов» [5].

Резервом повышения доходов местных бюджетов служит *передача права администрирования местных налогов органам местного самоуправления.*

Дело в том, что у территориальных подразделений Федеральной налоговой службы отсутствует заинтересованность в повышении платежей по имущественным налогам. Указанная проблема связана с тем, что затраты ресурсов на повышение качества учета базы по этим налогам непропорциональны потенциальному увеличению совокупных налоговых поступлений из-за низкой доли этих налогов в общем объеме налоговых поступлений. Следует согласиться с позицией М.В. Мишустина, что «эффективность налогового администрирования имущественных налогов в конечном итоге находит свое отражение в результативности развития местного самоуправления в общем процессе формирования гражданского общества» [10, с. 99].

Установление экономически обоснованных налоговых ставок по местным налогам также является мерой повышения налоговых доходов муниципального образования.

В городе Челябинске в 2010 году изменены ставки налога на имущество физических лиц. Установлены различные ставки на имущество жилого и нежилого назначения, чего не было ранее, а также ставки незначительно повышены. На имущество инвентаризационной стоимостью до 300 тысяч рублей ставки остались на прежнем уровне – 0,1%. Самая высокая ставка установлена для имущества, стоимостью выше 1,5 миллиона рублей, ранее она составляла 0,5%, новая ставка – 1,2%. Эта мера привела к увеличению поступлений от этого налога с 145 млн руб. в 2009 г. до 247 млн руб. в 2010 г. Но органам местного самоуправления, при принятии решений об увеличении налогов, необходимо помнить об эффекте снижения налоговых поступлений при установлении чрезмерно высоких ставок налогов и устанавливать их на экономически обоснованном уровне.

Значительные внутренние резервы повышения доходов местных бюджетов находятся в сфере неналоговых доходов, доля которых в среднем по стране составляет 10% общих доходов бюджетов. Основную долю в общем объеме неналоговых доходов составляют доходы от использования имущества, находящегося в муниципальной собственности (около 50%), доходы от продажи материальных и нематериальных активов (около 20%) и доходы от оказания платных услуг (15–20%).

Проблемы собираемости неналоговых доходов обусловлены неравномерностью и трудной прогнозируемостью, так как некоторые их источники имеют разовый характер (доходы от реализации государственного и муниципального имущества, продажа материальных и нематериальных активов, административные платежи и сборы, штрафы, санкции и возмещение ущерба).

Неналоговые доходы не оказывают значительного влияния на рост доходной базы муниципальных образований, в то же время являются дополнительным источником их формирования и укрепления финансовой самостоятельности.

Действенной мерой повышения неналоговых доходов выступает *выявление неиспользуемых бесхозных земельных участков, постановка их на учет и предоставление юридическим и физическим лицам по договорам аренды или купли-продажи.*

Проблема бесхозных земель в России стоит достаточно остро. По сведения Министерства сельского хозяйства Челябинской области в субъекте каждый пятый гектар земли сельскохозяйственного назначения не используется для аграрного производства. Например, в Кунашакском районе Челябинской области используется только 48% имеющейся в районе пашни. Не ведутся сельскохозяйственные работы на 50 тысячах гектаров, из них 14,4 тысячи гектаров скуплены в период с 2006 по 2010 годы у пайщиков и выделены из различных сельскохозяйственных предприятий.

Резервами повышения неналоговых доходов служит *повышение эффективности использования имущества, находящегося в муниципальной собственности, путем сдачи в аренду или во временное владение и пользование.*

Зачастую, при обращении в органы местного самоуправления за арендой свободного помещения или основных фондов, закрепленных за муниципальным бюджетным учреждением, организации получают отказ, даже если необходимое имущество имеется в наличии. Это связано с незаинтересованностью руководителей бюджетных учреждений в сдаче имеющегося у них имущества, так как доходы, полученные от аренды, поступают в доход муниципального образования, а не в доход бюджетного учреждения. Эта ситуация также требует принятия соответствующих мер.

Среди других мероприятий по повышению неналоговых доходов находятся:

утверждение программы приватизации муниципального имущества, пересмотр ставок арендной платы в соответствии с рыночной ситуацией, оптимизация ставок платы за пользование бюджетными средствами на возвратной и возмездной основе, начисление процентов в случае продления срока по предоставленным ранее отсрочкам и рассрочками платежей в муниципальный бюджет.

Приведенные данные свидетельствуют, что у муниципалитетов существует множество способов увеличения поступлений доходов в собственные бюджеты. Опыт использования имеющихся резервов свидетельствует о том, что объем затрат на создание системы обеспечения мобилизации доходов не превышает 10–15% прироста доходной базы по ним.

Основным препятствием служит отсутствие заинтересованности и желания должностных лиц органов местного самоуправления в проведении комплекса работ по мобилизации доходов на территории муниципального образования, так как это снизит дотации, поступающие из бюджета субъекта Федерации. Это тем более важно, если учесть, что муниципальные образования обладают достаточной налоговой базой для исключения дотаций в обеспечении равновесия расходов и собственных доходов.

Предлагаемый перечень резервов роста поступлений доходов в бюджеты муниципальных образований, безусловно, будет уточняться и по содержанию и по сущности в целях соответствия задач социально-экономического развития, налоговой и бюджетной политики.

1. Аналитическая записка о формировании и исполнении доходной части консолидированного бюджета Республики Дагестан в 2011 году [Электронный ресурс]. URL: <http://spdag.ru/attachments/article/18>. (дата обращения 24.06.2012).

2. Батин, Б.К. Опыт работы Администрации Мытищинского муниципального района по обеспечению сбора земельного налога [Текст] / В.К. Батин // Информационный бюллетень ГМС-ассоциации. 2007. № 5. С. 14–18.

3. Батин, Б.К. Проблема сбора местных налогов глазами системного аналитика [Текст] / В.К. Батин // Практика муниципального управления. 2009. № 11. С. 44–49.

4. Безруков, В.Б. Налогообложение и кадастровая оценка недвижимости [Текст]: монография / В.Б. Безруков, М.Н. Дмитриев, А.В. Пылаева; Нижегород. гос. архитектур.-строит. ун-т. Н. Новгород: ННГАСУ, 2011. 155 с.

5. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2013–2015 годах. 28 июня 2012 года // Российская газета. 2012. 28 июня. № 5818.

6. Горшенина, О. Обеспечение финансовой устойчивости местных бюджетов в современных условиях [Электронный ресурс] / О. Горшенина // Бюджет. 2009. № 12. URL: <http://bujet.ru/article/67793.php>. (дата обращения 02.09.2012).

7. Дачная амнистия не удалась – оформлять участки планируют принудительно [Электронный ресурс]. URL: http://www.zemer.ru/blog/?page=post&blog=Zemer&post_id=54. (дата обращения 24.06.2012).

8. Домбровский, А.Н. Резервы доходов и эффективность расходов местных бюджетов [Текст] / А.Н. Домбровский // Финансы. 2008. № 4. С. 21–24.

9. Коротина, Н.Ю. Принципы классификации собственных доходов местных бюджетов [Текст] / Н.Ю. Коротина // Социум и власть. 2012. № 5. С. 101–104.

10. Мишустин, М.В. Информационно-аналитические основы администрирования имущественных налогов: монография [Текст] / М.В. Мишустин. М: ЮНИТИ, 2007. 259 с.

11. Попали в отстающие из-за административной практики – она на нуле [Электронный ресурс]. URL: http://aleksandrov.avо.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=723&catid=10&Itemid=20. (дата обращения: 02.09.2012).

12. Резервы увеличения доходов местных бюджетов республики обсуждены в Минфине Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://taxpravo.ru/novosti/> (дата обращения: 24.06.2012).

13. Шуплецов, А.Ф. Особенности увеличения поступлений от имущественных налогов в бюджеты муниципальных образований [Текст] / А.Ф. Шуплецов, Л.А. Днепровская // Известия ИРГЭА. 2011. № 6.

КУЛЬТУРА И ЭКОНОМИКА: ПОТРЕБНОСТЬ В ДУХОВНО- ИНФОРМАЦИОННОМ ДЕТЕРМИНИЗМЕ

УДК 361.7

В.Д. ПОПОВ

Обратимся к общепринятому энциклопедическому определению культуры. Культура (от лат. — *cultura* — возделывание, воспитание, развитие, почитание), как указывает «Новая философская энциклопедия», — это система исторически развивающихся программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающая воспроизводство и изменение социальной жизни во всех основных направлениях, сферах свободной реализации личности (подч. нами — В.П.). То есть, речь идет о социальной культуре, включающей в себя совокупность культур — политической, экономической, правовой, нравственной и т.д. Культура обеспечивает воспроизводство и изменения во всех основных направлениях и сферах социальной жизни, следовательно и прежде всего — в экономической сфере, тем более в условиях рыночной экономики, где предполагается свободная реализация личности предпринимателя, управленца, хозяина. В особенности — культурного предпринимателя, культурного хозяина. Экономическая культура, культура управления актуализируются в малом, среднем и крупном бизнесе. Но в России, в силу архетипических особенностей государства, развитию экономической культуры «вниз» должна соответствовать культура управления экономикой «сверху». Возникает проблема культурной идентичности экономики в философско-политологическом контексте. К сожалению, «программа человеческой идентичности» отсутствует в «Стратегии-2200». Вновь доминирует даже не технократический, не производственно-экономический, а либерально-финансовый детерминизм.

В данном контексте целесообразно обратиться к классическим разработкам русской философии о роли силы духа, духовной культуры в экономическом возрождении России. Вспомним, что в основе духовного возрождения России, а следовательно, и ее экономического могущества (согласно концептам русской философии по И. Ильину, Н. Лосскому, Н. Бердяеву, С. Булгакову, С. Франку и др.), *лежит сила духа нации, аккумулированная в культуре,*

в особенности в ее ментальном ядре. Так, в книге «Наши задачи» И. Ильин пишет: «Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, достоинством и свободой личного духа, во-вторых, самостоятельностью творческого инстинкта человека... Мы все — от правителя до простого обывателя — должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их... Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не поработать людей. Он призван чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа» [7, с. 215, 217].

Без этого, по заключению И. Ильина, невозможно возрождение сильной России. Сегодня в элитологии (науке об элитах) о роли класса чиновников говорится лишь в контексте политической культуры, а им надобно овладеть логикой развития духовной культуры, стержнем которой является совесть. Ведь именно дефицит совести, бездуховность лежат в основе мотивации коррупции, рэкета, спекуляции, беззаконного передела собственности.

Русский мыслитель С. Булгаков в работе «Философия хозяйства» обозначил зависимость эффективного хозяйствования от состояния психики, души, духа работающих людей. Н. Бердяев в работе «Судьба России» указывает, что «тайна русской истории» и «тайна русской души» раскрываются через противостояние русского характера экономике «империализма», хотя в прошлом он послушно приветствовал его. Можно продолжить и далее, но перейдем к современным исследованиям.

Так, Г. Гольц связывает в один узел «коллективную психологию», «менталитет», «культуру» и «экономику» [4, с. 64–82] при решающей роли духовности. Коллективная психология — «часть» социальной психологии, изучающей малые и большие социальные группы. К.Г. Юнг ввел в науку понятие «коллективное бессознательное», Э. Фромм — «социальное сознательное» и «социальное бессознательное». Менталитет — центр бессознательной жизни социума и детерминатор сознания. Ментальный уровень

культуры является базисным, детерминирующим все другие уровни ментальности: глубинно-психологический, подсознательный и сознательный, вершинный, духовно-ноосферный.

Отсюда два вывода. Во-первых, следует считать с проявлениями: а) ментально-коллективной, социальной (общественной) психологии; б) неразделимости души и духа *в коллективном, социальном, национальном духе. Или в духе нации, социума, коллектива, личности.* Во-вторых, если согласиться с утверждениями, что: 1) «душа – информационный сгусток всей духовной практики человека»; 2) «дух – идеальная программа для конкретной души» [4, с. 70], то необходимо изучение душевного, психического потенциала нации, но для этого нужна культурная программа. А если такой программы нет? Тогда возможен стихийный духовный взрыв в точке бифуркации. Сегодня при осуществлении реформ в России происходит *явная недооценка потенциала народного духа.* Он остается нереализованным. А. Панарин на экзистенциальном уровне обосновал значение духовной власти.

Современные философы подчеркивают, что субстанцией и субстратом общечеловеческой культуры является дух. «Дух – 1) высшая способность человека, позволяющая ему стать источником смыслаполагания, осмысленного преобразования действительности...; 2) идеальная правящая миром сила, к которой человек может быть активно или пассивно причастен» («Новая философская энциклопедия»). Правда, они же признают, что проблемой духа в философии в последние десятилетия никто не занимается.

Подчеркнем, что дух как «высшая способность» человека, а значит и социума, как «правлящая миром сила» может быть «активно или пассивно причастен» к происходящим в мире и стране событиям. Нация может обладать высоким духовным потенциалом, но он может оказаться как активным, так и пассивным. Всё зависит от проводимой политики. Но нация может таковым потенциалом и не обладать, тогда ей нужна (как аккумулятору) подзарядка. Иначе возникает угроза ухода этноса в фазу реликта (разложения и исчезновения). Выходит, что для активного проявления потенциала силы духа или для его подъема нужна духовная власть. Для России, с ее архетипическим наследием монархической власти, где веками всё дозволенное считалось благодеянием государя и государства, нужна и государственная, и гражданская духовная власть.

Ведь в ее руках современные инструменты культурной, информационной, массмедийной политики. Если этого нет, то дух будет пребывать в дремлющем состоянии, и разбудить его будет некому. Или его разбудят новые пассионарии-революционеры.

Примечательно, что Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл одну из своих книг назвал «Сила нации – в силе духа». Нельзя считать, что духовная власть может и должна принадлежать только церкви. Это большое заблуждение. Не меньшую духовную власть могут и должны иметь (и имеют) государственные и гражданские институты. И институты научные. Без одухотворенной власти невозможно раскрыть силу духа народного и, как свидетельствует экономическая и политическая история России, невозможно построить сильную страну, обеспечить ее защиту.

Об этом точно сказал народный художник России, ветеран Великой Отечественной войны Сергей Ткачёв: «Говорят, войну выиграл народ. Правильно говорят. И не столько силой оружия, сколько силой духа. То есть, благодаря нашей великой культуре, которой эта сила питается» [Литературная газета. 2010. 23–29 июня].

И власти, и народу необходимо понять, что духовность, духовная культура, духовное производство – функции духа. Точнее – силы духа. Мощный дух питает волю личности. Похоже, что сегодня у одних этносов дух пассивен, у других – агрессивен. Наряду со «светлоэфирным эгрегором» (светлые силы духа) в психологии некоторых этносов присутствует «темноэфирный эгрегор» (темные силы духа) [11, с. 24–74]. В этих условиях наивно надеяться на культурный взрыв, на духовный прорыв. Более вероятен взрыв социальный или межэтнический. А это самый нежелательный сценарий: судьба Югославии у всех в памяти.

В функциональном плане философы и культурологи подчеркивают детерминантную взаимосвязь материальной и духовной культур, единство материального и духовного производства. Эти процессы развиваются по объективным социальным, социологическим законам и формируют целостность материальной и духовной жизни общества (А.К. Уледов). Но сегодня в этом диалектическом единстве появился посредник – информационное производство. Информационная культура способна объединить материальное и духовное производство.

Одним из субстратов, обеспечивающих единство материального и духовного, согласно В. Бехтереву, Н. Луману, Ю. Хабермасу, Э. Тоффлеру, являются коммуникация и информация. Информационное производство — это процессы отражения, формирования информации, ее интерпретации, осознания, потребления, осмысления и выработки мотива поведения, в том числе поведения экономического. То есть коммуникация, обмен информацией обеспечивают развитие души и духа социума, материальной и духовной культуры, материального и духовного производства, обеспечивают их единство. Это единство создают два феномена: социальная коммуникация и социальная информация — при условии, что их потенциал задействован в культурной и информационной политике.

Единство материального и духовного производства создает эффективную экономику, если считать, что главным ее субстратом является человек, его духовный, интеллектуальный потенциал, а не товар и деньги. Да и деньги создает тоже человек. А человек по своей сущности есть неразрывное единство психических, духовных, интеллектуальных, социальных, коммуникативных и информационных свойств.

Сказанное выше позволяет сформулировать гипотезу: *культура, сила духа человека, нации определяет прогресс в экономике, а не наоборот*. Неважно, что первично, что вторично в привычном философском детерминизме, — важнее и значимее для социальной практики их равный статус, партнерство, взаимосвязь. Словом, их системность.

В этом смысле вполне закономерен культурно-детерминистский взрыв, который произошел в последние годы в осмыслении экономических процессов. Удивительно, но факт: проблему обусловленности экономики культурой, духовностью, нравственностью очень остро поставили ученые экономисты.

Россия нуждается в своем нравственном идеале. Он есть, он живет в ментальном слое народной культуры в форме сказаний, пословиц, поговорок, норм быта, обычаев, символов и т.д. Задача — вытащить его из этих глубин и трансформировать в нравственный свод законов, который бы формировал силу духа российского суперэтнуса. Без этого разговоры, призывы к модернизации экономики окажутся пустыми словами.

Необходимо восхождение всех общественных институтов от низших форм классического (уже отжившего в западных

странах) капитализма с его «рыночным фундаментализмом» (Д. Стиглиц) — к высшим, нравственным, духовным. Нужен прорыв или, пользуясь выражением П. Тейяра де Шардена, «прострел» от инстинктов — к мысли, к смыслу, идеалу жизни страны.

Доктор экономических наук, профессор Е.Е. Румянцева убедительно показывает, что «нравственность вплетена в сущность экономического развития» [12, с. 3]. Она сформулировала восемь общих «нравственных законов экономики» и четыре специфических. Укажем на «первый всеобщий закон нравственности». Он сформулирован так: «В основе развития любых общественных институтов находится уровень нравственного развития того или иного общества. По мере повышения уровня нравственного развития происходит и восхождение всех общественных институтов от их низких (искаженных, негативных) форм к высшим» [12, с. 67].

Боль пронзает душу, когда читаешь статью нашего единственного из ныне живущих в России лауреата Нобелевской премии Жореса Алферова. Он пишет: «Мы живем сегодня в стране, где самой важной категорией стали деньги. Они сегодня выше нравственных идеалов, а часто даже родственных отношений. Патриотизм, естественное желание видеть свою страну первой для очень многих уже устаревшие понятия» [14]. Тысячи ученых, уставших от беспредела в стране, покидают Родину. Уехавшие на учебу в Европу дети богатых родителей смотрят свысока на «нищую Россию» и не намерены возвращаться.

В одном из интервью под заголовком «Капитал справедливости» академик О.Т. Богомолов [9], руководитель проекта «Экономика и общественная среда», раскрывает понятие «неэкономические грани экономики». Вот что он утверждает:

— человек, его культура, знания, умения, здоровье, душевное состояние имеют ключевое значение для возрождения России;

— экономическая система, построенная только на стремлении к наживе, на равнодушии к судьбе человека, на пренебрежении к нравственным нормам, может рухнуть в любой момент, погребая под своими обломками судьбы людей;

— безнравственная экономика неэффективна, более того — нежизнеспособна и опасна;

— нужно определить стратегические приоритеты не столько в экономике, сколько в духовной и социальной сферах.

«У народа потеряна идея жизни, — считает писатель Даниил Гранин. — Куда мы идем? В чем наша цель?». Известно, что в основе нравственности лежит совесть. Значит, она и в основе экономики. «Сейчас, — продолжает Д. Гранин, — культ денег. А от совести — только неудобства» [6]. *А ведь на совести зиждется закон социальной справедливости — хранитель спокойствия и благополучия, сформулированный во всех мировых религиях.* Только одни народы его соблюдают, другие — частично, третьи — не соблюдают вовсе. В России, пожалуй, больше всего грешников. О совести и совестливости пишут писатели, поэты, ученые. Но властная элита глуха к их откровениям. А честные, совестливые люди мучаются в переживаниях. Прав поэт Андрей Дементьев, утверждающий, что «трудно жить в этом мире, если совесть жива» [5].

Выход один — прорыв и взрыв совести, нравственности нам нужен, чтобы очистить экономику от скрытой и явной коррупции, от разворовывания, распила бюджета. Заметим, что в основе правил экономического поведения лежит нравственность: в США в основе протестантская этика, у немцев в крови — порядок, в Китае — нравственные законы конфуцианства.

Что же получается? А получается, что по своей значимости культура не ниже, а даже выше экономического детерминизма, когда всё управление сводится лишь к экономическим рычагам. Экономика ради экономики без опоры на силу духа нации ведет к кризисам, застоям, банкротствам. Есть мудрое изречение: «Не хлебом единым жив человек». Пока же в экономике доминирует по-прежнему детерминизм традиционный — экономический в виде монетаризма при дефиците системного подхода.

Если «тормозом реформ является русский менталитет», как считает Е. Ясин [13], то возможно было в течение реформирования экономики скорректировать его на основе принципа единства культурной, экономической и информационной политики с акцентуацией их на лучшие черты русского характера, его глубинной, ментальной культуры. Особую роль здесь могла бы сыграть информационная культура на уровне всех субъектов власти и институтов гражданского общества, журналистики как социального института. Но об этом новом виде культуры умалчивается.

Если согласиться с тезисом кинорежиссера Андрея Кончаловского «*чужая экономика ломается на нашей культуре*» [1], то экономика

должна соответствовать национальной культуре как синтетическому продукту религии, истории, глубинной национальной психологии, фундаментальным чертам национального характера российского суперэтноса. В условиях же культа денег и дефицита совести экономика действительно «ломается», ведь совесть — нравственное ядро нашей культуры, ядро «Сверх-Я», то есть сверхсознательное, мудрое, талантливое.

И.Т. Янин пишет: «*Реформирование страны единственно возможно на основе ее Культуры: духовной, нравственной, экономической, правовой, политической... Истинная модернизация возможна... Ключ к ее успеху лежит не в области финансовых манипуляций и передаче собственности в духе «беспредела», а в области Культуры с большой буквы — экономической, политической, правовой и, прежде всего, гражданской*» [15, с. 3].

Чем вам не культурный взрыв или взрыв культурного детерминизма? Но это пока в потенциале, в теоретическом прорыве. Заметим, что автор демонстрирует системный подход — соединяет воедино все основные виды культур, начиная с экономической.

Не менее решителен С. Глузман, утверждающий: «*Экономика всегда вторична по отношению к идеологии и культуре*» [3, с. 277]. Оценим этот вывод, например, в контексте философского (и кажется, не опровергнутого) постулата: «Сознание не только отражает, но и творит мир» или формулы «Кто владеет информацией, тот владеет миром». И еще: здесь проявляет себя «культурно-историческая психология» (Л. Выготский), психология восприятия культурной информации (когнитивная культура), детерминирующая «когнитивную экономику» (да, есть и такая!).

Президент Союза предпринимателей и арендаторов России А. Бунич приходит к выводу о том, что в проведении реформ надо «*опираться только на дух*, на патристически настроенную часть общества, на тех, кто может пожертвовать своими частными интересами... Только тот, кто пойдет... против ущербной рациональности «потребительского общества», только тот сможет сломать негативные тенденции, создать новое, повести за собой людей» [2]. Заметим, что автор этих строк актуализирует диалектику личных и общественных интересов, нерационального, ущербного и нового, обращаясь к силе духа в целях изменения духовной атмосферы в обществе, сложившейся вокруг экономики.

Отрадно, что роль нравственного, духовного фактора признали в числе первых крупные ученые, и не только экономисты. Об этом идёт речь в фундаментальном научном труде «Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние», созданным группой ученых под руководством О.Т. Богомолова и Б.Н. Кузика и скромно названном ими «научными и публицистическими заметками обществоведов». Дай Бог нашим министрам создать нечто подобное таким «заметкам»!

В книге речь идёт о назревшем духовном потенциале, его возможном и очень нужном взрыве или прорыве. Всякий процесс обретения нового протекает болезненно, особенно у «классических» экономистов, но всё же новое свое берет. Развиваются креативные сектора экономики — экономика коммуникаций, экономика знаний, экономика услуг, информационная экономика. Но и они поражены дефицитом нравственности.

Сказанное выше позволяет сделать следующие выводы:

1) Следует различать культурное управление всеми сферами жизнедеятельности людей (культурой в широком смысле), в том числе и прежде всего экономической сферой, и управление собственно культурной сферой.

2) В условиях информационной цивилизации (Р. Абдеев), «информационной эпохи» (М. Кастельс) наряду с материальным (в основном, экономическим) и духовным (в основном — культурным) производством формируется (сформировался) новый вид общественного производства — *информационное производство*. Оно связывает воедино всё общественное производство, поскольку коммуникация и информация — средства управления всеми сферами жизнедеятельности людей. Данное обстоятельство детерминирует проблему разработки *информационной культуры социального управления*, которая может решать другую, судьбоносную для России проблему идентичности: экономической, этнической, культурной, социально-психологической, а главное — ментальной (в позитивном смысле).

3) В контексте приведенных выше положений правомерен и такой тезис: одной из причин финансово-экономического кризиса в мире и стране является *дефицит общей культуры и культуры делового общения* внутри глобальной и отечественного бизнеса, между властью и бизнесом, между бизнесом и народом, о чем свиде-

тельствует анализ проявления *реальной и виртуальной информации в экономике*.

4) Согласно закону ментальной идентичности, российская экономика должна в первую очередь учитывать глубинную психологию российского народа, его ментальную культуру, исторический опыт, объективные связи прошлого, настоящего и будущего. Но важно и другое — считаться с законами общецивилизационного развития, законами глобализации, развития мировой культуры, заимствовать лучший опыт у других стран, но только тот, который органично вписывается в нашу ментальную психологию и культуру. Не копировать и не подражать вслепую. *Разумеется, в менталитете российского народа есть много как положительных, так и отрицательных черт. Поэтому нужна тонко и точно настроенная программа его коррекции*, которая бы возвышала положительные и вытесняла отрицательные качества в национальном характере. Средства — грамотная информационная и культурная политика государства. Смогли же немцы вытеснить, пригасить в себе комплексы ущербности, неполноценности, владевшие ими после разгрома нацизма. То же сделала Япония. Парадокс: страна-победительница развалилась. И оказывается, по мнению ученых мира, по причине кризиса культурно-психологической идентичности. Сегодня для России важно *осознать себя и себя среди других*. То же самое сделать каждому этносу, народу России во имя сохранения ее целостности.

5) Подчеркнем, что речь не идет об умалении экономического детерминизма, объективно требуется его единство с культурным детерминизмом (культурным управлением экономикой) и информационным детерминизмом и информационной культурой. В этом суть системного подхода в управлении.

6) Трудно не согласиться с умозаключениями И. Хейзинги о кризисе культуры и науки, о культуре, о недооценке роли духовности в мировом цивилизационном процессе, о «прогрессирующем разложении культуры», о «нынешнем кризисе культуры», о заблуждениях человечества в поиске идеала сообщества, о «видах на будущее» в выявлении истинных причин нарушения «равновесия между материальными и духовными ценностями» в сторону доминирования первых, что ведет к кризису общества будущего. Отсюда следует, что перед наукой стоит задача разгадать

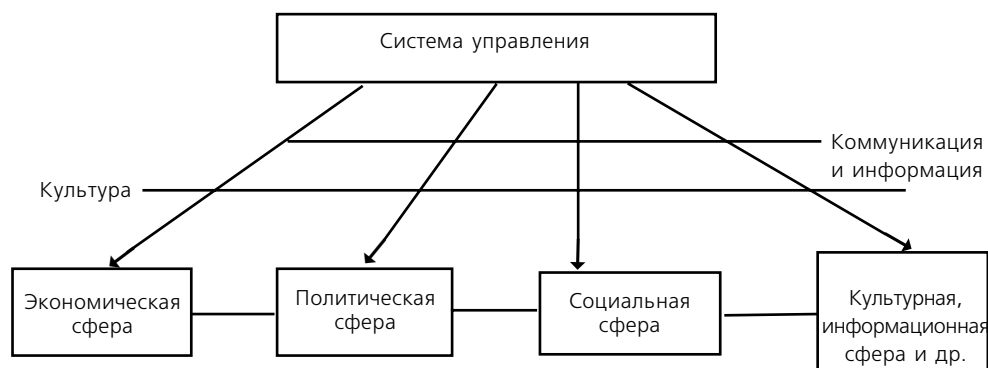

Рисунок 1. Культура в управлении сферами

«тайны» формирования силы духа нации. А перед практиками — осознать потенциал культуры в преобразованиях общества и грамотно его реализовать. Истоки эффективности — в катарсисе, в очищении состояния духа. Данный подход представим в виде схемы «Система управления сферами жизнедеятельности людей» (рис. 1).

М. Мамардашвили писал: «Под «культурой» я понимаю некий единый срез, проходящий через все сферы человеческой деятельности» [цит. по 8, с. 16]. Представленная схема отражает данный подход. На ней показана роль информационного и культурного управления всей жизнью социума на основе системного, структурно-сферного, социально-информационного и культурологического подходов.

Они отражают новое понимание проблемы детерминизма в социальном прогрессе. Детерминизм должен быть комплексным, системным, а не однобоким.

Прав М.С. Каган, считающий, что культура — «система, выступающая мерой и способом формирования и развития сущностных сил человека в ходе его социальной деятельности» [8, с. 17]. Но любая система требует управления. Культура управления есть система, мера и способ раскрытия сущностных сил человека в его созидательной социальной деятельности. Управление экономикой с помощью экономики, политикой на основе политики, культурой только с помощью специфически культурных средств — это уже устаревший подход в управлении. Если не кризис...

1. Бунич, А. Переменить атмосферу [Текст] / А. Бунич // Литературная газета. 2011. 31 августа — 6 сентября.
2. Глузман, С.А. Ментальное пространство России [Текст] / С.А. Глузман. СПб: Алетейя, 2010.
3. Гольц Г.А. Культура и экономика России... Т.1. Новосибирск, 2002
4. Гранин Д. «Сейчас культ денег. А от совести — только неудобства?!» // Аргументы и факты. 2004. № 46.
5. Дементьев, А. Назначенные сроки [Текст] / А. Дементьев // Литературная газета. 2010. 20–26 октября
6. Ильин И.А. Наши задачи. В 2 т. М., 1992. Т. 1.
7. Каган М.С. Философия культуры. СПб, 1996.
8. Капитал справедливости [Текст] // Литературная газета. 2011. 13–19 апреля.
9. Кончаловский А. Чужая экономика ломается на нашей культуре [Текст] / А. Кончаловский // Аргументы и факты. 2005. № 10.
10. Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов [Текст] / Рук. междисциплинарного проекта и науч. ред. О.Т. Богомолов; зам. рук. междисциплинарного проекта Б.Н. Кузык. М.: Институт экономических стратегий, 2010.
11. Попов, В.Д. Духовно-информационная сила эгрегора [Текст] / В.Д. Попов. М.: Изд-во РАГС, 2010.
12. Румянцева, Е.Е. Нравственные законы экономики [Текст] / Е.Е. Румянцева. М., 2009.
13. Русский менталитет мешает реформам [Текст] // Известия. 2005. 14 апреля.
14. Убеждений не меняю [Текст] // Литературная газета. 2011. 19–25 октября.
15. Янин И.Т. Культура против кризиса, или Искусство жить в России. Калининград, 1999.

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АСПЕКТОВ

УДК 316.734

Е.Н. КУРБАН, М.В. КРИВОШЛЫКОВА

Вопросы взаимопонимания, взаимопознания и взаимодействия между культурами становятся все более актуальными в современном многополярном мире, жизненно важными они являются и для нашего Отечества. Сложные межэтнические отношения и процессы коренных преобразований российского общества вызывают интерес самых разных исследователей – философов, социологов, антропологов, культурологов. В связи с этим обнажаются проблемы недостаточного теоретического осмысления тех явлений, которые накопила практика взаимодействия культур.

Следует признать, что в культурологии до настоящего времени не сформирована система основных категорий, поэтому допускаются частовольные трактовки, имеющие порой противоположные значения одних и тех же фундаментальных понятий. В числе нередко употребляемых категорий культурологии можно назвать понятия «межкультурное взаимодействие» и «межкультурная коммуникация».

В данной статье попытаемся высказать точку зрения на общепринятые определения. Объем статьи не позволяет представить все многообразие имеющихся в литературе трактовок, поэтому наметим лишь ориентир в современном пространстве культурологического знания.

Проблемы межкультурного взаимодействия раскрываются в трудах М.М. Бахтина, В.С. Библера, П.С. Гуревича, М.С. Кагана, Ю. Хабермаса. Их позиция позволяет взглянуть на данный процесс как на систему взаимного обмена идеями, представлениями, концепциями, разрешает раскрыть уникальность культуры другого народа и заставляет осознать особенности собственной культуры.

Межкультурное взаимодействие предполагает возникновение социокультурного феномена, получившего имя межкультурного диалога, разворачивающегося в условиях взаимодействия между странами, народами и этносами, способствующего построению целой системы поликультурных контактов, подчеркивающего тяготение самобытных культур к инородным

ценностям и образцам. Данный контекст предполагает, что если культура сосредоточена только на поглощение извне, но закрыта от мира во всем остальном и ничем не делится с ним, то, в конце концов, она отторгается им.

Межкультурное взаимодействие – это понятие, которое способно объяснять стремление к встрече и взаимопроникновению различных по уровню и качеству самостоятельных культурных образований, самобытных и оригинальных по форме и содержанию. Еще один важный вектор – это движение межкультурного взаимодействия к синтезу культур.

Как известно, слово «синтез» греческого происхождения и означает – «сочетание, составление», но термин «синтез» в культурологическом смысле подразумевает не простое соединение различных элементов в единое целое, а особое явление, качественно отличное от элементарной суммы.

Современная теория синтеза культур раскрывает принципы классификации многочисленных видов соединений различных культурных стихий, научно обосновывает закономерности этих соединений. «Синтез культур – взаимодействие и соединение разнородных элементов, при котором возникает новое культурное явление, течение, стиль или модель социокультурного устройства, отличающееся от составляющих его компонентов и имеющее собственное качественно определенное содержание и/или форму» [5].

Термин «межкультурная коммуникация», как известно, впервые появился у Г. Трейгера и Э. Холла как ответ на процессы интенсивного развития взаимосвязей отдельных культур в изменившейся современной ситуации и получил распространение в работах К. Гирца, В. Гудикунста, Г. Триандиса, Г. Хофштеде. Социокультурное объяснение распространения данного термина приобретает благодаря большому значению обмена информацией в настоящее время.

Отметим, что в отечественной науке обращение как к самому термину «межкультурная коммуникация», так и к проблемам его исследования появилось под воздей-

твием концепций западных ученых. В трудах Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Л.В. Куликовой, О.А. Леонтович, Ю.А. Сорокина, А.П. Садохина, И.А. Стернина, В.П. Фурмановой, Н.Л. Шамне были поставлены вопросы и обозначены межкоммуникативные проблемы. Однако уже в XXI веке исследователи стали отмечать наличие кризисных моментов науки этого направления: множественность определений; внедрение западной этноцентричной составляющей в определениях; дисбаланс ключевых терминов.

Отметим также, что публикации последних лет стали носить прикладной характер, направленный на методические задачи формирования практических навыков, например, в сфере деловой коммуникации. Это материалы Ю.М. Жукова, Н.М. Лебедевой, И.А. Мальхановой, Г.Б. Петровской, Ю. Рот, Ю. Суховершиной. Несмотря на то, что эта область знания к настоящему моменту еще весьма неоднородна и не полностью оформилась как наука, тем не менее, межкультурная коммуникация, как известно, была введена в реестр вузовских дисциплин, например по специальности «лингвистика и межкультурная коммуникация».

Итак, межкультурная коммуникация представляется большинством исследователей и как процесс взаимодействия между субъектами социокультурной деятельности, и как связь, и как средство обмена информацией через принятую в данной культуре систему знаков.

С появлением категории «межкультурная коммуникация» обострилась неопределенность ранее привычного термина «межкультурное взаимодействие». Несмотря на то, что вариантов определений данных категорий достаточно много, но выделить следует два принципиально противоположных подхода. Один подход соединяет эти понятия воедино, не разделяя их, и тогда исследователи констатируют, что взаимосвязь между культурами разных народов получила название «взаимодействие культур» или «межкультурная коммуникация». Другой подход разводит данные понятия и выстраивает более сложную структурную систему. Рассмотрим оба подхода.

Наиболее последовательно идею идентичности понятий «взаимодействие культур» и «межкультурная коммуникация» среди российских культурологов развивают А.П. Садохин, А.Г. Асмолов, С.К. Бондырева, Е.И. Дворникова, П.М. Козырева, В. Ф. М. Уолцер, В.В. Шалин. Категория «межкультурная коммуникация» А.П. Са-

дохиним трактуется «...как средство связи любых объектов материальной и духовной культуры; как форма общения, с помощью которой люди обмениваются разнообразной информацией; как способ передачи информации с целью воздействия на общество и составные его части». Данная трактовка термина в нескольких значениях позволяет автору прийти к выводу: «В современном мире любой народ открыт для восприятия чужого культурного опыта и одновременно сам готов делиться с другими народами продуктами собственной культуры. Это обращение к культурам других народов получило название «взаимодействие культур» или «межкультурная коммуникация» [2, с. 197].

Другой подход можно проследить в исследованиях философов-антропологов и культурологов А.А. Белика, В.В. Кочеткова, Н.М. Лебедевой, Е.А. Сайко, З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцова, Т.Г. Стефаненко. Подчеркнем, что проблемы взаимодействия и взаимопонимания культур здесь рассматриваются через ценностную природу этнокультурных различий, что позволяет авторам представить межкультурное взаимодействие как «...особый вид непосредственных отношений и связей, которые складываются между, по меньшей мере, двумя культурами, а также тех влияний, взаимных изменений, которые появляются в ходе этих отношений» [3]. Далее, среди наиболее важных элементов межкультурного взаимодействия, в первую очередь, происходит изменение ценностей, областей хозяйственной и творческой деятельности, духовных ориентиров, языка взаимодействующих культур. Важнейшим фактором взаимодействия культур является время, так как результаты межкультурных изменений появляются не сразу, это процесс нескольких десятилетий.

Роль межкультурной коммуникации при данном подходе – это не более чем связь в рамках межкультурного взаимодействия. Ведь необходимым условием межкультурной коммуникации является наличие общего языка у субъектов коммуникации, каналов связи и правил их осуществления. В этом случае не каждое общественное действие может быть рассмотрено как коммуникативное, как содержащее и выражающее определенную информацию, а только те действия, которые осуществляются с целью коммуникации.

Категория «межкультурное взаимодействие» в рамках данного подхода представляет собой сложную структурную

систему, в которой существует *основной* раздел – межкультурное взаимодействие, в результате которого происходит изменение ценностей, модификация областей хозяйственной и творческой деятельности, преобразование духовных ориентиров, языка взаимодействующих культур, и *подразделы* – межкультурная коммуникация, межкультурная компетенция, межкультурные контакты.

Граница, разделяющая две категории, тонкая, но можно предположить, что межкультурное взаимодействие – категория значительно более объемная, нежели межкультурная коммуникация, ее характеризуют: этносоостав, время и пространство. Подчеркнем, что элементарный обмен товарами, информацией, эпизодические контакты или даже хозяйственные отношения и связи можно отнести по существу к межкультурной коммуникации, но нельзя приравнять к межкультурному взаимодействию, так как в этом случае не изменяются ценностные ориентации, структура культурной идентичности, образ жизни представителей той и другой культуры, они просто выступают формами сосуществования или контактов культур друг с другом.

Важное значение межкультурного взаимодействия перед частными проблемами межкультурной коммуникации подчеркивает область реализации межкультурных стереотипов. Очевидно, что взаимодействие культур не всегда выполняет созидательную роль, способствует построению диалога, оно может приводить и к негативным последствиям. Процессы межкультурного взаимодействия повсеместно сопровождаются противоречиями и конфликтами, столкновениями интересов, ценностей, смыслов и идей. Процесс совместной деятельности людей, осваивание социальной действительности представляет собой процесс адаптации к окружающей среде существования. При этом специфика национального и этнического сознания представителей различных культур зачастую является барьером межкультурных взаимодействий [8]. В данном контексте предлагается рассмотреть разные уровни влияния стереотипов на характер межкультурного взаимодействия: *геокультурный уровень, этнокультурный и социокультурный* на примере культуры Южно-Уральского региона.

Геокультурный уровень тесно соприкасается с понятием культурное пространство и региональная культура. Характерной чертой региональных культур является то,

что каждая из них существует в определенном географическом ареале. Культурное пространство Южно-Уральского региона представляет собою конгломерат различных культур, создаваемых несколькими народами, населяющими регион, прежде всего русскими и башкирами. Наличие сходных природных условий жизни в этом ареале и территориальные связи обеспечили родство между культурами этих народов. Одни и те же географические и климатические особенности жизни людей в данном регионе повлияли на создание уникальной региональной культуры Южного Урала. Природные географические и климатические условия не только влияют на форму культурной динамики, но и являются определяющими в процессах формирования культурной картины мира, выборе способов хозяйствования и т.д.

Культурное пространство Южного Урала характеризуется высоким разнообразием и гетерогенностью, выделить специфику межкультурного взаимодействия в пределах всего региона не составляет задачу данной статьи. В качестве примера выбраны территории вдоль юго-восточной границы Республики Башкортостан и соответственно юго-западной границы Челябинской области, представляющие горнозаводскую зону.

Подчеркнем, что обозначенные территории Южно-Уральского региона были заселены позднее, чем центр и юг России, в которых сложились основные черты русской культуры. В этом смысле культура Южно-Уральского региона – явление относительно молодое. Мало того, культура Южно-Уральского региона непосредственно начиналась от общинно-патриархальных отношений и двигалась в сторону фабрично-заводской крепостной зависимости и в дальнейшем капиталистических отношений быстрее, нежели центральная ее часть, т.к. в силу своей исторической молодости культура данного региона оказалась перед необходимостью интенсивного исторического развития. Воспринимая и усваивая культурное наследие других народов, именно в этом регионе решались свои задачи, формировались и развивались собственные традиции, никогда не ограничиваясь копированием чужих образцов.

Данный уровень взаимодействия культур представляет собой надэтническую область, где осуществляется реализация геокультурного стереотипа, призванного выполнять этноинтегрирующую (адаптивную)

функцию, а также способствовать формированию региональной идентичности. По мнению исследователя Г.С. Корепанова, «региональная идентичность – это переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности «своей» локальной общности, формирующие практическое чувство (сознание) территориальной принадлежности индивида и группы. <...> Региональная идентичность есть идеальная представленность социального отождествления «Я – член территориальной общности» [4, с. 278].

Результатом процесса осознания региональной идентификации выступает ментальный образ «южноуральца», как некоего субэтнического конструкта, наделенного уникальными чертами характера, поступками и душевными качествами. К характеристикам южноуральца можно отнести смелость, находчивость, воинственность, склонность к авантюризму, неприхотливость, готовность выносить тяготы и лишения, веру в собственные силы, гостеприимность, работоспособность и трудолюбие, душевность.

Этнический уровень взаимодействия характерен для отношений между локальными этносами, историко-этнографическими, этноконфессиональными и другими общностями. Реализация взаимодействия на данном уровне подчинена следующим основным тенденциям:

– интеграция, способствует активизации межэтнических контактов, усвоению элементов «чужой» культуры, взаимообогащению, этноконфессиональному элементу одной культуры в другую и т.д.;

– дифференциация, сопряжена с непременным усилением этнического самосознания и самобытности этнической общности.

Любая культура обладает совокупностью защитных механизмов, способных оградить ее от слишком интенсивного инокультурного воздействия. К таким механизмам можно отнести способность сохранять и воспроизводить предшествующий опыт и традиции, формировать у людей чувство этнокультурной идентичности.

Запуск механизмов этнической идентификации, равно как и любой другой, связан с процессом интерпретации себя или другого, т.е. с принципом отождествления. И когда речь идет об этносе, то отождествление происходит не только с совокупностью конкретных людей, но и с идеальным образом или совокупностью собирательных образов, представляющих эту общность. Эти собирательные образы

в сознании фиксируются в виде этнокультурных стереотипов, которые достаточно жестко и отчетливо отражают дихотомию суждений о «своем» и «чужом». Таким образом, главной функциональной особенностью этнокультурного стереотипа являются процессы этнодифференциации.

Как известно, среди современных народов, живущих на Южном Урале, первыми обитателями края были башкиры. Как отмечает историк Р.Г. Кузеев, с VIII – IX веков начинается самостоятельный путь башкир, вышедших из состава более обширных этнических групп. А к концу XIV века произошло «окончательное созревание тех этнокультурных признаков, которые характеризуют современных башкир» [1, с. 72]. В середине XVI века почти одновременно башкирские племена приняли российское подданство.

С конца XVI столетия началось активное освоение Южного Урала русскими переселенцами, которое продолжалось вплоть до конца XVIII столетия, когда в крае сложилось довольно многочисленное русское население (примерно 40,7% составил удельный вес русского населения в общей массе). Важным фактором ведения национальной политики в отношении нерусского населения в данный период являлся этатизм, т.е. политика «была полностью подчинена интересам государства, осуществлялась в целях государственной безопасности как внутренней (сохранение стабильности и порядка), так и внешней» [9, с. 61]. Несмотря на то, что меры русских властей отличались большей гибкостью и лояльностью к местному населению по сравнению с колонизаторской политикой других европейских держав, в частности Британии, методы утверждения власти на окраинах оставались весьма жесткими – подавление сопротивления коренного населения, натравливание одних народов против других (например, башкир на казахов). И хотя Россия восприняла башкирский этнос, процесс сближения двух народов затянулся на длительное время [1, с. 84].

Интенсивное освоение южно-уральских земель продолжилось в XIX веке и к началу XX завершился длительный процесс формирования этнического состава местного населения, время от времени демографическая ситуация претерпевала количественные и качественные изменения, но в основе своей она сохранилась до наших дней [6, с. 58]. Поэтому, несмотря на многонациональный состав, обозначенные территории населяют преимущественно

но представители автохтонных этнических общностей. Этноареальные группы проживают здесь компактно, каждый в пределах своей этнокультурной среды.

Результаты социологических исследований показывают, что уровень этнической толерантности в регионе достаточно высок, причем показатели социальной и культурной дистанции между представителями русской и башкирской этнических общностей значительно ниже, чем между ними и другими народами-соседями (например, татарами). Примером может служить исследование А.Н. Татарко, проведенное при поддержке РГНФ (проект № 02-06-00261а). Целью исследования явилось изучение взаимосвязей этнической идентичности и этнической толерантности в кросс-культурной перспективе (на примере этнических групп юго-востока Башкирии) [7].

В опросе участвовали 90 респондентов, проживающих в городе Сибайе Республики Башкортостан (36 мужчин и 54 женщины). Состав выборки был следующий – 30 башкир, 30 русских и 30 татар.

Обратимся к результатам, характеризующим лишь специфику межкультурного восприятия русской и башкирской этнических групп.

Анализ субъективных семантических пространств этносов позволил сделать вывод о том, что башкиры в своем сознании

стремятся к интеграции с русскими, полагая, что они разделяют систему ценностей башкир. Русские, напротив, в своем сознании дистанцируются от башкир и воспринимают свой народ как отличающийся своей системой ценностей. Автор приходит к выводу о том, что русские имеют более высокий этнический статус, чем представители других этносов. А также о стремлении башкир в своем восприятии одинаково оценивать свой этнос и высокостатусную иноэтническую группу.

Социокультурный уровень представляет собой поле реализации социокультурного стереотипа как феномена взаимодействия между различными культурными образованиями и / или их представителями. Данный стереотип способствует формированию самых разнообразных форм идентичностей – личностных и социальных.

При рассмотрении русско-башкирского межкультурного взаимодействия следует отметить, что в нем превалирует подлинный интерес к самобытному образу жизни соседей. В межличностных и межгрупповых отношениях наблюдается этнопсихологическая гибкость, готовность приспосабливаться к традициям и образу мышления и поведения членов иной этнической группы при сохранении собственной идентичности.

1. Галигузов И.Ф. Народы Южного Урала: история и культура. Магнитогорск, 2000.

2. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. М., 2002. 352 с.

3. Кононенко, Б.И. Большой толковый словарь по культурологии [Текст] / Б.И. Кононенко. М., 2003. С. 78.

4. Корепанов, Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социоэкономический подходы [Текст] / Г.С. Корепанов // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 3(65). С. 276–284.

5. Краткий терминологический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://bibl.tikva.ru/base/B1724/B1724Part25-496.php> (дата обращения: 23.09.2012).

6. Кривошлыкова, М.В. Межкультурное взаимодействие как фактор культурной динамики [Текст] / М.В. Кривошлыкова, Е.Н. Курбан // Современная наука: тенденции развития. Материалы II Международной научно-практической конференции. Том 1. Краснодар, 2012. С. 56–60.

7. Татарко, А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности толерантности (на примере этнических групп юго-востока Башкирии) [Электронный ресурс] / А.Н. Татарко. URL: http://www.ethnonet.ru/lib/0204-01.html#_edn* (дата обращения: 22.09.2012).

8. Толстикова, И.И. Коммуникативные контексты межкультурного взаимодействия [Текст] / И.И. Толстикова // Труды Санкт-Петербургского конгресса «Профессиональное образование, наука, инновации в XXI веке». СПб, 2009, С.111–115.

9. Трепавлов, В.В. «Национальная политика» в многонациональной России XVI – XIX веков [Текст] В.В. Трепавлов / Историческая психология и социология истории. 2009. Т.2. № 1. 61 с.

КУЛЬТУРА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ДОСУГА: К СТРАТЕГИИ *EDUTAINMENT*

УДК 001.92 + 008+ 51-8 + 37 + 794.5

А.Г. КИСЛОВ

Анаксагор из Клазомен (500 – 428), по свидетельству Плутарха (в сочинении *De exilio*, гл. 17), находясь в 434 году в тюрьме, отгонял печаль заключения математическими размышлениями и «начертал квадратуру круга» [4, с. 11].

Составное слово *edutainment* (= *education + entertainment*), имеющее отнесенительно удачный русскоязычный перевод-аналог – образвлечение, само по себе является нехитрым «образчиком» интеллектуальной забавы. Стоящая же за этим словом практическая по своей природе идея, а точнее – стратегия, отнюдь не проста для теоретического осмысления, хотя и согласуется с известным советом Б. Паскаля не упускать случая делать серьезный предмет науки немного занимательным. Предлагаем взглянуть на феномен *edutainment* в плоскости культуры интеллектуального досуга.

В самом словосочетании «культура интеллектуального досуга» каждое из слов, стоящих по краям, в известном смысле конфликтует со словом, расположенным в центре. Во-первых, нередко имеет место если не противопоставление, то существенное разграничение *сферы культуры и сферы интеллекта*. Конечно, радикальная позиция, совсем отказывающая разуму в творческом начале, а потому и не усматривающая в интеллектуальности никакого показателя человеческой ценности, чаще всего случается лишь в поспешных полемических выпадах, в необдуманных попытках занять и выразить ригористическую точку зрения там, где стоит быть внимательнее и осторожнее. Так, например, провокационно «бескультурным» остается известное операционное определение, параметрически характеризующее интеллект как именно то, что измеряют соответствующие тесты. Такое определение впервые, по всей видимости, было предложено еще в 1923 г. Э. Дж. Борингом – признанным гарвардским психологом, но на страницах популярного, славящегося околону научными скандалами журнала *The New Republic*. Боринг всего лишь кокетливо пытался пресечь всякие сомнения досугой публики в предельной научности методов психологии, особенно тогда, когда она берется за изучение интеллекта; ученый намекал, что за анализом

результатов разработанных им интеллектометрических тестов, без всякого сомнения, не может не оказаться серьезного понимания самой сути изучаемого предмета. Но такой операционной горе-дефиниции мы не встретим в научных работах Боринга, чего, к сожалению, нельзя сказать о той части современной литературы по психологической проблематике, в которой журнальную шутку, не зная сюжета, восприняли со всей той серьезностью, на которую способны. Как бы то ни было, обозначенная конфликтность понятий кроется совсем не в отрицании самой возможности интеллектуального творчества как такового, а в нашей неспособности, вероятно – принципиальной, отчетливо дифференцировать рациональные и нерациональные (интуитивные, чувственные) составляющие искусства и творчества, в том, что сам статус *интеллектуальной культуры* остается весьма неопределенным. Не то, чтобы «поверить алгеброй гармонию нельзя», но все же хотелось бы понимать – к чему «такая роскошь». Поскольку задачи решать данную проблему мы перед собой не ставим, то, полагая очевидной всю специфику опыта социального функционирования рациональных способностей человека, вынужденно, но – осознанно оправдывая здесь недифференцированную широту позиции, именно этот особый, причем взятый во всей полноте своих семиотических отношений, концентрированный опыт поколений и предлагаем называть интеллектуальной культурой.

Вторая сторона конфликтности заключается в привычном противопоставлении *всего интеллектуального*, как сферы чего-то сложного, требующего напряженного умственного труда, и *любого досугового*, как сферы простого, легкого, не ломающего человеку голову, а напротив, дарующего ей расслабление и, соответственно, заслуженное (но как?!) отдохновение. К нелепой несовместимости *homo sapiens* и *homo ludens*, нехитрым способом преодо-

левая существующий между ними антагонизм, приходят как те, кто вовсе не намерен «маршировать на параде бледных умников» (Ст. Фрай) и в брутальном порыве отказывает любым интеллектуальным проявлениям в *подлинной* человечности и самостоятельной жизненности, так и те, кто не приемлет всяческую праздность и «популярщину», считая увлечение головоломками лишь интеллектуальным фокусничеством, а значит – жульничеством, кто вовсе исключает сферу досуга из (опять же!) *подлинной* культуры, из культуры, достойной внимания здравомыслящего человека.

Мы же, следуя мнению, что «головоломка в противоположность задаче представляет собой нечто такое, от решения чего вы получаете удовольствие, – в противном случае, с какой стати вы стали бы ее решать?» [5, с. 11], постараемся преодолеть указанную конфликтность в любых ее проявлениях, и не столько в попытках определить наш сложный по природе предмет обсуждения, сколько посильным образом *идентифицируя* его:

– *сквозь* «историю в лицах», т. е. творчество «корифеев интеллектуального досуга»;

– *сквозь* предметное богатство – задачи занимательной математики (от классических задач на геометрические построения с помощью циркуля и линейки, до современных топологических, комбинаторных и прочих математических экзерсисов) и головоломки самых различных видов, интеллектуальные игры (настольные и близкие к ним, а сейчас и их компьютерные версии), инженерные «кунштшюки» типа кубика Рубика или других «современных бирюлек», многие образцы научно-популярной литературы и т. п.;

– а главное, *сквозь* многообразие *edutainment*-практик, т. е. тех родственных и принципиально синтетических (а в чем-то и противоречивых) видов деятельности, прежде всего – образовательной и клубной: «научный глянец», *science art* и др. – словом тех «пифагорейских штудий», что актуально реализуют в культуре «образлекательный» потенциал идеи интеллектуального досуга.

Следует уточнить, что из нашего рассмотрения исключаются классические работы в форме сборников задач: «*Liber abaci*» (1202) Леонардо Фибоначчи, «Новогодний подарок, или О шестиугольных снежинках» (1611) И. Кеплера, «Приятные

и занимательные задачи» (1612) К. Г. Баше де Мезирака и др., – которые целиком принадлежат истории науки и, несмотря на довольно броские названия, имеют отношение к интеллектуальным забавам не большее, чем любая другая форма интереса к знаниям в те далекие времена. Хотя стоит отметить факт, что с тех пор как «Пифагор преобразовал занятия геометрией в свободную дисциплину, изучая ее высшие основания и рассматривая теоремы *in abstracto* (собств. «в отвлечении от материи», *αύλως*) и нозтически» (Прокл) [15, с. 141], самая серьезная наука рождается именно из увлечений. Впрочем, с другой стороны, радикально «досуговая» версия происхождения теоретического знания, например, в форме широко известного тезиса Аристотеля, что знания были приобретены «прежде всего в тех местностях, где люди имели досуг» (Met. 981b 22)*, в частности, «математические искусства были созданы прежде всего в Египте, ибо там было предоставлено жрецам время для досуга» (Met. 981b 25), нередко подвергается оправданной критике, ибо не соответствует источникам по «догреческой математике». Так, например, «... египетские источники не подтверждают высказанного Аристотелем мнения о “свободном” характере египетской математики: имеющиеся источники, напротив, свидетельствуют, что математика в Древнем Египте носила сугубо практический характер и использовалась вовсе не для проведения досуга, а для таких важных государственных нужд, как, например, сбор налогов, строительство и землепользование. Другие догреческие источники рисуют такую же картину» [14, с. 11]. Феномен популярной науки в его современном понимании, по всей видимости, следует рассматривать не ранее чем с XVIII века, когда и сама наука начала приобретать современные методологические, текстографические, социальные и прочие черты, постоянно трансформирующиеся, но узнаваемые и по сей день. Представить же обзор самых значительных, «задающих тон», «ставящих планку» авторов, а точнее – собирателей и сочинителей, известных по литературе, посвященной именно интеллектуальному досугу, не так уж трудно, причем просто в силу довольно ограниченного количества «самых-самых» (см. также [11]), каждый из которых, в какой то мере, «существо, подобное Пифагору» [15, с. 141].

* Здесь и далее цитируется по переводу А. В. Кубицкого в [1].

Начинают обычно с оксфордского математика *Чарльза Лютвиджа Доджсона* (1832–1898), известного под псевдонимом – *Льюис Кэрролл*. Этот автор, сложная, оригинальная и загадочная личность, в специальном представлении не нуждается, мы только отметим его синтетический талант. Кэрролл известен, прежде всего, как ярчайший представитель, наряду с Эдвардом Лиром, английской литературы абсурда, сочинитель умных (или все же безумных?!) сказок о приключениях Алисы* и нонсенса «Охота на Снарка». Но он же и пионер фотографического искусства, и искусный изобретатель, и фокусник, и любопытный логик, и автор великолепных, ставших классическими образцами, головоломок и парадоксов. А еще мы воспользуемся образной и удивительно точной характеристикой, которую Гилберт Кийт Честерон дал творчеству Кэрролла, нарекая его «каникулами разума» (*«mental holiday»*) [13, с. 232–240], и поспешим экстраполировать эту своеобразную оценку на все возможные форматы интеллектуального досуга, тем самым уточняя концептуальные особенности рассматриваемой субкультуры. Следует также отметить, что такого внимания со стороны гуманитарного знания, в частности со стороны философии – от аналитиков до психоаналитиков, которое было уделено фигуре Кэрролла, не удостоился больше ни один из тех корифеев интеллектуальных забав, кто будет рассмотрен далее. Таково «счастье» быть первым в ряду.

Следующим, по праву, указывается Сэм Лойд (1841–1911), гений головоломок, мастер занимательных задач, начавший традицию вести соответствующие рубрики в журнале *«Scientific American»*. О причудливой изобретательности автора говорит тот факт, что каждая его статья начиналась с заглавной буквы, выложенной шахматными фигурами на доске и представляющей собой оригинальный этюд. Синтетичность его таланта проявлялась в том, что он не только был ярчайшим представителем демократичного стиля в культуре интеллектуального досуга, но и, видимо вследствие ярмарочной легкости, успешным коммерсантом, неплохо зарабатывавшим на публикуемых головоломных миниатюрах, на отдельно издаваемых задачах на составление фигур, на тиражируемых механических

головоломках и др. Показательна история головоломки, которую Лойд сочинил, будучи еще подростком, а хозяин одного городского цирка приобрел право издания и под названием «Волшебные ослики Барнума» стал выпускать ее в продажу миллионными тиражами. Другая «коммерческая история» состоит в том, что некий концерн обратился к Лойду с просьбой приспособить как-нибудь побочный продукт производства – крупную партию цветных картонных квадратов, на их основе Лойд с легкостью сочинил якобы традиционную индейскую игру «парчези». Решение далось Лойду так легко, что он согласился лишь на символическое вознаграждение, и не прогадал, история эта добавила известности изобретателю. Однако самой популярной и коммерчески успешной головоломкой была, безусловно, «Игра в пятнадцать». Успех этой головоломки удивительно похож на тот «массовый психоз», который наблюдался в связи с появлением кубика Рубика, причем математические достоинства двух этих головоломок оказались не меньшими, чем их коммерческий успех.

Генри Эрнест Дьюдени (1857–1930) – английский современник и коллега Лойда, но, вместе с тем, бесконечно на него не похожий, что является хорошей иллюстрацией к традиционному обсуждению принципиальных различий английской и американской культур. Головоломки Дьюдени были сдержанны, даже скромны в изложении, но глубоки по своему математическому содержанию и философичны, а многочисленные лойдовские остроумные игрушки и рекламные трюки он считал лишь детской забавой. Если Лойду присущ ярмарочный дух массового производства (картонный в те времена и, очевидно, пластмассовый сегодня), то для Дьюдени характерны выступления в докладах перед Лондонским королевским обществом, причем с демонстрацией решения задачи на разрезание геометрических фигур посредством искусно выполненной модели из красного дерева с бронзовыми шарнирами. Его самая известная книга [8] написана в жанре дополнения к классическому тексту английской литературы. Вообще же перу Дьюдени принадлежат шесть сборников головоломок, все они без сомнения относятся к популярной литературе, но в них он сумел предвосхитить некоторые результаты

*Наиболее информативным изданием перевода «кэрролловской Алисы» на русский язык, своего рода – русской версией «аннотированной Алисы», считается издание перевода Н. М. Демуровой с комментариями, дополнениями и приложениями [13].

современной математики, и потому многие его задачи в научном мире называют не иначе как «находками Дьюдени».

Настала пора перейти к современным мастерам интеллектуальных забав. Первым будет назван *Мартин Гарднер* (1914–2010), популяризатор науки, искусный изобретатель и разборчивый коллекционер занимательных задач, игр и фокусов. Он автор трех десятков книг интеллектуально-досуговой тематики, которые составлял на основе собственных статей в научно-популярных журналах и переписки с коллегами и читателями. Гарднер обучался на философском отделении Чикагского университета, где преподавал знаменитый Рудольф Карнап, а интерес к математической логике и основаниям математики был распространен среди студентов. Работа в пресс-бюро университета была прервана войной, мирная жизнь продолжилась также в журналистской среде. И вот, в середине 50-х годов, происходит знаменательное для дальнейшей судьбы корифея интеллектуальных развлечений событие – буквально на досуге внимание Гарднера привлекли гексафлексагоны, правильные шестиугольники, особым образом сложенные из бумажных полосок. Эти фигурки проявляли неожиданные свойства, ими было довольно любопытно фокусничать, о чем и была написана доступная по содержанию и легкая по стилю статья. Редакция журнала *«Scientific American»* не только приняла текст к публикации, Гарднеру предложили стать ведущим новой рубрики *«Mathematical Games»*, и далеко не сразу самому успешному и продолжительному ее ведущему стало ясным символичное соответствие начальных букв названия рубрики и собственных инициалов. Аббревиатура «MG» надолго стала брендом культуры интеллектуального досуга благодаря таланту Гарднера видеть повод для умных развлечений даже в самом обыденном – в листах бумаги, в начертаниях букв и цифр, в знакомых с детства настольных играх и во многих других вещах, делая эти предметы необычными, даже таинственными. А главное, он умел находить тех авторов интеллектуальных забав, кому этот талант был присущ не в меньшей степени, и вовлекать их в свое творчество, насыщая темы и сюжеты, традиционно считающиеся математическими, духом гуманитарной культуры.

В отличие от Гарднера, его современник *Рэймонд Смаллиан* (р. 1919) был, прежде всего, блестящим ученым, автором фундаментальных трудов по теории формаль-

ных систем, он лишь в солидном возрасте посвятил себя «несерьезной» литературе по логике, оказавшись непревзойденным мастером своего дела. Но, как и Гарднер, Смаллиан также изучал философию в Чикагском университете, причем уже непосредственно у самого Карнапа, со временем стал заслуженным профессором математики и философии самых престижных учебных заведений, признанным специалистом по теории доказательств, теории рекурсивных функций и искусственному интеллекту. Для Смаллиана характерен широкий круг увлечений, которые в его жизни занимали не меньшее место, чем профессиональная научная деятельность. Он серьезно интересовался искусством престижитатора, сочинял беллетризованные сборники шахматных задач, будучи профессиональным пианистом, занимался исполнительской деятельностью и теорией музыки, написал в высшей степени оригинальное введение в даосизм («Дао безмолвствует») и многое-многое другое. Однако широкую известность Смаллиану принесли книги по занимательной логике, «территории», не освоенной еще культурой интеллектуального досуга должным образом. Уже по автореферентному названию первой книги – «Как же называется эта книга?» – можно судить об особенностях авторского чувства юмора, а ее содержание позволяет понять, что глубину предмета, вплоть до введения в самую суть эпохальных результатов Курта Гёделя, автор осваивает, обладая блестящим литературным талантом и буквально кэрролловской любовью к интеллектуальным играм и парадоксам.

Достоинно завершает плеяду корифеев также американец *Даглас Хофштадтер* (р. 1945), сменивший Гарднера на посту ведущего соответствующей рубрики журнала *«Scientific American»*, но не осмелившийся работать под знаком «MG», однако сегодняшнее название рубрики – *«Metamagical Themas»* («Мета-магические темы») – является анаграммой прежнего, лукаво свидетельствуя собой и о преемственности, и о признательности. Любовь к анаграммам и прочим словесным игрушкам является визитной карточкой Хофштадтера. Прославился он благодаря своей первой книге, сразу же удостоенной Пулитцеровской премии. Сегодня этот настоящий бестселлер во всем мире именуют аббревиатурой «GEB», а полное название – «Гёдель, Эшер, Бах. Вечное золотое переплетение. Метафорическая fuga о человеческом разуме и машинах в духе Льюиса Кэрролла». Хофт-

штадтер оказался замечательным учеником своих предшественников, он излагает самые сложные вопросы из таких областей науки, как математика, логика, генетика, нейрофизиология, психология и философия, прежде всего, изящно и увлекательно. В соответствии с указанной триадой великих имен автор устраивает драматическое переплетение трех культурно-смысловых рядов – логико-математического, визуального и музыкального, оттого так легко пофантазировать, будто он мог бы быть одним из тех литературных героев-интеллектуалов, что проживают в мире «Игры в бисер» Германа Гессе. Реальный же Даглас Хофштадтер – активно работающий ученый, член Американской ассоциации кибернетики и общества когнитивистики, руководитель Центра по изучению творческих возможностей человеческого мозга. Как «ГЕВ», так и вся научная деятельность Хофштадтера посвящены одной красивой и популярной еще с античных времен философской проблеме авторефлексивности мышления – способности познавать самого себя.

Что же делали все эти мастера, занимаясь своими головоломками, и теми, что можно взять в руки или хотя бы нарисовать, и теми, что можно лишь помыслить? Они развлекались или все же трудились? И последний вопрос – почему же они все были англоязычными?

Как уже говорилось, согласно Честертону, они устраивали «каникулы разуму» (*«mental holiday»*). Ведь со школьных лет ясно, настоящие каникулы заключаются не в том, чтобы совсем уж ничего не делать, а в том, чтобы делать что-то в свое удовольствие. И потому бесполезность интеллектуальных забав должна пониматься лишь в смысле Оскара Уайльда, для которого подлинное счастье, что «искусство бесполезно». Такая позиция может и соответствовать, но без лишней радикальности, научно-теоретически ориентированному и не однозначно трактуемому мнению Аристотеля, что «знания ... обращены не на получение выгоды» (Met. 981b 22), что «к знанию стали стремиться ради понимания, а не ради какой-нибудь пользы» (Met. 982b 20). Головоломки могут иметь скрытую практическую или быть непрактичными вовсе – это не важно, мастерство работы с ними вырастает независимо от утилитарного спроса и требует синтетического таланта – страсти совмещать несовместимое. Здесь-то и таится надежда подлинного творчества – способность однажды вновь увидеть мир по-новому, а в воспитании этого навыка заключается общечеловеческое

основание культуры интеллектуального досуга. Ну а тайна мастерства работать легко, без пафоса и в свое удовольствие остается тайной. Потому-то ответить окончательно и бесповоротно на последний вопрос мы пытаться не будем, хотя такой феномен, как «веселый и эксцентрический английский национальный гений» [7, с. 28], гений нон-сенса и абсурда, обсуждается довольно-таки часто. Действительно, в значительно меньшей степени известны нам неанглоязычные классики литературы по интеллектуальному досугу. Их, безусловно, немало, все они замечательные авторы, но никто не приобрел в мире интеллектуальных забав того веса, который позволил бы им стоять в ряду корифеев. Справедливо будет отметить отечественных классиков занимательной литературы, они нам хорошо знакомы, укажем только три фигуры: Е. И. Игнатъева, вышедшие в самом начале прошлого века сборники занимательных задач которого – единственные русскоязычные тексты, встречающиеся в обширных зарубежных библиографиях по интеллектуальному досугу; широко известного автора книг по занимательной науке Я. И. Перельмана и незаслуженно забытого, на наш взгляд, наиболее талантливого – С. П. Боброва с его шедевром назидательности «Волшебный двурог» [6] и другими работами. Подавляющее большинство книг российских авторов, которые вышли за прошлый век и относятся к культуре интеллектуального досуга, имеют явный «образовательный крен» и предназначены исключительно подрастающему поколению. Социальные причины этого известны и в значительной степени негативны, а вот приобретенным литературным опытом, на наш взгляд, все же не следует пренебрегать.

Самое время заметить, что при всем многообразии национальных культур авторов и особенностях их подходов к умным развлечениям, в полном соответствии со словами Дьюдени: «Любопытная склонность к созданию головоломок не отличает какую-либо расу или исторический период. Она с рождения заложена в каждом человеке независимо от того, когда он пребывал на земле, хотя может проявляться в самых различных формах. Не играет роли, кому конкретно она приписывается, египетскому ли сфинксу, библейскому Самсону, индийскому факиру, китайскому философу, тибетскому махатме или европейскому математику» [8, с. 9–10], – ценными могут оказаться как модели, тщательно выполненные из красного дерева, так и обще-

доступные картонные поделки. Просто в культуре интеллектуального досуга форматы исполнения различаются контекстуально и всякий раз решают частные, например, просветительские, воспитательные, или даже – художественные, задачи, также как контекстуально различаются задачи искусства – от высокого до популярного. Однако все интеллектуальные развлечения, так или иначе, преследуют одну цель – устроить разуму увлекательные каникулы, а вот формат их осуществления зависит и от характера аудитории, и от ресурсов, и от временных рамок, и еще от множества других факторов, баланс которых и призван сохранять крайне зыбкую, неравновесную систему истины, добра и красоты. Решение головоломок дарит нам особый опыт откровений, и на этот не лишенный радости путь познания поколение за поколением выступают те, для кого пифагорейский союз (σύστημα) открыт хотя бы по выходным дням и в минуты досуга.

Не только индивидуальность отдельного автора определяет стиль головоломок, хотя, конечно, легко согласиться с известной сентенцией господина Бюффона – *le style c'est l'homme meme* («стиль – это человек»); и не только литература по интеллектуальному досугу подлежит жанровой квалификации. Без всякого сомнения, более интересен жанрово-стилевой анализ самих головоломок. Обычно головоломками называют ту разновидность интеллектуальных задач, поиск решения которых неочевиден, каким-либо хитроумным образом скрыт. В самом начале приводилась цитата из речи доктора С. Мура, где головоломки противопоставляются остальным задачам на основании того эстетического удовольствия, которое приносит их решение. Продолжим эту цитату: «Я не думаю, что ответ непременно должен удивить вас, однако, мне кажется, вовсе неплохо, когда, узнав его, вы воскликните: “Проклятье, как же мне самому это не пришло в голову!”» [5, с. 11]. Согласившись, мы будем, как это традиционно делают в семантических исследованиях загадок*, приписывать подлинной головоломке «эффект обманутого ожидания из-за нарушения изоморфизма между исходной (т. е. загаданной) ситуацией и преобразованной ситуацией» [10, с. 7], т. е. между формулировкой такой занимательной задачи и поиском способа ее решения. А вследствие этого, предлагаем усматри-

вать за головоломками особую поэтику формулировок интеллектуальных задач и полагать специфику риторики, обеспечивающей организацию тех рассуждений, что приводят к успешному решению.

В значительной мере последнее соответствует известному противопоставлению Аристотелем *поэтики* [2] как теории литературы, и *риторики* [3] как теории устного красноречия, представляющего содержащиеся в речи мысли «через говорящего и по ходу его речи» (Poet. 1456b 7). Однако относительно формулировок теоретических задач и поиска их решений была замечена досадная асимметрия, «то обстоятельство, что обычно мы *ставим* задачу (формулируем и понимаем) в рамках одной системы рассуждений, а *решаем* ее в рамках другой. И почему-то только последнюю систему признаем за ту, которой мы пользуемся, обманывая, таким образом, себя и проявляя неблагодарность к первой системе» [9, с. 19]. Пожалуй, что именно в случае занимательных задач паритет двух сторон умело соблюдается. Здесь знанием как интеллектуальным удовольствием, безусловно, располагает и риторика эффективного решения (а вместе с тем и анализа ошибочных, приближенных или неосуществимых решений), и, в не меньшей мере, поэтика эффективной постановки задачи.

Известно, что именно пифагорейцы разработали ораторское искусство и составление эпидейктических речей, предназначенных, в отличие от речей совещательных и судебных (Rhet. 1366a 25), для наглядной демонстрации прекрасного, в нашем случае риторики решений – «изящных результатов» и «красивых доказательств». Относительно интеллектуальных задач заметим, что риторика не столько отвечает за автопоэзис (самопорождение) мысли-рассуждения, сколько за создание условий для неординарного решения. Основой поэтики же является подражание (μίμησης) (Poet. 1447a 15), ибо любая литература лишь изображает события, которые «должны быть явны и без поучения» (Poet. 1456b 7). В этом смысле представляется крайне плодотворным «поэтический» взгляд на формулировки головоломок как на весьма особый вариант литературы малых форм, провоцирующий нас на «философию малых дел» (К. Твардовский). Головоломки, не скрывают своего «всего лишь подражания» реальным жизненным

*Родственная семантическая природа смеховых «языковых игр» (острот, анекдотов и др.) рассматривалась автором в [12].

проблемам*, они очевидным образом используют богатую палитру «поэтических» средств, предметов и способов (Поет. 1447а 17) и тем самым создают удивительный мир остроумных забав и интеллектуальных развлечений, этот незаконнорожденный и беззаботный, как всякий байстрюк, отпрыск древних мистерий. В случае литературной удачи эти «маленькие мистерии» привычно «...называют "орфическими" и "вакхическими", тогда как на самом деле они египетские и пифагорейские» (Геродот, II, 81: [Текст Римской семьи: кодексы RVS]) [15, с. 139]. И этот мир извечных загадок бытия и сознания легко размещается на вашем

письменном столе, потворствуя желанию «отгонять печаль размышлениями».

Нетрудно усмотреть структуру стратегии *edutainment* в отношении культуры интеллектуального досуга: начальный *поэтико-семиотический* уровень предполагает погружение в эстетику мира головоломок; продвинутый *риторико-методологический* – рассчитан уже на постижение радости интеллектуального труда в принятии решений. Очевидная синтетичность стратегии позволяет оформлять эти этапы как с индивидуально-образовательной (тренинговой), так и с социально-развлекательной (клубной) доминантой.

1. Аристотель. Метафизика [Текст] / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63–367.
2. Аристотель. Поэтика [Текст] / Аристотель // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 645–680.
3. Аристотель. Риторика [Текст] / Аристотель // Античные риторики / ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–166.
4. Архимед, Гюйгенс, Ламберт, Лежандр. О квадратуре круга. С приложением истории вопроса, составленной Ф. Рудио, профессором Цюрихского политехникума / пер. с нем. Харьков, 1911. 155 с.
5. Барр, С. Россыпи головоломок [Текст] / С. Барр / пер. с англ.; под ред. И. М. Яглома. М.: Мир, 1987. 415 с.
6. Бобров С.П. Волшебный двурог, или Правдивая история небывалых приключений нашего отважного друга Ильи Александровича Камова в неведомой стране, где правят: Догадка, Усидчивость, Находчивость, Терпение, Остроумие и Трудолюбие и которая в то же время есть пресветлое царство веселого, но совершенно таинственного существа, чье имя очень похоже на название этой удивительной книжки, которую надлежит читать не торопясь [Текст] / С.П. Бобров. М.: Детская литература, 1967. 496 с.
7. Демурова Н.М. Эти маленькие шедевры [Текст] / Н.М. Демурова // Стихи матушки Гусыни: сборник / сост. Н. М. Демурова; на англ. яз. с избр. русскими переводами. М.: Радуга, 1988. С. 15–30.
8. Дьюдени Г. Кентерберийские головоломки [Текст] / Г. Дьюдени / пер. с англ. М.: Мир, 1979. 353 с.
9. Ершов, Ю.Л. Современная философия математики: недомогания и лечение [Текст] / Ю.Л. Ершов, К.Ф. Самохвалов. Новосибирск: Параллель, 2007. 143 с.
10. Журинский А.Н. Семантическая структура загадки: Неметафорические преобразования смысла [Текст] / А.Н. Журинский. М.: Наука, 1989. 128 с.
11. Кислов, А.Г. Культура интеллектуального досуга: поэтика задач и риторика решений [Текст] / А.Г. Кислов // Модели рассуждений – 4: Аргументация и риторика. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2011. С. 119–136. (См. также: Кислов, А.Г. Культура интеллектуального досуга: поэтика задач и риторика решений // Рацио.ru. Электронный научный журнал. Вып. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kantiana.ru/ratio/issues/2206/> (дата обращения: 11.11.2012).
12. Кислов, А.Г. Смеховые «языковые игры»: подмена правил и эффект узнавания [Текст] / А.Г. Кислов // *Δόξα / Докса*. Збірник наукових праць з філософії та філології. Вип. 5. Логос і праксис сміху. Одеса, 2004. С. 107–113.
13. Кэрролл, Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье [Текст] / Л. Кэрролл / пер. с англ. и подготовка издания Н.М. Демуровой; отв. редактор Б.И. Пуришев. М.: Наука, 1978. 368 с.
14. Родин, А.В. Математика Евклида в свете философии Платона и Аристотеля [Текст] / А.В. Родин. М.: Наука, 2003. 211 с.
15. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики / отв. ред. И.Д. Рожанский. М.: Наука, 1989. 576 с.

*См. также: «В ходе обучения практические задачи, разумеется, не решались непосредственно: использовались имитации практических задач (как это делается и в современных школьных учебниках), а основные вычислительные приемы осваивались сами по себе без всякой апелляции к практическим задачам» [14, с. 11].

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ И ЗАКОНАХ РАЗВИТИЯ НАУКИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

УДК 001.18

М.Т. ШАФИКОВ

Наука представляет собой специфический социальный феномен, характеризующийся автономностью. Однако эта автономность относительна, так как наука самым тесным образом связана с деятельностью людей, с содержанием и характером общественного производства. Поэтому принципы и законы развития науки во многом определяются общими принципами и законами органической и социальной эволюции. К такого уровня принципам развития науки относятся принципы саморазвития, самоорганизации и коэволюции. Под влиянием глобальных принципов развития мира формируются наиболее общие законы развития науки. К существенным связям такого рода, обнаруживаемым в процессе движения науки как сложного и неоднозначного социального феномена, относится и взаимопределенность развития науки и смены типов научной рациональности.

В связи с тем, что наука есть социальный феномен, обладающий некими общими свойствами, присущими всем общественным явлениям, и одновременно имеющий свою специфику, трудно констатировать хоть какую-либо решающую роль либо внутренних, либо внешних факторов в ее развитии. Состояние и движение науки определяются как извне, так и изнутри. Вследствие методологического влияния разного рода внешних факторов, в том числе религии, философии, идеологии и так далее, нередко наука претерпевает существенные изменения, что происходит и в нынешней России. В то же время различным формам бытия науки присущи некие внутренние механизмы ее движения. С этой точки зрения законы развития науки заключают в себе связи, формирующиеся под воздействием системы внешних и внутренних по отношению к науке факторов. Такой характер связей обнаруживается также и между процессом развития науки и сменой типов научной рациональности.

Развитие науки и смена типа научной рациональности – это двуединый процесс. Они являются двумя взаимосвязанными и взаимообусловленными сторонами одного и того же процесса – процесса сущностного познания мира. С одной стороны, развитие науки неизбежно влечет за собой типологические изменения в научной рациональнос-

ти, с другой – особенностями научной рациональности определяется то, какую науку мы имеем, ибо всякие движения в науке обусловлены влиянием типа научной рациональности.

Научная рациональность представляет собой систему принципиальных установок в отношении понимания роли и места человеческого разума в процессе научного познания:

– либо разум этот и познаваемое не связаны друг с другом и исключают взаимовлияние в рамках научно познавательного процесса;

– либо разум (соответственно субъект разума) влияет на познаваемое и привносит свою коррекцию в его образ;

– либо разум и познаваемое взаимосвязаны и накладывают своеобразный отпечаток на качества и характеристики друг друга.

Какая из этих установок научной рациональности становится предпочтительной, в первую очередь, зависит от уровня развития науки. Содержание науки как системы знаний, особенности ее состояния как сферы деятельности, характеристики как социального института и феномена культуры неизбежно делают востребованной, по нашему мнению, определенную научную рациональность. Но в то же время тот или иной тип научной рациональности определяет особенности любой из форм бытия науки. Именно этой устойчивой и внутренней взаимосвязью характеризуется научно-познавательный процесс. В этом смысле можно констатировать, что процессу развития познания мира присуща следующая закономерность: изменение науки определяется изменением научной рациональности и наоборот.

Разумеется, развитие науки в России не могло и не может идти в разрез всеобщих принципов коэволюции и саморазвития. Ей тоже свойственна смена типов научной рациональности, которая носит порой определяющий, а в иные периоды истории мировой науки догоняющий характер. В России неклассический тип научной рациональности являлся определяющим до рубежа 80-х – 90-х годов XX века. С начала 90-х годов наблюдается бурный процесс переосмысления принципов научной рациональности и перехода к постнеклассическому ее типу. Первопричиной этого стала,

естественно, открытость новой России, повлекшая за собой охваченность страны глобализационными процессами. Объясняется это тем, что в мировой науке второй половины XX века господствовал постнеклассический тип научной рациональности.

Закономерная связь между сменой типов научной рациональности и развитием науки обнаруживается при рассмотрении любой из форм ее бытия. Наука как специфическая система знаний исторична, и точно также исторична научная рациональность, порождающая эту систему. Научные знания и научная рациональность взаимообусловлены: характер этих двух составляющих эпистемологии не может быть кардинально различным. На базе научных знаний формируются основы того или иного типа научной рациональности: классического, неклассического и другого. Именно на содержание знаний, признанных как научные, ориентируется ученый, осуществляющий конкретно исторический исследовательский поиск в любой предметной области. Характерная ему рациональность не может идти в разрез с научными знаниями. Тип научной рациональности, которым руководствуется ученый, в определенной степени согласуется со знаниями своего времени. Но в то же время организация этих изысканий и, более того, даже конечные их результаты, в частности, научные факты, как форма проявления знаний, во многом определяются особенностями научной рациональности, которой руководствуются субъекты научного познания. Ключевым и определяющим фактором при этом является, с нашей точки зрения, трактовка сущности субъект–объектных отношений в процессе познания. Совершенно разных результатов можно достичь в ходе исследования, если руководствоваться идеей разделенности субъекта и объекта познания или же рассматривать их в одной системе как взаимовлияющие и формирующие друг друга. Так, с первой позиции понимания можно констатировать факт лапласовского детерминизма, линейной причинности, не предусматривающей разнотечения. Разнотечение исключается, так как объект познания не вариативен. Он такой, какой он есть, и в виде единственного такого существует вне субъекта познания, сам по себе, и абсолютно не зависит от него. Соответственно, в системе научных знаний периода этой научной рациональности мы имеем дело с истинами, претендующими на статус истин конечной инстанции. Научное объяснение многих явлений и процессов, в том числе и психических, упрощенно прямолинейное, однозначное и преимущественно субъективистски безопас-

ляционное (в частности, бихевиоризм, утверждающий линейную связь «стимул – реакция»).

Система знаний классической науки существенно не изменялась до конца XIX – начала XX веков. Она считалась идеальной, и ей был присущ завершенный вид. В ней имели место ориентация на однозначное изучение событий и на игнорирование возможности влияния субъекта познания, в частности через предпочтительно используемые им средства и методы исследования, на содержательный контекст научных знаний. Соответственно, и научная рациональность классического типа казалась непогрешимой.

Однако ситуация резко изменилась в результате прорывного развития естественно-научного цикла знаний на рубеже двух веков. Открытие радиоактивности отдельных химических элементов, структурности атома, квантового строения энергии и так далее требовало иного типа научно-рационального объяснения происходящего в мире. Оказалось, что самые фундаментальные научные законы и теории, считавшиеся в рамках классической науки абсолютно достоверными и истинами последней инстанции, имеют всего лишь относительный характер. При этом общая характеристика знаний позволяла вести речь о такой степени их относительности, что логично стало предположить о зависимости истин от уровня развития практики и культуры своего времени. В связи с этим научная рациональность прежнего периода развития науки была подвергнута сомнению.

С точки зрения нового типа научной рациональности субъект познания оказывает на него внутрисистемное воздействие. Вследствие этого становится возможным субъективированное содержание истины, разнотолкование одного и того же объекта научного познания, констатация относительного характера связей и их нелинейности. В этой научной рациональности содержится и следующая идея, своего рода установка: субъект научного познания, то есть ученый, может по-своему воздействовать на объект изучения и тем самым представить субъективированное знание в качестве объективированного. В зависимости от того, что хотелось бы ученому получить в качестве результата исследования, каковы его возможности и способности в плане организации научно-исследовательского процесса, в какой мере он может претендовать на сущностное познание, видение истины может быть разным. Руководствуясь такой научной рациональностью, безусловно, наука как система знаний претерпела существенные изменения,

революционно преобразилась. На основе таких принципов отношения к научному знанию и познанию развивалась мировая наука в конце XIX века и в первой половине XX века, а российская наука – до 90-х годов прошлого столетия.

Развитие научных знаний в конце XIX и в начале XX века позволило утверждать, что одна и та же предметная область, одно и то же физическое или другого рода явление может быть описано разными теориями. Такая возможность была обусловлена не только наличием различных ракурсов исследования объекта, но и разнопониманием самих субъектов познания и варьированием задач исследования одного и того же объекта. Иначе говоря, система научных знаний сама обозначила тот факт, что деятельность исследователя как субъекта влияет на содержательный контекст науки и определяет его. Именно этим фактом объясняется то, что наряду с механикой Ньютона имеет место механика Гамильтона и механика Герца, которые различаются лишь исходными позициями их авторов в понимании той или иной физической величины в качестве главной составляющей механической картины мира... В различных областях знаний оказались правомерными различные научные концепции и теории: в частности, в физике – волновая и корпускулярная теории света; в психологии – гештальтпсихология и бихевиоризм и так далее. Таким образом, революционное развитие содержания науки как системы знаний в закономерной форме повлекло за собой существенные изменения в характеристиках научной рациональности, которыми руководствуются люди в ходе научного познания. В результате правомерными и равноправными стали считаться различные описания одного и того же объекта научного познания. Существенно изменилось понимание предмета научного познания. В качестве такового стали воспринимать не саму реальность, не сами объекты реальности, а некоторый их ракурс бытия, конструируемый субъектом познания, благодаря использованию исторически оправдавших себя и вписывающихся в культуру познания теоретических и эмпирических методов научного исследования. Одновременно в рамках нового типа научной рациональности имело место положение о том, что в зависимости от принципиальной разности условий, в которых реализуются отношения между субъектом и объектом познания, существенно различными могут оказаться и проявляемые объектом познания свойства. Более того, выяснилось, что осуществляемое в процессе научного

исследования измерение оказывает некое воздействие на саму измеряемую величину, тем самым искажая ее. В связи с этим стало считаться рациональным признание необходимости учета возможной исследовательской коррекции, вносимой в содержание результатов научного познания.

Таким образом, оказалось, что в отношении науки как специфической системы знаний действует закон: изменение характера и содержания научных знаний определяются влиянием господствующего в обществе типа научной рациональности, и наоборот. Этот закон является относящимся, в сущности, к внутреннему механизму развития науки как системы знаний. Но наука имеет и другие формы своего бытия. Она существует и как сфера деятельности, и как феномен культуры.

Не вызывает сомнений закономерная взаимосвязь характеристик науки как сферы деятельности и особенностей научной рациональности. С целью познания сущности предметов мира и их отношений ученые осуществляют определенную деятельность. При этом они руководствуются различными принципами и используют те или иные методы в зависимости от того, как они характеризуют отношение человеческого разума к объекту научного познания и оценивают рациональные научно-познавательные возможности. Именно господствующим типом научной рациональности определяется как содержание, так и направленность научно-исследовательской деятельности. Если признавать, что разум познает пассивный по отношению к нему объект таким, каков он есть на самом деле, как «вещь в себе», а не как «вещь для нас», то есть без какого-либо субъективного преломления, как это принято считать в классическом типе научной рациональности, то результат научно-исследовательской деятельности должен быть безальтернативным. Процесс познания отражает при этом жесткую детерминистическую линию связей и событий действительности. Если же, согласно неклассическому типу научной рациональности, считать, что познающий всячески субъективирует познаваемое, то становятся правомерными и равносильными различные картины мира. Субъект познания, находясь в одной системе с объектом познания, взаимосвязан с ним и имеет дело с субъективно преломленным его образом. Обусловлено это тем, что познание осуществляется разумом, точнее его носителем. Наряду с этим познающий, безусловно, руководствуется личным опытом и исходит из данных собственных органов чувств. Мир отчасти рассматривается

как комплекс ощущений субъекта познания. Такое понимание сущности отношения познающего и познаваемого лежало в основе неклассического типа научной рациональности. Благодаря последнему наступила отмеченная выше эра научного плюрализма, а также поиска и выработки новых нетрадиционных, нередко иррациональных форм и технологий научно-исследовательской деятельности. Возможности достижения высоких показателей в научно-исследовательской и познавательной деятельности стали увязываться с возможностями свободного обмена мнениями между учеными. Высоко оценивалась эмоциональная и интуитивная составляющие этой деятельности. Революционное изменение системы научных знаний подхлестнуло интерес к совершенствованию форм научно-познавательной деятельности. Причем зарождающийся тип научной рациональности предъявлял свои требования к ее организации. В силу того, что субъект познания изучает мир и объекты через призму собственного преломления, то есть допуская плюрализм концепций и теорий, а также правомерность различных научных альтернатив, считалось необходимым уже в ходе познавательного процесса сталкивать разномнения. Для этого разработаны были соответствующие методики научно-исследовательской деятельности. С точки зрения широты разномнений и степени нацеленности на решение познавательных задач наиболее популярными стали такие формы деятельности в науке, в том числе и в российской, как мозговой штурм и деятельность научных коллективов и школ. Так повлиял неклассический тип научной рациональности на содержание деятельности ученого, то есть на науку как сферу деятельности. Субъект научного познания, осуществляя свою деятельность, стал учитывать собственное влияние на научно-исследовательский процесс и его результаты.

На основе неклассического подхода к трактовке субъект-объектных отношений в процессе познания стали возможным открытие новых научных фактов и законов, разработка неклассических научных теорий. В результате существенно изменилась научная картина мира: характеристики макромира стали дополняться характеристиками микромира. На этом новом уровне стали обнаруживаться совершенно иного типа связи и отношения между объектами познания. Более того, на микроуровне по-новому предстали и субъект-объектные отношения, которыми характеризуется научно-познавательный процесс. Формирующееся новое видение

содержания отношений между субъектом познания и объектом познания стало знаменовать к середине XX века наступление эры постнеклассической научной рациональности. Во второй половине двадцатого века научная мысль развивалась уже с учетом принципа взаимовлияния познающего и познаваемого. Этот процесс широко охватил и постперестроечную российскую науку.

Согласно постнеклассическому типу научной рациональности влияние познающего на объект познания определяется его целями. Однако, в свою очередь, эти цели не являются пустыми абстракциями, а привязаны к конкретике реальной действительности, которая характеризуется объективностью, то есть заданностью объектом, «вещью в себе». Следовательно, то, что продуцирует ученый в процессе научного познания, исходно определяется свойствами и природой объекта познания. При этом любой объект познания рассматривается, с точки зрения постнеклассической рациональности, как сложная самоорганизующаяся система, то есть синергетически.

Одной из особенностей следующего за неклассическим типом научной рациональности постнеклассического ее типа стало понимание учеными природных объектов как неких самоорганизующихся систем, находящихся в постоянном историческом развитии. Разумеется, такое понимание не является следствием абсолютной абстракции. В основе его лежало объективно задаваемое предметное содержание научных знаний, то есть предметность и объективность науки как системы знаний. Научные знания второй половины XX века упрямо свидетельствовали о том, что исследуемому миру объектов характерен всеохватывающий принцип самоорганизованного развития. Причем в эту систему объектов включалось и сознание, которое тоже самоорганизовано и находится в состоянии развития. Безусловно, в первую очередь такое содержание научно-фактологического материала востребовало соответствующего научно-рационального осмысления действительности. В результате стал утверждаться новый тип научной рациональности, на основе которого была воссоздана постнеклассическая картина мира. В ней главная роль отводилась открытым и нелинейным процессам, обнаруживаемым не только в физических и химических объектах, но и в биологических и социальных системах. Новая научная рациональность заключала в себе понимание мира как находящегося в неравновесном состоянии и имеющего неопределенное будущее, так как даже случайные и незначительные изменения могут повлечь за собой изменения макромасштабные и непредсказуемые.

Принципиальным является с точки зрения постнеклассической научной рациональности и идея глобальной эволюции, сопровождающейся самопроизвольным выбором и случайными отклонениями. В основе такой научной рациональной установки лежит утверждение идеи целостности всего существующего в мире. Все мироздание, с точки зрения постнеклассической научной рациональности, представляет собой единое целое. Различные уровни его организации, такие как уровень элементарных частиц, социальный уровень и самоорганизующееся сознание находятся в тесной взаимосвязи и определяют эволюцию друг друга. Из этого видно, что новая научная картина мира исходит из принципа коэволюции, согласно которому все системы или подсистемы мироздания охвачены взаимообусловленными изменениями. Причем научно-исследовательская фактология указывает на то, что отмеченные изменения носят характер развития, так как ведут к повышению упорядоченности и усложнению организованности мира в целом и его подсистем в частности. Именно поэтому в основе постнеклассической научной картины мира лежит идея глобального эволюционизма. При этом исходные причины всеохватывающих эволюционных изменений, как и самоорганизации всех объектов действительности в единую целостную мировую систему, постнеклассическая наука видит в связях и отношениях, обнаруживаемых на уровне микромира. Макромасштабные изменения, происходящие в мире, причинно обусловлены, таким образом, незначительными изменениями в микромире, которые нередко носят случайный характер. Такую научную картину мира, на наш взгляд, рисует постнеклассическая научная рациональность. Она позволила развить такие отрасли научных знаний, как генетика и геновая инженерия, нанотехнологии и так далее. Наука как система знаний стала больше ориентироваться на изучение уровня организации тонкой материи и энергии. Одновременно наука, как сфера деятельности, обрела более организованный характер, усилился контроль за этой деятельностью и ее результатами, которые нередко оказывались непредсказуемыми и могли вызвать эффект бабочки как в созидательном, так и разрушительном смысле.

Обозначившиеся к началу XXI века под влиянием постнеклассического типа научной рациональности тенденции развития науки свидетельствуют, с нашей точки зрения, о необходимости выработки основ адекватного

духу времени типа научной рациональности. Ей, видимо, станут присущи следующие черты, которые сегодня уже отчасти наблюдаемы как в мировой, так и российской науке. Прежде всего, грядущая научная рациональность, по нашему мнению, должна руководствоваться принципами всеобщности и гуманизма. Именно философичность и человечность целевых установок являются главными условиями использования разума в процессе сущностного познания современного мира. В связи с этим новый тип научной рациональности следует, видимо, обозначить как философско-гуманистический. В сущности, формирование его уже идет. Если свидетельством гуманизации науки и научной рациональности является постепенное распространение и на них принципов и норм общечеловеческого бытия, то об усилении их философского характера говорит факт интегрирования знаний на всеобщем уровне. В результате, с одной стороны, обрела свое становление и получила развитие такая дисциплина, как этика науки, а с другой – наблюдается имеющий характер цепной реакции процесс философского осмысления не только различных сфер человеческой деятельности (философия образования, философия политики и т.д.) и социальных феноменов (философия науки, философия техники и т.д.), но и частных наук (философия математики, философия истории, философия физики и т.д.).

Формирующийся тип научной рациональности, признавая взаимозависимость субъекта и объекта познания и заключая их в одну всеобщую систему, идет дальше. Он видит в природе и того, и другого противоречивое единство разрушительной и созидательной силы. Субъект познания является продуктом противоречивого развития объективного мира. Поэтому он и сам генетически противоречив по своей сути. Осуществляя различные формы деятельности, в том числе и научно-познавательную, человек производит тот или иной продукт, который тоже содержит созидательную и разрушительную силу. В связи с этим новый тип научной рациональности принципиально направлен на поиск разумного разрешения указанного противоречия, содержащегося в мировом цивилизационном движении. От того, насколько научная рациональность сможет сориентировать людей на созидательное отношение друг к другу, к своей деятельности и ее продуктам, в том числе к научному знанию, тем самым минимизируя разрушительный характер этого отношения, зависит будущее как российского общества, так и мировой цивилизации в целом.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В УСЛОВИЯХ «МОНЕТИЗАЦИИ ЛЬГОТ» (2004–2010)

УДК 94(470)

Г.С. СМИРНОВ, С.С. СМИРНОВ

Социальная реабилитация является важнейшим средством интеграции инвалидов в общество. Новая социальная политика в отношении лиц с проблемами здоровья провозгласила ее своей главной целью. Однако реальная ситуация, сложившаяся в результате рыночного реформирования, демонстрирует совершенно иную картину. Абсолютное большинство инвалидов оказались еще более изолированными, чем до объявления нового курса. Начавшийся с 1992 г. системный кризис больше всего ударил по самым социально незащищенным категориям населения, особенно по инвалидам. Возможности реализации их законных прав на пенсии, льготы и компенсации заметно сузились, а численность инвалидов значительно увеличилась. В Челябинской обл. в 2000 г. на учёте в органах социальной защиты населения их состояло 165 тыс., в 2005 г. – 200 тыс., в 2010 г. – 240 тыс. Таким образом, за десятилетие рост составил свыше 45% [6, д. 59, л. 21].

Однако эта динамика не столько следствие ухудшения здоровья населения, сколько результат «аппаратных игр» в соответствующих ведомствах с целью получения дополнительного финансирования. Так, в ходе реформы льготного обеспечения граждан («монетизации льгот») и введения программы дополнительного лекарственного обеспечения (ДЛО) с 2004 г. «сверху» шли неофициальные команды массово «выводить пенсионеров на группу», чтобы раздуть общий бюджет программы. Эту тенденцию подтверждают результаты мониторинга ситуации, проводимого Всероссийским обществом инвалидов (ВОИ). По данным ВОИ, «в 2005–2006 годах резко увеличился приток на первичное освидетельствование медико-социальными экспертными комиссиями (МСЭК) лиц пенсионного возраста, имеющих те или иные признаки инвалидности. Это привело к существенному росту общей численности инвалидов в России и соответственно – к заметному увеличению нагрузки на федеральный бюджет и бюджет Пенсионного

фонда РФ» [4, с. 34]. Расходы росли, а качество реабилитации не улучшалось. После того как программа ДЛО в 2007 г. столкнулась с серьезным кризисом, МСЭК, по сведениям активистов пациентского движения, повсеместно стали ужесточать требования к подтверждению инвалидности, т.е. «стандарт» трудоспособности конъюнктурно повысился. Кроме того, для получения «хороших отметок» на территории региона и муниципального образования должно ежегодно снижаться количество людей, впервые признанных инвалидами. В этом случае лучшим способом избежать взыскания «сверху» оказывается отказ переводить хронических больных на группу [4, с. 34].

Принятый в 2004 г. Федеральный закон № 122-ФЗ существенно изменил порядок социальной реабилитации инвалидов [3]. С середины 2000-х гг. основные социально-реабилитационные функции в связи с внедрением страховых принципов перешли в компетенцию федерального бюджета и фондов социального страхования (ФСС) и обязательного медицинского страхования (ФОМС). С 2005 г. из ведомственной подчинённости органов социальной защиты населения субъектов РФ были изъяты медико-социальная экспертиза, ортезирование и протезирование, обеспечение средствами передвижения. Сохранились лишь полномочия по предоставлению льгот по оплате жилья и коммунальных услуг [6, д. 59, л. 21].

После перехода в федеральное подчинение условия деятельности МСЭК ухудшились. Хотя численность инвалидов возросла, общее число комиссий и количество специалистов в них практически не увеличилось. К началу 2009 г. на территории Челябинской обл. действовали (как и в 1980-е гг.) 28 филиалов и 6 главных составов бюро МСЭ. В них было занято 178 специалистов. Если врачей-экспертов (118 человек) было в целом достаточно, то реабилитологов (26 чел.), социальных работников (28 чел.) и особенно психологов (всего 8 чел.) явно не хватало. Абсолют-

ное большинство комиссий по-прежнему размещалось в тесных и плохо приспособленных помещениях. Даже и при наличии других специалистов в составе комиссии им просто негде было бы разместиться. Это отрицательно сказывалось как на качестве индивидуальных программ реабилитации (ИПР), так и на предусмотренных этими программами реабилитационных мероприятиях.

В связи с ростом инвалидности и бюрократизацией назначения реабилитационных мероприятий число освидетельствований неуклонно росло. Если в 2005 г. в области было освидетельствовано 105144 человека, то в 2008 г. уже 112040. Увеличилось соответственно и число заседаний (с 4538 до 5303). Зато снизилось количество выездных заседаний (с 1507 до 1153). Это означает, что около 8 тыс. человек в год из отдалённых районов были вынуждены сами выезжать на освидетельствование.

С 2005 г. разработка ИПР для инвалида стала обязательной процедурой. Только за 4 года (с 2006 по 2009) число выданных ИПР возросло с 77,5 тыс. до 98 тыс. (с 60% освидетельствованных до 109,3%) [9, с. 6]. Переход на обязательные ИПР ещё более усугубил проблемы, связанные с установлением группы инвалидности, получением технических средств реабилитации (ТСР), протезно-ортопедической помощи и лекарственным обеспечением. Об этом свидетельствуют результаты мониторингов, проводившихся ВОИ в 2005–2007 гг. В результате обеспечение (ТСР) и протезно-ортопедическими изделиями (ПОИ) по ряду позиций ухудшилось даже по сравнению с 1990-ми годами.

В дальнейшем финансовые проблемы лишь нарастали. Становилось ясно, что в качестве заказчика региональные отделения ФСС справляются со своими обязанностями гораздо хуже, чем это делали органы социальной защиты. Переход на конкурсное размещение заказов и передача с 2005 г. прав заказчика ФСС заметно ухудшили деятельность протезно-ортопедических предприятий, поставили их на грань краха.

Однако, по мнению экспертов ВОИ, «основной причиной усиления или сохранения крайне неблагоприятной ситуации с получением инвалидами ТСР и ПОИ стала растущая несбалансированность объема потребности инвалидов в этих средствах и изделиях с объемом ресурсов, выделяемых из федерального бюджета на ее удовлетворение» [1]. Об этом свидетельствовали

объективные данные отчетов Счетной палаты РФ, из которых следует, что в 2005 г. заявленная ФСС потребность в денежных средствах на обеспечение инвалидов ТСР и ПОИ покрывалась федеральными ассигнованиями лишь на 68,1%. Недостающая до удовлетворения заявленной ФСС потребности инвалидов в ТСР и ПОИ сумма составила в 2005 г. 2176 млн руб. Исходя же из запланированных ассигнований из федерального бюджета 2007 г., этот показатель сократился до 62,7%. Разница между заявленной и обеспеченной денежными ресурсами потребности инвалидов в ТСР и ПОИ в 2007 г. составила уже не 2,2 млрд руб., а 3,4 млрд, – отмечалось в отчете ВОИ.

Второй проблемой, но уже организационно-управленческого характера, «стало крайне медленное перечисление федеральных средств на эти цели в отделения ФСС на местах, а также неоправданно позднее проведение последними тендера на размещение заказов организациям – поставщикам и изготовителям соответствующих видов ТСР. Как правило, эти процедуры растягивались на весь первый квартал года и полностью исключали возможность получения инвалидами в этот период любых видов ТСР и ПОИ» [1].

Невозможность заказа и получения инвалидами технических средств реабилитации и протезно-ортопедических изделий в первые три-четыре месяца года стала всеобщим явлением. Не была в этом смысле исключением и Челябинская область.

Обязательные конкурсные аукционы на поставку и изготовление ТСР и ПОИ, кроме невозможности заказа и получения ТСР и ПОИ в первом квартале года, спровоцировали и «стремление региональных отделений ФСС заключать договоры с организациями и предприятиями, предлагающими ТСР и ПОИ по более низкой цене, но и худшего качества... Критерий дешевизны стал основополагающим при проведении конкурсов на их поставку и изготовление», что явилось прямым следствием хронического федерального недофинансирования программ обеспечения инвалидов ТСР и ПОИ в целом. Критическая ситуация с обеспечением инвалидов целым рядом конкретных видов ТСР и ПОИ приобретала всё более острый характер. Представители организаций инвалидов и пресса заговорили уже о недостатке не только протезов, но и самого элементарного. «Критическое положение сложилось с обеспечением инвалидов памперсами и абсорбирующим бельем,

относящимися к предметам неотложного повседневного пользования» [1].

Об этом же писала в 2008 г. и местная пресса: «Федеральных денег не хватает не только на санаторное лечение, но даже на средства реабилитации. У нас в области удовлетворены лишь чуть больше половины нуждающихся. Речь идет о лежачих больных, глубоких инвалидах, которым жизненно необходимы памперсы, калоприемники, коляски, кровати, противопролежневые матрасы и прочие средства реабилитации, которые должны предоставляться людям распоряжением правительства. Только у нас почему-то не принято об этом говорить. Но без таких элементарных средств существование человека, прикованного к постели, инвалидной коляске, и жизнь его родных становятся чудовищным мучением. Они не могут месяцами ждать, однако заявки удовлетворены лишь за два квартала прошлого года» [2]. Не лучше обстояло дело и с протезами: «самой острой, кричащей проблемой стало обеспечение людей, потерявших руки и ноги, протезами. Раньше этим исправно занимались два протезно-ортопедических предприятия области в Челябинске и Магнитогорске. Но они в буквальном смысле слова остановились: изготавливают протезы лишь за наличный расчет. Одна такая рука или нога стоит 100 тысяч рублей. Какому инвалиду она по карману?». Газета сообщала, что «Редакция получает душераздирающие письма из всех районов области, ведь 67 тысяч заявок инвалидов не выполнены. Потому что из федерального бюджета в прошлом году на эти цели выделено 290 миллионов рублей, а необходимо 540» [2].

С наступлением очередного экономического кризиса ситуация стала настолько критической, что руководством страны было принято решение о возвращении заказов на обеспечение федеральных льготников ТСП и ПОИ региональным органам социальной защиты. В 2010 г. в восьми регионах проводился «эксперимент» по возвращению части полномочий ФСС в систему социальной защиты, который был признан удачным. С начала 2011 г. он был распространён ещё на 13 субъектов РФ, включая и Челябинскую обл., а с 2012 г. начался перевод на старую систему всей территории страны [7].

Таким образом, решение о передаче полномочий по обеспечению ТСП и ПОИ Фонду социального страхования оказалось ошибкой. Однако Фонд, как, впрочем, и

органы социальной защиты, выступает лишь в качестве заказчика. Финансирует закупку всё тот же федеральный бюджет и всё также в заниженных относительно потребностей объёмах. Следовательно, проблема остается нерешенной.

Важным средством социально-средовой реабилитации инвалидов с заболеваниями опорно-двигательной системы является снабжение их средствами передвижения (специально оборудованными автомобилями, мото-, вело- и кресло-колясками). На протяжении всего периода реформирования государственное обеспечение ими инвалидов было организовано крайне неудовлетворительно. Однако к 60-летию юбилею Победы предполагалось обеспечить спец. автомобилями хотя бы всех еще оставшихся в живых инвалидов войны. В Челябинской обл. планировалось завершить эту программу в первом полугодии 2003 г. [8]. В принципе был решён и вопрос о денежной компенсации на транспортное обслуживание. Кроме того, по Федеральному закону «О социальной защите инвалидов в РФ» в 2002 г. получили автомобили 342 инвалида других категорий, ставшие в очередь от 13 до 6 лет назад (с 1989 по 1996 г.). 600 человек были обеспечены кресло-колясками [6, д. 1703, л. 27–28]. В 2003 г., объявленном Годом инвалида, было выдано ещё 79 автомобилей [6, д. 1784, л. 30]. Таким образом, проблема, хотя с трудом и не полностью, но всё-таки областным руководством решалась.

Однако с 1.01.2005 г. была отменена ст. 30 закона «О социальной защите инвалидов в РФ», вследствие чего инвалидам, имеющим медицинские показания на получение автотранспортного средства, выдача была прекращена. Исключение было сделано лишь для тех, кто встал на очередь для получения «Оки» в период до 1.01.2005 г. Это привело к тому, что в 2006 г., по сравнению с 2004 г., обеспечение автотранспортом инвалидов сократилось в 9,3 раза. В Челябинской обл. в 2004 г. было выделено для бесплатной выдачи этой категории граждан автомобилями «Ока» – 954, в 2005 – 50, в 2006 г. – 70 [6, д. 247, л. 22 об.]. В 2008 г. автомобили получили 315 человек, воспользовались компенсациями – 267 человек. Завершить обеспечение инвалидов войны транспортными средствами в области удалось лишь к 2009 г. К этому времени их численность значительно сократилась: во-первых, прекратилась повторная постановка в очередь тех, у кого закончился срок эксплуатации полученного ранее автомобиля. Им теперь

предлагалось «приватизировать» отработавшую ресурс и подлежащую списанию технику и в дальнейшем самим заботиться о приобретении новой машины. Во-вторых, прогрессивно росла «естественная убыль» таких претендентов. Самым «молодым» из них перевалило за 80.

Что касается других категорий (инвалиды от общего заболевания и инвалиды с детства) в 2007 г. им была предложена далеко не равноценная компенсация, которой в Челябинской обл. смогли воспользоваться 744 очередника [11]. Так была «решена» проблема обеспечения инвалидов спец. автотранспортом.

Таким образом, основные проблемы обеспечения инвалидов средствами реабилитации, без чего немислимо говорить об их интеграции в общество, на протяжении двух десятилетий разрешены не были, а в последние годы даже обострились. Изъятие у органов социальной защиты населения функций по управлению деятельностью МСЭК, составлению и реализации ИПР, обеспечению инвалидов средствами индивидуальной реабилитации (включая протезно-ортопедические изделия, инватехнику и спец. автотранспорт) и передача их органам медицинского и социального страхования существенно ухудшили ситуацию и, в конечном счёте, было признано ошибочным решением и частично отменено.

Сама же область тратила на реализацию программ помощи инвалидам всего по несколько миллионов рублей в год и не могла существенно повлиять на ситуацию. Традиционно из областного бюджета финансировались две региональные программы, направленные на социальную поддержку инвалидов и улучшение качества их жизни:

первая – «Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов и маломобильных групп населения к объектам социальной инфраструктуры и к информации в Челябинской области» на 2003–2006 годы. Объем её финансирования в 2004 г. составил 3 млн 400 тыс. руб.;

вторая – «О мерах социальной защиты инвалидов в Челябинской области» на 2004–2006 годы. В рамках этой программы в 2004 г. на поддержку организаций инвалидов, их учебно-производственных предприятий направлено 8 млн 637 тыс. руб., в 2005 г. – уже 36 млн руб. [6, д. 161, л. 22]. На эти средства были приобретены несколько путёвок в специализированный санаторий для инвалидов по зрению, около 600 инвалидов были обеспечены сотовыми или

квартирными телефонами, 2,5 тыс. инвалидов по слуху и зрению получили технические средства реабилитации. Остальное потрачено на укрепление материально-технической базы и оснащение реабилитационным оборудованием учреждений социального обслуживания.

Впрочем, реализация программ не улучшала общую плачевную ситуацию. По словам министра социальных отношений, «объекты инфраструктуры (за небольшим исключением) остаются для инвалидов недоступными» [6, д. 161, л. 23].

В октябре 2006 г. была принята областная целевая программа «Социальная поддержка инвалидов в Челябинской области» на 2007–2010 годы, которая включала в себя теперь уже подпрограмму «Обеспечение беспрепятственного доступа инвалидов и маломобильных групп населения к объектам социальной инфраструктуры и к информации в Челябинской области» [6, д. 251, л. 1]. Объем финансирования программы за счет средств областного бюджета на 4 года был запланирован в 176, 3 млн руб. На реализацию мероприятий 2007 г. из областного бюджета выделялись денежные средства в объеме 48 млн руб. (из них 12,5 млн руб. – на финансирование подпрограммы по беспрепятственному доступу к объектам социальной инфраструктуры [6, д. 251, л. 39–40]. Однако средства по-прежнему использовались лишь для текущих нужд. Непосредственно на обеспечение беспрепятственного передвижения выделялось очень мало. Так, Министерству строительства, инфраструктуры и дорожного хозяйства области, решавшему эту задачу, было выделено всего 2 млн, а на собственно реабилитацию – 420 тыс., за счёт которых приобретены около 40 санаторных путёвок.

Наряду с региональными примерно в половине муниципальных образований действовали собственные целевые программы либо имелись разделы общих программ социального развития, предусматривавшие поддержку инвалидов из местных бюджетов. В основном это были городские районы. В сельских – работа была организована исключительно плохо. Восемь муниципальных образований не смогли даже предоставить систематизированную информацию о положении инвалидов, поскольку не имели о них никаких данных.

В итоге лишь около 6 тыс. инвалидов области смогли пройти частичную социальную реабилитацию, что в масштабах проблем

почти 250 – тысячной «армии» инвалидов было, конечно же, «каплей в море».

В 2009 г. в связи с набравшим силу экономическим кризисом областная программа социальной поддержки была пересмотрена. На реализацию мероприятий программы в 2010 г. были предусмотрены средства в объеме 17,2 млн руб., из которых Министерству социальных отношений Челябинской области – 16,1 млн (из них 6,2 млн – на финансирование подпрограммы) [10, с. 26]. Как видим, по сравнению с предыдущими годами финансирование было существенно урезано. Это не соответствует многократным заявлениям правительства области и губернатора о том, что расходы на социальные нужды сокращены не будут.

В новой («послекризисной») областной целевой программе социальной поддержки инвалидов, рассчитанной на 2011–2015 годы, изначально заложен «кризисный» объем средств. В 2011 г. на реализацию всех мероприятий выделено 20 млн руб. (в ценах 2010 г.), в том числе на подпрограмму развития безбарьерной среды – 12

млн, на 2012 г. – 22,5 млн, в т.ч. на подпрограмму – 14 млн [11]. Как видим, в целом на реализацию программы предусмотрены суммы, более чем вдвое меньше тех, что были выделены в «докризисном» 2007 г.

Таким образом, для преодоления кризисной ситуации в сфере социальной реабилитации инвалидов необходимо решить две основные задачи. Во-первых, сохранить для инвалидов те скромные (по сути, минимально допустимые) показатели их жизнеобеспечения, которые были достигнуты до начала «монетизации», во-вторых, осуществить безусловное выполнение перспективных обязательств, уже взятых на себя государством в отношении этой категории населения. В противном случае инвалиды как самая низкодоходная группа, имеющая дополнительные (в сравнении с другими категориями граждан) насущные потребности, обусловленные утратой здоровья в контексте общего кризиса неизбежно оказываются далеко за критической жизненной чертой и ни на какую интеграцию рассчитывать не могут.

1. Всероссийское общ-во инвалидов. Центральное правление. Анализ результатов мониторинга ситуации в области социальной защиты инвалидов, проведенного ВОИ в I полугодии 2007 г. (по состоянию на 1 июня 2007 года) Москва – 2007 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voi.ru/info.asp?view=1966> (дата обращения: 15.08.2012).

2. Гундарева, И. Чиновники 11 месяцев работали над конкурсами [Электронный ресурс] / И.Гундарева. URL: <http://irinagundareva.com/obshhestvo/897-chinovniki-11-mesyaczev-rabotali-nad-konkursami.html> (дата обращения: 20.12.2012).

3. Закон РФ от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Российская газета. 2004. 31 августа.

4. Крашенинникова, Ю.А. Медицинская статистика как способ легитимации распределения ресурсов в российской системе здравоохранения [Текст] / Ю.А. Крашенинникова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2011. № 4. С.28–42.

5. Малецкая, Ю. В Челябинской области игнорируется обязанность обеспечения инвалидов мерами социальной поддержки [Электронный ресурс] / Ю. Малецкая. URL: <http://www.itogi74.ru/index.php?name=news&or=view&id=335>. (дата обращения: 20.12.2012).

6. Объединенный архив Челябинской области. Ф. Р-948. Оп. 1;18.

7. Путевки и коляски предоставит Минсоцотношений [Электронный ресурс]. URL: <http://www.up74.ru/gubricks/zdravookhranenie/2011/janvar-11/putevki-i-koljaski-predostavit-minsocotnoshenij/> (дата обращения: 20.12.2012).

8. Об итогах социально-экономического развития Челябинской области в 2002 году и задачах на 2003 год. Комплексный доклад Губернатора Челябинской области. Челябинск, 2003. 41 с.

9. Социальная защита населения Челябинской области: Информационно-аналитический бюллетень за 2008 г. Челябинск: Правительство Челябинской обл., 2009. 110 с.

10. Текущий архив Министерства социальных отношений Челябинской обл. Протоколы коллегий. Протокол №2 расширенного заседания коллегии от 25 января 2008 г.

11. Текущий архив Министерства социальных отношений Челябинской обл. Протокол №1 заседания коллегии от 20 февраля 2009 г.

ФОРМИРОВАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА В ПЕРВЫЙ ГОД ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ: КРАСНАЯ ГВАРДИЯ ЧЕЛЯБИНСКА

УДК 94(47)

А.А. АБРАМОВСКИЙ, А.П. АБРАМОВСКИЙ

В переходные периоды любого государства происходит эволюция государственного механизма, в первую очередь его силового блока. В современной России реформируется судебная и пенитенциарная система, полиция, не избежала этого процесса и армия. При ее реформировании в современных условиях эволюции общества от социализма к капитализму нельзя не учитывать опыт пролетарской армии, возникшей, в свою очередь, взамен царской при переходе от буржуазного государства к социалистическому. Красная Армия создавалась на основе функционировавших до нее красногвардейских отрядов.

С восстановлением власти Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов и созданием Военно-революционного комитета Красная гвардия 23 ноября 1917 года перешла в его распоряжение. Исследователи создания института Красной гвардии в Советской России Г.А. Цыпкин и Р.Г. Цыпкина отмечают, что не во всех Уральских уездных центрах во время «триумфального шествия Советской власти» была сформирована Красная гвардия. Челябинск входил в число 19 уездных городов из 34, где было организовано и функционировало данное силовое советское подразделение [13, с. 20].

Был создан городской штаб Красной гвардии во главе с Д.М. Криводановым, членами президиума штаба стали В.И. Евтеев*, Г.Ф. Савин, Г.В. Сутягин, а также младшие офицеры и солдаты, участники мировой войны, занимавшиеся с красногвардейцами военной подготовкой. Штаб Красной гвардии отвечал перед Советом рабочих и солдатских депутатов за боевую подготовку и дисциплину всех ее членов. Они принимали меры к обеспечению отрядов оружием, боеприпасами, нередко обмундированием, продовольствием. Организовывали караульную службу, охрану промышленных предприятий, железной дороги и совместно с военной секцией Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с прапорщиком М.Д. Голубых нередко принимали совместные решения по ликвидации тех или иных непредвиденных действий со стороны контрреволюционных сил.

Красногвардейцы были объединены в 4-х крупных отрядах: железнодорожников (командир В.И. Евтеев), рабочих завода «Столь и К^о» (командир Г.Ф. Савин), рабочих городских мелких предприятий (Д.М. Криводанов**) и рабочих каменно-

* **Евтеев Василий Ильич.** Родился 22 марта 1879 г. в Пензенской губернии. В 1901 г. призван в армию, в 1904 г. вместе с полком дислоцирован на русско-японский фронт. Участник первой революции, арестован, заключен в тюрьму. В 1913 г., отбыв срок ссылки, вместе с семьей приехал в Челябинск, устроился по профессии столяром в железнодорожные мастерские. После Февральской революции летом 1917 г. избран в состав городского Совета рабочих и солдатских депутатов, Железнодорожного районного Совета и райкома РСДРП(б). Организатор и командир красногвардейского отряда железнодорожных мастерских, заместитель начальника городского штаба Красной гвардии. В марте 1919 г. в должности комиссара 28-й дивизии принимал участие в освобождении Екатеринбурга, Ижевска, Красноуфимска и других уральских городов от колчаковцев. С восстановлением Советской власти в августе 1919 г. вернулся в Челябинск, возглавил Железнодорожный райком РКП(б). В феврале 1920 г. избран председателем губревтрибунала, стал членом губкома РКП(б). Затем – на различных партийно-хозяйственных должностях уральских городов. Умер в Свердловске 17 мая 1952 г.

****Криводанов Дмитрий Максимович.** Родился в Челябинске в феврале 1883 г. С 1909 г. после службы в царской армии работал в чаеразвесочной Губкина-Кузнецова в качестве рабочего разбивочной. После Октябрьской революции создал на предприятии отряд Красной гвардии и возглавил его. В должности члена оперативного штаба сводного красного отряда под командованием В.К. Блюхера участвовал в боях с контрреволюционными казачьими отрядами Дутова. В период колчаковщины скрывался в близлежащих к Челябинску деревнях, работал по найму. После освобождения Челябинска частями Красной Армии, вернулся в город, был одним из инициаторов записи добровольцев, в составе которых сражался сам. После ранения и тяжелой болезни вернулся в Челябинск. Многие годы работал в системе промысловой кооперации. Дальнейшая судьба неизвестна.

гольных копей Челябинского района (командир Г.В. Сутягин*).

После организации боевой силы в городе большевики обратили внимание на создание и в сельской местности красногвардейских отрядов. Третья Уральская областная конференция РСДРП(б), состоявшаяся во второй половине января 1918 года, рекомендовала: создать крепкую социалистическую вооруженную силу... создавать вооруженные кадры сельской Красной гвардии из организованных вокруг советов беднейших крестьян; немедленно мобилизовать всех рабочих от 18 до 40 лет в объединенные батальоны Красной гвардии» [2, с. 277–278].

Решения областной партийной и Советской власти реализовывались на местах. Еще ранее на заседании Челябинского военно-революционного комитета 27 декабря 1917 года отмечалось, что «езде буржуазия делает свое гнусное дело и натравливает народ против народного правительства». Был сделан справедливый вывод об обязательном создании при Советах крестьянских депутатов отрядов Красной гвардии, укреплении ее вооружением для борьбы с контрреволюционными элементами.

В целях лучшей координации действий всех красногвардейских сил региона городской штаб был преобразован в Челябинский уездный во главе с заместителем председателя Военно-революционного комитета В.К. Блюхером [4, с. 427]. Началось создание правоохранительных подразделений в лице Красной гвардии на территории Челябинского уезда. В Аргаяше в конце 1917 года была образована красногвардейская дружина, которую возглавил председатель местного Совета крестьянских депутатов А.С. Ходов. Она занималась, в первую очередь, охраной общественного порядка в населенном пункте. К середине января 1918 года численность красногвардейцев составляла 15 человек, вооружение поступило от Челябинского военно-революционного комитета. Красногвардейская дружина имела свое знамя с надписью на нем «Да здравствует революционный солдат на славу Советам». В селе Куртамыш организован красногвардейский отряд чис-

ленностью 100 человек. Челябинский военно-революционный комитет изыскал возможности выделить для них определенное количество винтовок и патронов.

Жители отдельных местностей требовали от Советов крестьянских депутатов принятия мер к охране правопорядка и создания отрядов Красной гвардии во всех волостях. «Для ввода спокойствия и порядка, – определялось наказом общего собрания крестьян Окуневской волости делегатам Челябинского уездного крестьянского съезда 11 января 1918 года, – организовать в каждой волости красную крестьянскую гвардию и требовать о высылке в «каждую волость оружия для ее вооружения» [6, с. 3].

И этот процесс особенно активно начался в январе 1918 года. При Рождественском волостном Совете крестьянских депутатов, например, была создана боевая дружина, состоявшая в основном из солдат-фронтовиков. I-й съезд Советов Песчанской волости, избрав волисполком, назначил и нового начальника милиции С.М. Прохорова [14, с. 77].

Кроме того, было создано подразделение Красной гвардии во главе с М.И. Чаяковым. «Отряд принял участие в конфискации имущества у казаков и купцов, красногвардейцы защищали крестьян от террористов, по решению сельского схода взяли под стражу пристава за произвол и насилие», – вспоминал командир отряда [3, с. 101]. Весной 1918 года отряды сельской Красной гвардии Челябинского уезда по решению Советов крестьянских депутатов провели изъятие и обеспечили сохранность реквизированных частновладельческих предприятий П.И. Фафина в Куртамышской и Г.Ф. Шмурло в Кипельской, имения А.В. Шахова в Кислянской волостях. Красногвардейцы ликвидировали социальные конфликты в ходе земельных переделов в Каменской, Карачельской, Рижской волостях, участвовали во взыскании контрибуций и ареста неплательщиков на железнодорожных станциях Шумиха, Юргамыш и Щучье, подавляли локальные казачьи бунты в станицах Еткульской, Еманжелинской, Долгодеревенской, Миасской и Усть-Уйской [4, с. 47].

***Сутягин Григорий Васильевич.** Родился в 1884 г. в семье горнорабочего Сергинско-Уфалейских копей. После Февральской революции 1917 г. вступил в ряды РСДРП(б). Создатель и командир красногвардейского отряда на Сергинско-Уфалейских коях. С созданием в Челябинске первого полка Красной Армии весной 1918 г. стал ее бойцом, пройдя в боях с белогвардейцами путь от рядового красноармейца до командира первого сводного конного полка Туркестанского фронта. После окончания Гражданской войны вернулся на родину, где с 1920 по 1935 год работал на партийной и профсоюзной работе в тресте «Челябуголь». Умер 14 марта 1935 г. в Копейске.

Большое практическое значение для создания боеспособных частей новой власти особенно в отдаленных от уездных центров деревнях и селах имело привлечение для этой работы солдат-фронтовиков. Войска, уходящие с фронта, приносили отсюда всюду, куда они только ни являлись, максимум революционной решимости покончить с соглашательством, и соглашательские элементы, Белая гвардия, сынки помещиков оказались лишены всякой опоры в населении. В центральной газете «Солдатская правда» 13 декабря 1917 года была опубликована практическая инструкция «Как организовать деревню». Одними из первых являлись указания по формированию на местах крестьянской Красной гвардии. Рекомендовалось посетить уездные силовые учреждения: «...Непременно хоть на часок загляни, товарищ, в штаб Красной гвардии. Здесь познакомься, как устроена и работает Красная гвардия и как она защищает интересы рабочих, солдат и крестьян. Возьми устав Красной гвардии. Он поможет тебе, товарищ, создать в родном селе и в своей волости крестьянскую Красную гвардию» [13, с. 190]. Южноуральские участники Первой мировой войны не стали в этом процессе исключением. Наиболее боеспособными в Челябинском уезде являлись отряды, сформированные фронтовиками в селах Красноярское (командир унтер-офицер П.Г. Лаптев), Шумиха (унтер-офицер М.Г. Олохов), численность бойцов колебалась от 10–25 человек; Сухобродское (солдат Н.А. Ботов) и Куртамыш (солдат Н.П. Рыжов) – 80–120 красногвардейцев [4, с. 445].

По общей численности красногвардейских подразделений, сформированных и действовавших на территории уезда Челябинск занимал одно из лидирующих мест в Урало-Поволжском регионе. Среднестатистическая численность этих силовых учреждений при уездных Советах в упомянутом регионе колебалась от 20 до 500 бойцов [13, с. 230]. В «Очерках Челябинской партийной организации» в уезде к началу гражданской войны действовало 1500 красногвардейцев [12, с. 79]. Имеются сведения, что к 20 апреля 1918 года общая численность уральских красногвардейцев насчитывала 6750 человек, к 1 июня – 12248 [7, с. 19].

В условиях роста численности красногвардейских отрядов Челябинскому военно-революционному комитету приходилось решать одну из многих сложных задач – их вооружение. Имелось малое количество винтовок и табельного оружия самых раз-

ных систем, начиная от русских трехлинейных и кончая старыми французскими ружьями системы «Гра». Значительное число красногвардейцев имели охотничьи ружья, так называемые «берданки». Несмотря на нехватку оружия «военная подготовка» красногвардейцев проводилась ежедневно, после окончания рабочей смены инструкторами-рабочими, отслужившими в армии, и солдатами 109-го и 163-го полков, сочувствовавшими большевикам и левым эсерам. Обучение ружейным приемам велось с помощью деревянных моделей, изготовленных в железнодорожных вагонных мастерских и столярном цехе завода «Столь В.Г. и К^о».

Оружие можно было достать в основном одним путем – разоружением демобилизованных солдат старой русской армии, проезжавших через Челябинск и прилегавшие к нему железнодорожные станции в сибирские города. В вооруженных операциях по разоружению солдатских эшелонов неоднократно принимали участие и железнодорожники, и горнорабочие, и «столлевцы», и др. [11].

Разоружение демобилизованных солдат происходило постоянно и в январе, и в феврале, и в марте 1918 года. «Руководителем операции по разоружению эшелона был назначен начальник Красной гвардии угольных копей т. М.Ф. Меховой, – вспоминал непосредственный участник акции, проведенной 7 марта 1918 года, С.М. Емелин, – отряд красногвардейцев остановился недалеко от разъезда Шершни. Когда подошел эшелон к месту засады, рабочий, сидевший в паровозе, отцепил паровоз. Паровоз отошел, а весь состав остался на месте. Начальник Красной гвардии предъявил ультиматум о разоружении эшелона. В это время один из главарей белых выстрелил и убил т. Мехового. Красногвардейцы начали обстреливать эшелон с двух сторон, что заставило солдат выкинуть белый флаг, и они начали выбрасывать из вагонов винтовки и другое оружие. Главари этого эшелона были арестованы» [5, с. 10].

В конечном итоге острый вопрос вооружения красногвардейцев был решен весьма кардинально. В начале марта 1918 года по заданию Военно-революционного комитета челябинские красногвардейцы разоружили солдат 109-го и 163-го полков, задумавших при демобилизации прихватить с собой винтовки с патронами, якобы для самообороны [10].

С первых месяцев Советской власти красногвардейские отряды выполняли

различные функции. Как вспоминал заместитель начальника Челябинского штаба Красной гвардии В.И. Евтеев: «...На страже стояла Красная гвардия, взявшая на себя охрану города и вообще несшая добросовестно гражданскую службу». За этими скупыми словами скрывается факт занятия в конце ноября 1917 года по приказу Челябинского военно-революционного комитета красногвардейцами зданий почты, телеграфа, железнодорожной станции, банка и других учреждений. В апреле 1918 года охрану Челябинского железнодорожного узла осуществлял красногвардейский отряд под командованием Э.К. Андрейжковича [5, с. 10–11].

Красная гвардия в самые первые месяцы новой власти преимущественно реализовывала правоохранительную компетенцию. Она выполняла функции милиции, армии, продовольственных отрядов, железнодорожной и транспортной охраны. Отряды Красной гвардии охраняли общественный порядок, наблюдали за противопожарным состоянием, боролись с саботажем, спекуляцией и саботажем. Отряд под командованием С.Я. Елькина не только советизировал территорию Челябинского уезда (Рижскую, Карачельскую, Ивановскую, Шаламовскую и другие волости), но захватил и соседнюю Уфимскую губернию. Принял участие в большевизации Златоустовского Совета рабочих и солдатских депутатов и установлении Советской власти в Миассе.

Челябинская Красная гвардия внесла немалый вклад в подавление выступлений контрреволюционного казачества в конце 1917 – начале 1918 гг.

Вопрос о борьбе с контрреволюционным казачеством, в том числе оренбургским, был предметом неоднократных обсуждений на заседаниях Совета Народных Комиссаров и Петроградского военно-революционного комитета. Глава Советского правительства В.И. Ленин поручил военному командованию республики оказать экстренную помощь южноуральцам в борьбе с дутовщиной.

В конце ноября 1917 года из центра в Челябинск был направлен Северный летучий отряд под командованием мичмана С.Д. Павлова в составе революционных моряков Балтийского флота и солдат 17-го Сибирского стрелкового полка. Отряд, передвигавшийся в 10 эшелонах, по пути следования оказал помощь большевикам Вятки, Перми и Екатеринбурга в упрочении Советской власти. Первые эшелоны Се-

верного летучего отряда стали прибывать в Челябинск рано утром 18 декабря. В тот же день было проведено совместное заседание членов Челябинского военно-революционного комитета и командования отряда, на котором разработан комплексный оперативный план: немедленно разгромить Троицкую группу контрреволюционного казачества во главе с атаманом 3-го военного отдела полковником В.А. Токаревым, при этом занять города Троицк и Кустанай, освободить Троицко-Орскую железную дорогу, взять под контроль Самаро-Златоустовскую железную дорогу, обеспечить доставку сибирского хлеба в центр России.

Председатель Военно-революционного комитета В.К.Блюхер проинформировал мичмана С.Д. Павлова о беспокойном положении в городе и уезде. «Мы имеем у себя в городе ... два полка старой армии ... 109 и 163, они малочисленны. Весь состав солдат – сыны торговцев... служащих, зажиточных крестьян, которые откупились от посылки на фронт, скопились в тылу и ждут демобилизации. Из них очень немногие сочувствуют большевикам. Военно-революционный комитет пытался произвести перевыборы полковых комитетов, но они не дали желаемых результатов» [15]. Кроме того, казачьи разъезды постоянно рыскали вокруг Челябинска и в ряде станиц, сел и деревень, наводя ужас открытия военных конфликтов. В силу сложившейся ситуации совещанием было принято решение об оставлении части красногвардейских отрядов в Челябинске, как резерва Северного летучего отряда, по обеспечению охраны населения города и уезда. В первые дни матросами Северного летучего отряда были арестованы контрреволюционно настроенные 140 офицеров местного гарнизона.

Было опубликовано совместное обращение к населению города, в котором отмечалось, что главной задачей является восстановление в крае Советской власти и борьба с контрреволюционным казачеством атамана Дутова, организация порядка и «приведение в жизнь лозунга свободной России» [1, с. 758–759].

21 декабря 1917 года была получена телеграмма от революционного полевого штаба по борьбе с контрреволюцией: «Немедленно открыть боевые действия против дутовцев и освободить Троицк». Вечером 22 декабря первый Северный летучий отряд выступил против белоказачьих сил. Бой состоялся на железнодорожной станции Полетаево. После подавления сопротивления казаков эшелоны через станцию

Еманжелинск двинулись на Троицк. 24 декабря в 4 часа утра город был взят, и установлена Советская власть. Казаки в беспорядке бежали в станицу Кособродскую и Верхнеуральск. В тот же день о взятии Троицка мичман С.А. Павлов по прямому проводу доложил народному комиссару по военным делам В.М. Антонову-Овсеенко. Последний настоятельно порекомендовал преследовать дутовцев и освободить Оренбург. Часть отряда моряков и 17-й Сибирский полк оставались в Троицке для наведения революционного порядка.

Казачество воспользовалось ослаблением революционных сил в городе и в станицах 3-го военного отдела экстренно стали формировать свои подразделения. Троицк вновь оказался в крайне тяжелом положении, т.к. большая часть солдат 17-го Сибирского полка демобилизовалась, а местный гарнизон, дислоцировавшийся там еще до Октябрьской революции, по-прежнему придерживался позиции нейтралитета. Челябинские красногвардейцы, руководимые членом Военно-революционного комитета В.В. Касперским, вновь пришли на помощь троичанам. 25 октября 1917 года сводный красногвардейский отряд выехал на Оренбургский фронт. С боями красногвардейцам быстро удалось подавить очаги восстания в

крупных казачьих станицах вокруг Троицка и продвинуться к Оренбургу [8, с. 27].

Атаман А.И. Дутов, потерпев серию поражений, 18 января 1918 года бежал из Оренбурга в район Верхнеуральска, где и укрепился. Имея численностью около 8 тысяч казачью армию, он стремился перерезать Самаро-Златоустовскую дорогу. В марте сводный отряд челябинских красногвардейцев под командованием В.К. Блюхера отправился снова на фронт, в район Троицка–Верхнеуральска. Совместными усилиями челябинских, уфимских и симских красногвардейских отрядов белоказаки были выбиты из Верхнеуральска и близлежащих станиц. Атаман А.И. Дутов с остатками казачьих подразделений бежал в Тургайские степи. Однако окончательный разгром дутовщины не был завершен, борьба продолжалась вплоть до чехословацкого мятежа. Окончательный разгром войск атамана А.И. Дутова был достигнут лишь осенью 1919 года [8, с. 146–147].

В конечном итоге большевики уже к февралю 1918 года пришли к выводу, что армия должна строиться на постоянной профессиональной основе, а не быть добровольческой. А главной функцией армии в государстве является обеспечение безопасности, а не охрана общественного порядка и борьба с преступностью.

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Северный летучий отряд // Челябинск. Энциклопедия. Челябинск, 2001. 815 с.
2. Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1957. 340 с.
3. Ваулин И., Волгов В. Он жив в памяти нашей // Наша малая Родина. Т. 1. Щучье, 1999. 256 с.
4. Емелин С.М. Бурные годы // Страницы героического прошлого. Воспоминания участников Октябрьской революции и гражданской войны на Южном Урале. Челябинск, 1958. 267 с.
5. Известия Челябинского военно-революционного комитета. 1918. 16 января.
6. Куляпин В.И. Красная гвардия на Урале в первой половине 1918 года // Из истории партийных организаций Урала. Свердловск, 1964. 365 с.
7. Лисовский Н.К. Разгром дутовщины (1917–1919 гг.). М., 1964. 216 с.
8. Морозов Е.Г. Красная гвардия // Челябинская энциклопедия. Челябинск, 2001. 720 с.
9. Морозов Е.Г. Красная гвардия Челябинска и уезда в 1917–1918 гг. // Оренбургскому краю – 250 лет: Материалы научно-практической конференции. Оренбург, 1994. 67 с.
10. ОГАЧО. Ф. 248. Оп.2. Д.371. Л.2.
11. ОГАЧО. Ф. 248. Оп.2. Д.6, 273, 371; Ф. 252. Оп.1. Д.138. Л.4.
12. Очерки истории Челябинской областной партийной организации. Челябинск, 1967. 450 с.
13. Цыпкин Г.А., Цыпкина Р.Г. Красная гвардия – ударная сила пролетариата в Октябрьской революции. По материалам Центрального промышленного района, Урала и Поволжья. Издательство «Наука». М.: Политиздат, 1977. 340 с.
14. Чистяков И. Слобода Песчанская // Наша малая Родина. Т. 1. Щучье, 1999. 345 с.
15. ЧОКМ. Оп.2. Д.149. Л.118. (Воспоминания И.И. Карпухина, начальника штаба Северного летучего отряда).

ИСТОРИКИ О СТАНОВЛЕНИИ ТАНКОВОГО ПРОИЗВОДСТВА НА УРАЛЕ В ГОДЫ ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (1938 – ИЮНЬ 1941 гг.)

УДК 930:623(470.5)

И.Д. ПАНЬКИН

История создания в СССР военно-промышленного комплекса (ВПК) активно разрабатывается в современной историографии. Исследователей привлекают теоретические аспекты функционирования ВПК в нашей стране и в зарубежных странах, а также история его развития на различных этапах советского общества.

К изучению данной темы в последние годы подключились уральские исследователи. На основе привлечения новых источников они изучают становление в Уральском регионе различных отраслей военного производства. Наиболее активно изучается период третьей пятилетки, годы Великой Отечественной войны и период первого послевоенного десятилетия.

В данной статье впервые предпринимается попытка рассмотрения в отечественной историографии политики Советского государства в отношении танковой промышленности на Урале в годы третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.). Актуальность данной темы заключается в необходимости анализа новейшей литературы по проблеме, в которой имеется немало дискуссионных вопросов.

Тема наличия в СССР ВПК стала модной в литературе периода «перестройки». В то время было высказано много противоречивых суждений о содержании ВПК и его месте в советской экономике. Одни авторы утверждали, что ВПК – источник научно-технического прогресса и позитивных изменений в жизни советского общества. Другие сетовали на то, что «любимое дитя» административно-командной системы – комплекс оборонных отраслей – не сумел вырваться вперед по сравнению с другими, «невоенными» отраслями промышленности: несмотря на лучшую технологическую и научную оснащенность и более высокую квалификацию работающих, все его интегральные экономические показатели (производительность труда, фондоотдача, энергоёмкость и др.) ничем не отличались от показателей других отраслей про-

мышленности. Подчеркивалось, что наши оборонные отрасли работают существенно хуже, чем «родственные» отрасли в развитых капиталистических странах [8, с. 24].

Многие современные историки признают, что, несмотря на издержки, советский военно-промышленный комплекс играл главную системообразующую роль как в экономике всей страны, так и в экономике регионов. В связи с этим велика актуальность изучения истории ВПК. По словам Л. В. Шубариной, «сегодня существует потребность в комплексных исследованиях оборонно-промышленного комплекса, не скрывающих негативные стороны его деятельности и не преувеличивающих положительные результаты» [25, с. 43]. Л.В. Шубарина считает, что исследование проблемы оборонно-промышленного комплекса должно включать изучение доктринальных истоков и эволюции оборонно-промышленного комплекса в целом, его ведущих отраслей и их взаимодействия.

В литературе остро обсуждается вопрос о роли Уральского региона в создании ВПК накануне Великой Отечественной войны. Советские исследователи указывали, что превратить Урал в оружейный арсенал к началу Великой Отечественной войны не удалось. По словам А. Ф. Хавина, «к моменту гитлеровского нападения на СССР наша промышленность не была достаточно отмобилизована» [23, с. 297]. Г. С. Кравченко писал, что на Урале в это время находились лишь отдельные военные предприятия, хотя по мобилизационным планам, при необходимости, многие уральские заводы, выпускавшие мирную продукцию, должны были перейти на выпуск военной. В частности, к выпускавшим тяжелые, средние («Северный» – Ленинградский Кировский; «Южный» – Харьковский завод им. Коминтерна) и легкие (Московский и Подольский) танки заводам в случае войны предполагалось подключить и уральские производственные мощности (Уралмаш и Челябинский тракторный) [16, с. 74].

Современные исследователи сильно расходятся в вопросе о роли Уральского региона в создании ВПК накануне Великой Отечественной войны.

А.В. Бакунин полагал, что в 1930-е гг. на Урале удалось создать вторую оборонно-промышленную базу СССР, что «позволило развернуть здесь военное производство, недоступное для воздушных ударов противника. Вошли в строй авиамоторные, боеприпасов, танковые, минометные, стрелковые и другие заводы». По его словам, «все эти предприятия, выполняя в мирных условиях текущие заказы армии и флота и создавая запас военных материалов, при развертывании военных действий призваны были, до перевода всей промышленности на военное положение, обеспечивать действующую армию необходимой техникой и вооружением» [2, с.175].

Большинство исследователей, напротив, уверено в том, что главная задача – превращение Урала в оружейный арсенал накануне Великой Отечественной войны – осталась неосуществленной.

По данным Д. В. Гаврилова, к июню 1941 г. более 80 % производства военной продукции по-прежнему размещалось на территории так называемого военно-промышленного пояса СССР, расположенного в европейской части страны, в полосе между 30-м и 40-м градусами восточной долготы, в прямоугольнике между линиями Ленинград – Киев на западе и Ярославль – Воронеж – Донбасс на востоке. Здесь располагалось 85 % мощностей авиационной промышленности, все танковые заводы, 97% предприятий наркомата вооружения, 85% мощностей наркомата боеприпасов; выплавлялось 68 % чугуна, 58% стали; производилось 57% проката, 74% кокса, 64% алюминия; добывалось 63% каменного угля, 71 % железной руды; вырабатывалось 42% электроэнергии от объемов общесоюзного производства [3, с. 56].

А. В. Сперанский пишет: «В целом же военно-индустриальный комплекс Урала к началу сражений не был возведен до конца, что объясняется огромными временными затратами, связанными с созданием его промышленного базиса, и острым недостатком денежных средств» [21, с. 266].

Л. В. Шубарина подчеркивает, что все, созданное на Урале в 1930-е гг. «являло собой лишь крайне незначительную часть от запланированного числа военных предприятий, совокупность которых должна была составить вторую оборонно-промышленную базу СССР» [25, с. 43].

По словам В. В. Запария, за годы первых пятилеток доля военного производства Урала и восточных районов страны не изменилась и находилась в пределах 18,5 % [6, с. 24].

Л. В. Шубарина отмечает, что «к началу Великой Отечественной войны Уральский регион продолжал оставаться ... крупнейшей металлургической базой СССР с недостаточно развитыми металлообрабатывающей промышленностью и машиностроением. Вследствие недостатков в организации производства, дефицита всех видов ресурсов развитие промышленности вооружения и боеприпасов происходило медленно, сроки ввода в эксплуатацию предприятий хронически не выполнялись. Во всех промышленных районах Урала имелось более 20 предприятий, находившихся или в начальной стадии освоения производства, или в стадии незавершенного строительства» [25, с. 43].

А. В. Сперанский причиной этого считает влияние субъективных факторов. По его словам, «военно-политическое руководство СССР во главе со Сталиным плохо представляло себе характер современной войны, было убеждено, что возможный противник, наступая с западного направления даже с массированным применением танков и авиации, в худшем случае сумеет продвинуться не более чем на 200–300 км. В лучшем же случае удар противника будет отражен в пограничном сражении и Красная Армия сразу же перенесет военные действия на его территорию» [22, с. 147]. Автор делает вывод, что «сталинская военная доктрина не предполагала глубокого вторжения неприятеля, а следовательно, и потери западных промышленных районов страны. Отсюда, несмотря на правильную оценку возможностей Уральского региона, его тотальная милитаризация не форсировалась, а основной упор по-прежнему делался на более дешевый путь расширения уже существовавших заводов или строительство новых как можно ближе к предполагаемому главному – западному – театру военных действий» [там же].

Для внесения ясности в решение вопроса о роли Уральского региона в создании ВПК накануне Великой Отечественной войны рассмотрим его на примере организации на Урале танкового производства. Этот вопрос относится к наиболее изученным сюжетам формирования оборонной промышленности Уральского региона.

Создание на Урале танкового производства начало изучаться в советский период в работах А. А. Антуфьева, У.А. Батырова, Н. П. Шмаковой [1; 24] и других исследователей. Однако указанные авторы посвящали свои работы не становлению самой отрасли, а организационной работе партийных организаций на ее предприятиях. Для этих работ было характерно преувеличение роли местных партийных организаций по управлению предприятиями отрасли. Кроме того, советские исследователи полагали, что первые танки на уральских предприятиях были созданы лишь в начальный период войны. Лишь в работе Н. П. Шмаковой отмечалось, что неочевидную роль в налаживании танкового производства на Урале сыграла предварительная подготовка его освоения, проведенная до войны.

В советской историографии создание на Урале танкового производства рассматривалось в литературе по истории Челябинского тракторного завода [13]. В ней раскрываются этапы создания данного предприятия, которое с самого начала рассматривалось как предприятие двойного назначения. Челябинские историки Л. С. Комаров и В. Г. Боярчиков пишут, что крупную роль в танкостроении должен был сыграть Челябинский тракторный завод, решение о строительстве которого СНК СССР принял 29 мая 1929 г., а 27 ноября 1929 г. были изданы два приказа по ВСНХ СССР за подписью В. В. Куйбышева о максимальном содействии Челябинскому тракторострою [13, с. 15].

Сведения о зарождении в СССР танковой промышленности также содержали книги о крупнейших конструкторах советских танков Н. Л. Духове, Ж. Я. Котине, А. А. Морозове, И. Я. Трашутине [9; 10; 11; 19]. В опубликованных воспоминаниях этих конструкторов содержалось упоминание о подготовительной работе, проделанной в 1930-е гг. [15].

Современным исследователям удалось выявить новые документы, которые позволяют всесторонне осветить политику Советского государства в отношении этой отрасли промышленности.

На материалах страны целостная картина развития танкового производства дается в работах А. Ю. Ермолова и М. Н. Свирина [4; 20]. Авторы показывают, что в предвоенный период в СССР существовали три центра танкостроения: в г. Ленинграде, на Украине и в г. Москве. По мнению А.Ю. Ермолова,

отличие танкового производства в СССР от крупных европейских государств было в том, что специализированных танковых заводов в стране не было, и военное производство существовало параллельно с гражданским на более или менее крупных заводах [4, с. 38]. Примерами такого совместного производства можно считать Ленинградский Кировский завод, Харьковский паровозостроительный завод.

М.Н. Свирина отмечает, что после неожиданно быстрого поражения Франции во Второй мировой войне советское руководство, осознав возможные последствия скорого военного столкновения с Германией, приняло решение о расширении производственной базы советского танкостроения за счет предприятий Урала и Поволжья, в силу их географического положения менее уязвимых по сравнению со старыми центрами танкостроения в западной и центральной частях страны. Таким образом, в качестве дублирующего предприятия по выпуску Т-34 (после Харьковского паровозостроительного завода) выбирался Сталинградский тракторный завод [20, с. 162].

Проблема становления танкового производства на Урале рассматривается в работах В. В. Запария, Н. Н. Мельникова, Л. В. Шубариной и др. [6; 17; 25], а также в литературе по истории Челябинского тракторного завода [5; 12; 13]. Н. Н. Мельников разработал периодизацию развития этой отрасли на Урале. По его мнению, первый этап пришелся на время с середины 1940 до середины 1942 гг. [17, с. 9]. По словам В. В. Запария, «до 1940 г. предприятия Урала танков не выпускали. Однако с обострением геополитической ситуации в Европе, в преддверии войны с Германией партийное руководство СССР ищет пути создания резервных мощностей танковой промышленности в восточных регионах государства» [6, с. 6].

Современные исследователи впервые обнародовали документы, позволяющие судить о мерах партии и правительства по производству танков в стране. А.В. Бакунин пишет: «В августе 1938 г. в ЦК партии состоялась совещание, посвященное развитию танкостроения, определившее новое направление в отрасли – развернуть активное производство тяжелых и средних танков с повышенной броневой защитой, высокой маневренностью и мощным вооружением» [2, с. 181].

По словам В. В. Запария, исходя из соображений, которые появились у советского

руководства в связи с началом Второй мировой войны, на ЧТЗ начинается организация танкового производства, впервые на Урале» [6, с. 6]. А.С. Ерошкин пишет: «С 10 августа 1939 г. в связи с усложнившейся международной обстановкой ЧТЗ был переведен на военное положение, которым предусматривались сверхурочные работы для обязательного выполнения дневного задания. Основным заказчиком завода стало автобронетанковое управление» [5, с. 874].

Современные исследователи ввели в научный оборот новые источники, описывающие становление танкового производства на Урале.

По данным В. В. Запария, согласно приказу Наркомата среднего машиностроения № 128сс от 20 июня 1940 г. «Об организации производства танков КВ на ЧТЗ им. Сталина», на ЧТЗ в 1940 г. предстояло организовать производство тяжелых танков КВ по чертежам и ТУ Ленинградского Кировского завода с сохранением параллельно тракторного производства [6, с. 6]. А. С. Ерошкин пишет, что уже в июле 1940 г. ЧТЗ начал серийно выпускать боевую технику (артиллерийский тягач С-2) и осваивать производство тяжелых танков КВ конструкции Ленинградского Кировского завода [5, с. 874]. По данным Л. В. Шубариной, «за девять месяцев до войны ЦК ВКП (б) и СНК СССР 21 августа 1940 г. приняли постановление "О производстве танков типа КВ". Этим решением ЧТЗ и заводу № 78 поручалось организовать в кратчайшие сроки производство мощных боевых машин» [25, с. 43].

Исследователи отмечают, что на ЧТЗ были предусмотрены как выпуск двигателей и деталей к танкам, так и размещение танкового производства в целом [14, с. 215]. Они показывают, как была налажена кооперация предприятий по выпуску боевых машин. Л.В. Шубарина пишет, что завод № 78 должен был развернуть массовое производство бронебашен и бронекорпусов [25, с. 43].

Однако более чем за год (с июня 1940 г. по июнь 1941 г.) челябинцам не удалось наладить массовое танковое производство. Современные исследователи характеризуют причины невыполнения решений руководящих органов.

Л.В. Шубарина пишет: «Задание правительства оказалось невыполненным ... из-за неразворотливости Наркомата боеприпасов, не приславшего вовремя в Челябинск техническую документацию, а также

в связи с тем, что стройка была обеспечена кадрами не больше, чем на 35% от необходимого количества». По ее словам, «недостатки в работе завода № 78 сдерживали наладку технологии производства и сборки танка КВ на ЧТЗ. На заседании бюро Челябинского обкома ВКП (б) 12 мая 1941 г. отмечалось, что из-за готовности оснастки и режущего материала всего на 35%, поставки некачественного металла (70% которого уходило в брак), недопоставок бронебашен и бронекорпусов с Ижорского завода, план выпуска танков с начала года выполнен на 50 %, а самое главное – не подготовлена база для массового производства КВ» [25, с. 43].

По мнению В.В. Запария, «главная причина происшедшего крылась в несоответствии методов организации производства на ЧТЗ с условиями танкового производства на ЛКЗ. Танк Кировского завода не был приспособлен к крупносерийному производству, а предусмотренная технологией стендовая сборка требовала высококлассных специалистов-универсалов высокой квалификации, которых на тракторном заводе с узкоподготовленными кадрами просто не было» [6, с. 27]. Автор подробно проанализирует меры, которые были приняты вышестоящими органами по исправлению положения, но не дали эффекта.

В советской историографии считалось, что первые танки на уральских заводах стали выпускать после начала Великой Отечественной войны и связывали этот процесс с прибытием эвакуированных на Урал предприятий. В современной историографии считается, что отсчет танкового производства на ЧТЗ следует вести со второй половины 1940 г. [17, с. 9].

В то же время современные исследователи до сих пор не могут договориться о дате начала производства танков на Урале. А.П. Моисеев пишет: «С 1940 г. на нужды обороны начал работать ЧТЗ: первый тяжелый танк тракторостроители собрали 31 декабря 1940 г.» [18, с. 153]. В. В. Запарий уточняет, что 27 декабря 1940 г. была закончена сборка первого танка, а 31 декабря машина прошла военпредовский пробег. Только 10 января 1941 г. этот КВ был принят военпредом ГАБТУ КА. По словам автора, «с учетом мероприятий по военной приемке первых КВ, за дату их изготовления в Челябинске нужно принять январь 1941 г.» [6, с. 28].

Уральские исследователи отмечают, что «к началу Великой Отечественной вой-

ны серийного производства танков так и не организовали» [25, с. 43–44]. В.В. Запарий пишет, что на 1 апреля 1941 г. НКО было сдано 4 танка и собран 1 танк [6, с. 28]. По данным Л.В. Шубариной, «за предвоенный год на заводе вручную собрали не более 12 штук» [25]. Н.Н. Мельников считает, что за первую половину 1941 г. на ЧТЗ было выпущено 25 танков (4 – в первый квартал и 21 – во второй квартал) [17, с. 9].

В. В. Запарий констатирует: «В довоенный период завод оказался не в состоянии уложиться в производственный план, систематически его срывая. В первой половине 1941 г. ЧТЗ изготовил меньше половины положенных по плану танков» [6, с. 35]. По словам

Н. Н. Мельникова, вплоть до начала Великой Отечественной войны планы по созданию на Урале нового танкостроительного центра так и не были реализованы» [17, с. 9].

Таким образом, введение в научный оборот новых источников позволило современным исследователям доказать, что в годы третьей пятилетки на Урале началась серьезная работа по созданию танкового производства. Целый ряд предприятий Урала (прежде всего ЧТЗ) был подключен к производству танков. По мнению исследователей, без этой предварительной работы не удалось бы в годы Великой Отечественной войны превратить Урал в основной центр по производству танков.

1. Антуфьев, А.А. Борьба партийных организаций Урала за создание и развитие танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А.А. Антуфьев, У.А. Батыров. Свердловск : УНЦ АН СССР, 1982. 43 с.
2. Бакунин, А.В. История советского тоталитаризма [Текст]. Кн. II. Апогей / А.В. Бакунин. Екатеринбург: УрО РАН Ин-т истории и археологии, 1997. 224 с.
3. Гаврилов, Д.В. Уральский тыл в Великой Отечественной войне: геополитический аспект [Текст] / Д.В. Гаврилов // Урал в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг.: Тез. докл. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 1995. С. 55–62.
4. Ермолов, А.Ю. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны [Текст] / А.Ю. Ермолов. М. : Литера-С, 2009. 310 с.
5. Ерошкин, А.С. Тракторного завода промышленная группа [Текст] / А.С. Ерошкин // Челябинск : энциклопедия. Челябинск, 2001. С. 874–875.
6. Запарий, В.В. Производство бронетанковой техники на Урале в годы Великой Отечественной войны на примере Уральского завода тяжелого машиностроения [Текст] / В.В. Запарий. Екатеринбург : Уральское отд. АН РФ, 2012. 144 с.
7. Ибрагимов, Д.С. Противоборство (История создания военной техники в СССР и Германии) [Текст] / Д.С. Ибрагимов. М. : ДОСААФ, 1989. 495 с.
8. Исаев, А. Реформа и оборонные отрасли [Текст] / А. Исаев // Коммунист. 1989. № 5. С. 24–31.
9. Карташев, Н.Ф. Главный конструктор [Текст] / Н.Ф. Карташев // Урал (Свердловск). 1978. № 1. С. 77–92.
10. Карташев, Н.Ф. Свет золотых звезд : Документальная повесть о И.Я. Трашутине [Текст] / Н.Ф. Карташев. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1979. 120 с.
11. Карташев, Н.Ф. Укротитель «тигров» [Текст] / Н.Ф. Карташев // Командармы индустрии: заметки журналиста / Н. Ф. Карташев. Челябинск, 1989. С. 107–132.
12. Комаров, Л.С. Россия танков не имела [Текст] : док.-художеств. повествование / Л.С. Комаров. Челябинск : Версия, 1994. 238 с.
13. Комаров, Л.С. Летопись Челябинского тракторного. 1929–1945 гг. [Текст] / Л.С. Комаров, В.Г. Боярчиков. М. : Профиздат, 1982. 392 с.
14. Корнилов, Г.Е. По непролеченной тропе (1929 – 1941) [Текст] / Г.Е. Корнилов // Урал в панораме XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург, 2000. С. 207–264.
15. Котин, Ж.Я. Стальные крепости // Война. Народ. Победа, 1941–1945 гг. [Текст] : Ст. Очерки. Воспоминания. Кн. 1. М., 1976. С. 104–106.
16. Кравченко, Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) [Текст] / Г.С. Кравченко. М. : Экономика, 1970. 389 с.
17. Мельников, И.Н. Танковое производство на Урале в 1940–1945 гг.: история становления и развития [Текст] : автореф. дис. ... канд. истор. наук / И.Н. Мельников. Екатеринбург, 2005. 25 с.
18. Моисеев, А.П. Военно-промышленный комплекс [Текст] / А.П. Моисеев // Челябинск : энциклопедия / гл. ред. К. Н. Бочкарев. Челябинск, 2001. С. 153.
19. Орлов, В.А. Выбор (о Н. Л. Духове) [Текст] / В.А. Орлов. М. : Политиздат, 1979. 112 с.
20. Свирилин М.Н. Броневой щит Сталина: История советского танка 1937–1943 [Текст] / М.Н. Свирилин. М.: Эксмо, 2006. 448 с.
21. Сперанский, А.В. Опорный край державы (1941–1945) [Текст] / А.В. Сперанский // Урал в панораме XX века / гл. ред. В.В. Алексеев. Екатеринбург, 2000. С. 264–288.
22. Сперанский, А.В. Формирование оборонно-индустриального комплекса на Урале в начальный период Великой Отечественной войны [Текст] / А.В. Сперанский // Известия Уральского университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2012. № 2 (102). С. 146–156.
23. Хавин, А.Ф. Краткий очерк истории индустриализации СССР [Текст] / А.Ф. Хавин. М. : Гос. изд-во политической литературы, 1962. 440 с.
24. Шмакова, Н.П. Из истории создания танковой промышленности в годы Великой Отечественной войны [Текст] / Н.П. Шмакова // Социально-экономическое развитие Урала в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Г.К. Павленко и др. Челябинск, 1985. С. 11–23.
25. Шубарина, Л.В. Оборонно-промышленный комплекс на Урале: региональный опыт развития, 1945–1965 гг. [Текст] : монография / Л.В. Шубарина. Челябинск : Урал. акад., 2011. 282 с.

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ЛИЧНЫХ СВЯЗЕЙ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

(рецензия на монографию: Истер Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. 255 с.)

УДК 93/94

Н.Н. МАКАРОВА

В рамках научно-издательского проекта «История сталинизма», призванного «содействовать преодолению советского идеологического и политического наследия» [4], в 2010 г. вышла книга профессора Бостонского колледжа Джералда Малкольма Истера «Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России». Автор попытался ответить на крайне сложные и важные вопросы о том, кто построил советское государство? Как эти люди заняли посты, обеспечивающие власть в новом государстве? Какова была основа для их притязаний на статус элиты? Как они представляли себе свою роль в новом государстве? Как влияло переплетение неформальных и официальных источников власти на развитие мощи государства? Как возникали внутриэлитарные конфликты и т.д.?

Англо-американская советология в течение всего послевоенного периода рассматривала сталинизм как важнейший объект изучения в советской истории, оценивая годы правления И.В. Сталина как время формирования основных черт советской системы [2, с. 288]. Автору монографии удалось найти нестандартный подход к вполне традиционной в истории проблеме. Истер попытался через систему личных связей и самоидентификацию элиты рассмотреть механизм советского государственного строительства. Первой научной моделью в изучении сталинизма стала тоталитарная парадигма с ее классической негативной оценкой. С середины 1960-х гг. англо-американское общество отказалось от политизированной тоталитарной модели в пользу ревизионизма. В середине 1980-х гг. в центре внимания «новой когорты» ревизионистов оказалось общество, а не политические механизмы. Рубеж XX – XXI вв. позволил углубить исследования. Дж. М. Истер успешно проанализировал политические механизмы советского государства сквозь призму неформальных источников власти.

Автор проделал титаническую работу, систематизировал разрозненные биографические данные, проанализировал деловую и личную переписку представителей региональной элиты и центра. Структурно монография состоит из трех частей, каждая из которых отвечает конкретным задачам. Так, в первой части «Структура и самосознание послереволюционной элиты государства» Дж. М. Истер рассматривает процесс возвышения провинциальных комитетчиков и реконструирует представления элиты о самой себе и о своей деятельности в государстве. Вторая часть монографии повествует о неформальных источниках власти в послереволюционном советском государстве, о системе личных взаимоотношений как механизме усиления власти и как способе ограничения власти. Третья – о конфликте между центром и регионами, вызванном различными позициями по вопросу о коллективизации и гибели провинциальных партийных комитетчиков.

Автор логично и стройно определил и охарактеризовал переплетение неформальных и формальных структур и их роль в рождении специфических механизмов государственного управления. Первый этап государственного строительства, по мнению Дж. М. Истера, включал создание новых административных органов, которые объединяли центр и провинцию. Это так называемый горизонтальный уровень. Второй этап включал перевод ведущих членов системы личных взаимоотношений из региона в центр (вертикальный уровень). В итоге это позволило «слабому послереволюционному государству развить потенциальный территориального управления» [1, с. 85]. Автор не обошел проблему «умеренного блока», в который традиционно включают С.М. Кирова, Г.К. Орджоникидзе и В.В. Куйбышева.

Проблема личных связей в советской политической элите, их взаимоотношений является крайне сложной. Многие отечественные авторы поднимали данную

проблематику косвенно, но на цельное монографическое исследование так никто и не решился. Хочется отметить монографии О.В. Хлевнюка, в которых существенное внимание уделяется неформальным взаимоотношениям «хозяина» И.В. Сталина и его окружения как в центре, так и в регионах [5; 6]. Исследование Дж. М. Истер позиционирует как первую в западной науке работу о роли провинциальных руководителей партийных комитетов и отвергает упрощенную схему восприятия региональных элит как приспешников И.В. Сталина и режима в целом или как героев. Если последний тезис опровергнуть сложно, то попытки рассмотреть неформальные взаимоотношения в советской политической элите все же среди западных исследователей были. В частности, масштабное исследование английского историка С. Монтефиоре «Сталин. Двор Красного монарха» посвящено воссозданию биографии И.В. Сталина с 1929 по 1953 г. через призму его взаимоотношений с соратниками и членами их семей [3]. Книга интересна прежде всего обилием привлеченного архивного материала. В этом контексте в работе Дж. М. Истера недостаточно «иллюстративного материала» о представителях элиты. Фактический материал предложен слишком в обобщенном, теоретизированном виде, что не всегда оправданно. Так, раздел четвертый части второй «Руководители провинциальных партийных комитетов: коллективный портрет» составлен по словам автора «из автобиографий и различных анкет, заполнение которых требовалось от руководителей провинциальных партийных комитетов... и дополнена сведениями из опубликованных мемуаров и биографий» [1, с. 57]. Такой разнообразный источниковый материал позволяет ярко «написать» коллективный портрет советских руководителей. Однако автор ограничивается лаконичными комментариями в отношении социального происхождения, профессионального опыта, уровня образования и грамотности представителей элиты. При этом Дж. М. Истер сам отмечает значение подобных изысканий в том, что они дают представление о статусе элиты в послереволюционном государстве. Именно подполье и борьба с «белыми» обособили изучаемую им группу от иных советских страт и слов: «Региональные руководители считали, что они заслужили статус членов элиты благодаря своим прежним заслугам перед партией» [1, с. 27]. Руководители провинциальных партийных комитетов противопоставляли себя

не только лицам, служившим прежнему режиму и позже вставшим на службу Советской власти, но и профессиональным революционерам-эмигрантам. Последняя категория, по словам автора, не пользовалась авторитетом в их глазах из-за того, что после 1905 года предпочла спокойную жизнь в эмиграции рискованной работе в подполье. Что же касается молодых большевиков, то они тоже не считались равней закаленным бойцам, поскольку вступили в партию после 1917 г. Однако многие «старые и закаленные революцией и Гражданской войной» большевики в 1930-е гг. не прошли многочисленных сталинских «проверок». К концу 1930-х гг. сложилась группа местного и союзного звеньев, на которую опирался И.В. Сталин. Сталинской системе нужны были хорошие исполнители, для которых недопустимым было малейшее отклонение от указаний вождя. Основная тенденция кадровой работы Сталина в отношении своего окружения – это стремление соединить работу и жизнь сотрудника, использовать его профессиональные и личные качества. Стратегия выживания в сталинском окружении сводилась к безоговорочной поддержке курса И.В. Сталина, к соответствию тем критериям, которые он выдвигал по отношению к своим соратникам. Ни одно назначение на ответственную должность не происходило без согласия «хозяина». Несомненно, что личные взаимоотношения играли важную роль, также как и умение устанавливать хорошие отношения с коллегами. Вместе с тем, нелзя было ни с кем иметь настолько близких отношений, чтобы не вызывать подозрений в оформлении группировок.

Картину коллективного портрета региональной элиты можно было дополнить сведениями об участии в Первой мировой войне, т.к. возраст большинства представителей руководителей провинциальных парткомов предполагал их службу в царской армии, что влияет на процесс социализации личности, установление неформальных контактов среди сослуживцев, является цементирующим фактором для тех, кто служил. Возможно, стоило более детально охарактеризовать полученные профессиональные навыки представителей элиты до революции и после нее, т.е. до занятия высокой должности. Интересно было бы изучить вопрос о землячестве руководителей, т.к. в 1920–1930-е гг. по служебной лестнице часто продвигались земляки. Автор в этом контексте рассмотрел лишь «пересечение» представителей

будущей элиты на фронтах Гражданской войны и частично в Закавказье. Культура каждого региона индивидуальна, и она, несомненно, оказывала влияние на жителей, формируя ряд особенностей, присутствующих представителям того или иного региона. Одновременно можно было изучить интересы представителей элиты, хобби, увлечения – все это оказывает существенное влияние на складывание неформальных взаимоотношений. Следовало также рассмотреть участие в оппозиционных группах или иные «темные пятна» в биографии, которые использовались И.В. Сталиным как рычаги воздействия на подчиненных.

Таблицы, предложенные Истером, крайне интересны и репрезентативны, однако, многие известные данные, в том числе и биографические, в них не отражены. В частности, в таблице 2.2. на странице 60 указано, что ни социальное происхождение, ни образование А.А. Андреева не установлены. Многочисленные биографические и мемуарные свидетельства говорят об ином: А.А. Андреев был выходцем из крестьянской среды, окончил двухклассную сельскую школу, но был при этом исключительно грамотным человеком. Истер также указывает на то, что представители элиты указывали квартиру как единственное место своего проживания, «а не поместье или особняк, в которых жили провинциальные руководители при старом режиме». Да, в официальных документах указывались квартиры, но возможности у региональной элиты были широкими. Практически у каждого была хорошая дача.

В таблице 2.4. на странице 62 Дж. М. Истер поднимает вопрос о репрессиях среди представителей элиты. Из 16 человек, о которых пишет автор, лишь трое (Гамарник, Гикало, Мирзоян) не были репрессированы, а об Андрееве и Иванове сведения отсутствуют. Кажется, вполне уместным было бы изучить, насколько репрессии коснулись не самих руководителей, а членов их семей. Так, А.А. Андреев репрессирован не был, но

его жена Д.М. Хазан была арестована. Во время атаки против П.П. Постышева досталось и его жене Татьяне Постоловской, обличая которую, И.В. Сталин и его помощники наносили еще один удар по П.П. Постышеву. И.В. Сталин обвинил Т.Постоловскую в неблаговидном поведении в деле некоей Николаенко. Была также расстреляна Е.Е. Эйхен-Рубцова и т.д. Хотелось бы увидеть более подробное описание и анализ относительно такой малоизученной фигуры, как В.Я. Чубарь.

В заключение Дж. М. Истер отмечает, что среди прочих факторов, повлиявших на оформление сталинизма как особой управленческой системы, значимую роль сыграло физическое уничтожение соперничавших с Москвой региональных центров элит. «Это была борьба вокруг разных вариантов авторитаризма, отличающихся официальным разделением власти между правителем и элитой» [1, с. 196]. В конце 1930-х гг. центр выиграл, а регионы проиграли, но новый баланс укрепился всего лишь на четверть века и был пересмотрен в период стагнации Л.И. Брежнева. Тогда региональные партийные элиты вновь взяли верх, добившись перераспределения политических и экономических ресурсов в свою пользу. В итоге «распыление власти по неформальным каналам стало одним из предварительных условий распада государства», состоявшегося в годы перестройки. Более того, «в конечном счете, советское государство распалось по тем же самым линиям, по каким оно было построено за шесть десятилетий до этого» [1, с. 203].

Все сказанное выше является очевидным аргументом в пользу того, что проблема изучения сталинского периода в отечественной истории, по-прежнему, остается актуальной, а «белых пятен» остается еще довольно много. Работа Дж. М. Истера продемонстрировала попытку нестандартного взгляда на советское государственное строительство.

1. Истер, Дж. М. Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России [Текст] / Дж. М. Истер. М.: РОССПЭН, 2010. 255 с.

2. Меньковский, В.И. История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов [Текст] / В.И. Меньковский. Минск, 2007. 358 с.

3. Монтефиоре, С. Сталин. Двор Красного монарха [Текст] / С. Монтефиоре. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

4. Официальный сайт издательства «РОССПЭН» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosspen.ru/> (дата обращения: 14.10.2011).

5. Хлевнюк О.В. Политбюро: механизмы политической власти в 1930-е годы. - М.: РОССПЭН, 1996. 297 с.

6. Хлевнюк, О.В. Хозяин: Сталин и утверждение сталинской диктатуры [Текст] / О.В. Хлевнюк. М.: РОССПЭН, 2010. 479 с.

СОЦИУМ

SOCIUM

Павлов А.В. Заметки о современности и субъективности. Критерий современности. Статья посвящена вопросу о том, что такое современность и несовременность, как состояния общественной жизни, скрытые за любой социальной организацией.

Ключевые понятия: современность, несовременность, модерн, пластичная современность, диалог, комплементарность, протест, пластичность, конформизм, Я-субъективность.

Жилина В.А. Трансформация устоев российской цивилизации. Усложнение процессов социального развития провоцирует кризисные состояния общества. Одним из способов преодоления кризиса выступает реформирование. Особое значение в этих процессах занимает правовая реальность. Инновации основанием имеют традиции.

Ключевые понятия: общество, цивилизация, правовая культура.

Грабельных Т.И., Лесниковская Е.В. Интеграционные изменения гражданского общества как доминанта регионального развития. В работе представлена базовая модель взаимовлияния парадигмы стратегического регионального развития и траекторий трансформации гражданского общества. Обосновывается, что трансформационные процессы в гражданском обществе влияют на характер и выбор механизмов регионального развития через интегративные практики социального творчества.

Ключевые понятия: гражданское общество, региональное развитие, социальное творчество, трансформация гражданского общества, эндогенный потенциал региона.

Борисов С.В. Гуманизм и Просвещение: обретение гармонии или углубление конфликта? В статье раскрывается суть понятий «гуманизм» и «просвещение» в исторической ретроспективе, выделяются проблемные аспекты употребления этих понятий в теории и практике образования, а также в широком социальном контексте. Дается анализ основным моделям личности, рассматриваются проблемы реализации этих моделей в современной образовательной практике.

Ключевые понятия: гуманизм, просвещение, образование, знание, власть.

Чернова Э.Г. Потенциал мировоззренческих дисциплин в системе высшего профессионального образования. Статья посвящена анализу компетенций, которые могут быть сформированы в процессе преподавания философии и других гуманитарных дисциплин.

Ключевые понятия: реформирование образования, технократическое мышление, компетенции, мировоззренческие дисциплины, ответственность личности.

Усов В.Н. Роль философии в стратегическом предопределении образования. В статье рассматриваются предметные, операциональные и ценностные основания педагогической деятельности. Утверждается, что при формировании образовательной стратегии между ними должны соблюдаться

Pavlov A.V. On modernity and subjectivity. Modernity and adaptivity. The article speaks about the matter of modern and pastness as conditions of social life behind every social organization.

Key concepts: modernity, pastness, modern, adaptive modernity, dialogue, complementarity, protest, adaptivity, conformism, I-subjectivity.

Zhilina V.A. Transformation of Foundations of Russian Civilization. Complication of processes of social development provokes the crisis of society. Reformation comes forward as one of methods of overcoming of crisis. The special value in these processes is held by legal reality. Innovations have traditions as their foundation.

Key concepts: society, civilization, legal culture.

Grabelnykh T.I., Lesnikovskaya E.V. Civil society transformation as a dominant of regional development. The article presents the basic model of reciprocal influence of strategic regional development paradigm and civil society transformation course. It proves that transformation processes in the civil society influence the nature and choice of regional development patterns through integrative social creativity practices.

Key concepts: civil society, civil society transformation, regional development, regional endogenous potential, social creativity.

Borisov S.V. Humanity and Education: discovery of harmony or deepening of the conflict? The article reveals the essence of the concepts "humanity" and "education" in historical retrospect; singles out the problematic aspects of the use of these concepts in the theory and practice of education, and also in a wide social context. The article analyzes the main models of a personality, and looks at the issues of realization of these models in modern educational practice.

Key concepts: humanity, education, education, knowledge, power.

Chernova E.G. The capacity of ideological disciplines in the system of higher vocational education system. The article analyzes the competence which can be formed in the process of teaching philosophy and other humanitarian disciplines.

Key concepts: reformation of education, technocratic thinking, competences, ideological disciplines, responsibility of personality.

Usov V.N. Role of philosophy in strategic predesignation of education. The article treats objective, operational and axiological foundations of pedagogical activity. The author affirms that in the process of forming the educational strategy there should be a certain degree of conformity between these

определенные соответствия. Их несоблюдение приводит к разнообразным феноменам «псевдо», характеризующим образование современного российского общества.

Ключевые понятия: образовательная стратегия, предметные основания, операциональные основания, ценностные основания, феномены «псевдо».

Иванова О.Э. Е-смысл и образование «третьей волны»: истинность и трансформация.

В статье выявлены предпосылки и особенности трансформации (преодоления собственных пределов) смысла в сетевом коммуникационном континууме. Определена взаимосвязь между изменением коммуникационного континуума и трансляцией трансформированного смысла в образовании «третьей волны».

Ключевые понятия и словосочетания: коммуникация, коммуникационный континуум, смысл, трансформация смысла.

Нехамкин В.А. Балканизация как социальный процесс: прошлое и будущее.

В статье рассматривается альтернативный глобализации феномен – балканизация, порождающий комплексную дезинтеграцию социального пространства. Выявляются его формы проявления в современном мире, перспективы развития.

Ключевые понятия: балканизация, глобализация, американизация, перспективы.

ВЛАСТЬ

Сулакшин С.С. Институт государства в мегаистории: современное состояние и перспективы развития.

Статья посвящена проблеме исторической эволюции государства и рассмотрению перспектив его развития в будущем. Автор анализирует различные стадии развития института государства на протяжении истории человечества и выделяет основополагающий критерий его трансформации – удовлетворение базовых потребностей человека и человеческих обществ. Вслед за возникновением правового государства, обеспечившего базовую организацию современного социума, и социального государства, гарантировавшего удовлетворение основных материальных нужд населения, автор предвидит зарождение нравственного государства, которое в своей деятельности будет целенаправленно развивать личность.

Ключевые понятия: эволюция государства, ценности, нравственное государство.

Киричек Ю.А. Структуры повседневности и политическая наука: особенности обыденного познания. В статье представлена попытка анализа сферы политического в качестве одной из составляющих структуры феномена «повседневности». Особое внимание уделено познавательному аспекту тематики повседневности в соотношении с политологией, а именно: особенностям процесса социального познания, проблеме обыденного познания мира политики, определению типов понимания в политике.

Ключевые понятия: повседневность, мир политики, обыденное познание, социальное познание, понимание.

foundations. Non-conformity leads to multiple phenomena of “pseudo”, which is characteristic of education in modern Russia’s society.

Key concepts: educational strategy, objective foundations, operational foundations, axiological foundations, phenomena of “pseudo”.

Ivanova O.E. E-sense and education during «The third wave»: Truth and Transformation.

The article reveals the background and features of transformation (overcoming own limitations) of sense in the network communications continuum. The interrelation is defined between the change of communication continuum and the translation of the transformed sense in the education of «the third wave».

Key concepts: communication, continuum of communication, sense, transformation of sense.

Nekhamkin V.A. Balkanization as a social phenomenon: the past and future.

The article examines the Balkanization as the phenomenon of modern world and as an alternative to globalization. Balkanization serves as a start to the complex disintegration of social space. It shows the types of Balkanization and the prospects of Balkanization in the modern world.

Key concepts: Balkanization, globalization, Americanization, perspectives.

POWER

Sulakhshin S.S. The institution of statehood in megahistory: its past and modern status and prospects for development.

The article is devoted to the issue of historical evolution of statehood and looks at its future development prospects. The author analyses the different stages of development of the institution of statehood in history and marks a cornerstone criterion of its transformation – satisfaction of basic needs for humans and human societies. Past the rise of legal state providing basic organization for the modern socium, and the social state, that guarantees satisfaction of the population’s basic material needs, the author foresees the emergence of moral state with moral development of a person as the focal point of its activities.

Key concepts: state evolution, values, moral state.

Kirichek Y.A. Structures of the routine and the political science: features of the routine cognition.

The article presents an effort to analyse the realm of politics as one of the components for the «routine» phenomenon’s structure. Particular attention is given to the cognitive aspect of the routine theme with regard to political science, specifically: features of social cognition process, problem of routine cognition of the world of politics, definition of types of understanding in politics.

Key concepts: routine, world of politics, routine cognition, social cognition, understanding.

Коган Е.В. Диалог как принцип организации коммуникативной деятельности субъектов политического поля в Челябинской области. В статье описаны результаты интент-анализа текстов, представленных на официальных сайтах исследуемых субъектов. Автор выявляет интенциональную структуру текстов массовых и стратегических коммуникаций в политическом дискурсе Челябинской области и делает выводы о том, какую роль играет диалог в коммуникативной деятельности субъектов политического поля Челябинской области и как влияют принципы диалоговых коммуникаций на формирование их репутации.

Ключевые понятия: диалог, репутация, интенции, стратегические коммуникации.

Зайцев А.В. Интеракция власти и общества как переговорный процесс: лингво-политологический аспект. В статье рассказывается о сходстве в процессе трансформации понятия «диалог» и приобретении им нового значения «переговоры». В связи с этим диалог государства и гражданского общества в современной России начинает рассматриваться как переговорный процесс. В то же время эти понятия имеют не только сходство, но и отличия.

Ключевые слова: диалог, переговоры, медиа, государство, власть, гражданское общество.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Сергеев А.В. Особое мнение судьи в системе отправления правосудия в уголовном судопроизводстве. В статье исследована проблема, вызванная отсутствием правового механизма функционирования особого мнения судьи и прав осужденного на ознакомление с содержанием особого мнения.

Ключевые понятия: правосудие, уголовное судопроизводство, особое мнение судьи, осужденный.

Федотова А.С. Понятие «территория порта» по законодательству Украины. В статье рассмотрен подход к пониманию понятия «территория порта» по законодательству Украины. Предложен собственный взгляд относительно определения границ территории портов и терминалов.

Ключевые понятия: порт, территория порта.

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Костин В.А., Костина Н.Б. Коммуникация как сервисно-управленческая функция. В статье анализируются разработанные в теории управления и теории коммуникаций концепции коммуникативного процесса, рассмотрена специфика коммуникаций в управлении, типология коммуникаций в контексте реализации управленческих действий, выделены и проанализированы обязательная (деловая) и добровольная коммуникация; выделены основные концепции массовой коммуникации в истории социального управления – демократическая и элитарная, представлена их реализация в социальной практике.

Kogan E.V. Dialogue as a communicative activity management principle for the subjects of Chelyabinsk region's political realm. The article describes results from the intent-analysis of texts published on the official sites of subjects under scrutiny. The author reveals the intentional structure of the mass and strategic communication texts in Chelyabinsk region's political discourse. The author also makes conclusions about the role of a dialogue in the communicative activities of subjects in Chelyabinsk region's political realm and the way the principles of interactive communication influence their reputation.

Key concepts: dialogue, reputation, intentions, strategic communication.

Zaitsev A.V. The dialogue of actors of political communication as a process of negotiation: linguistic and political aspect. This article describes the process of similarity of the transformation of the concept of "dialogue" and its acquisition of the new meaning of "negotiations". In connection with this the dialogue between the state and civil society in Russia today is beginning to be seen as a negotiation process. At the same time, there are not only similarities, but also differences between the two concepts.

Key concepts: dialogue, negotiation, mediation, state, government, civil society.

STATE AND LAW

Sergeev A.B. The dissenting opinion of a judge in the justice distribution system as part of criminal court procedure. The article looks at a problem stemming from the lack of legislative mechanism behind the dissenting opinion of a judge and the right of a convicted person to review that dissenting opinion.

Key concepts: justice, criminal justice, dissenting opinion, convict.

Fedotova A.S. The concept of "port area" under the laws of Ukraine. This article describes an approach to the understanding of the concept of "port area" under the laws of Ukraine. The author offers own view on the demarcation of the ports and terminals boundaries.

Key concepts: port, the port area.

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Kostin V.A., Kostina N.B. Communication as a service management function. The article analyses some of the communication process concepts developed as part of the management and communication theory. It looks at the specifics of communication in management, typology of communication in the framework of management activities. The article reveals and analyses the mandatory (business) and voluntary communication; the principal concepts of mass communication in the history of social management – democratic and elite concepts, and presents their realization in social practice.

Ключевые понятия: коммуникация, общие и специфические признаки коммуникации, обязательная (деловая) и добровольная коммуникация.

Коротина Н.Ю. Возможности роста доходов муниципальных образований в Российской Федерации. Статья посвящена проблеме укрепления доходной базы бюджетов муниципальных образований за счет собственных резервов. Исследован опыт российских муниципалитетов по выявлению и реализации внутренних резервов роста доходных источников. Предложены ключевые направления повышения доходов в местные бюджеты.

Ключевые понятия: собственные доходы местных бюджетов, налоговые и неналоговые доходы местных бюджетов.

КУЛЬТУРА

Попов В.Д. Культура и экономика: потребность в духовно-информационном детерминизме. В работе раскрываются духовные, нравственные, информационные основы экономического развития общества. Характеризуется система управления сферами жизнедеятельности людей.

Ключевые понятия: духовность, нравственность, культура, информация, экономика.

Курбан Е.Н., Кривошлыкова М.В. Межкультурное взаимодействие и межкультурная коммуникация: к определению аспектов. Статья посвящена выявлению существенных характеристик двух категорий. На примере русско-башкирских контактов в культурном пространстве Южного Урала выделены и рассмотрены уровни межкультурного взаимодействия. Особое внимание в статье уделено вопросам стереотипного восприятия культурами друг друга.

Ключевые понятия: межкультурное взаимодействие, межкультурная коммуникация, русско-башкирские межкультурные контакты, региональная культура.

Кислов А.Г. Культура интеллектуального досуга: к стратегии *edutainment*. Статья посвящена анализу поэтики задач и риторики решений, указанных в качестве концептуальной основы культуры интеллектуального досуга или, другими словами, «каникул разума» (Г. К. Честертон). Обосновываются две версии реализации синтеза интеллектуального и развлекательного.

Ключевые понятия: головоломки, интеллектуальные развлечения, поэтика задач, риторика решений, пифагореизм.

Шафиков М.Т. К вопросу о принципах и законах развития науки в современной России. В статье освещены некоторые аспекты, касающиеся закономерностей развития науки. На основании анализа развития науки и смены типов научной рациональности автор устанавливает закономерный характер взаимозависимости этих двух процессов.

Ключевые понятия: наука, научная рациональность, закон развития.

Key concepts: communication, general and specific features of communication, mandatory (business) and voluntary communication.

Korotina N.Y. Possibility of revenue growth for the municipalities in the Russian Federation. The article is devoted to strengthening the revenue base budgets of municipalities from their own reserves. In article studied the experience of Russian municipalities to identify and implement internal reserves increase revenue sources. In the paper In the paper proposed key areas for increasing the incomes of local budgets.

Key concepts: own revenues of local budgets, tax and non-tax revenues of local budgets.

CULTURE

Popov V.D. Spiritual and informative enlightenment of economists. This paper looks at some spiritual, moral, informative foundation of the society's economic development. The author characterizes the system of management for the people's living environment.

Key concepts: spirituality, morality, culture, information, economy.

Kurban E.N., Krivoshlykova M.W. Cross-cultural interaction and communication: to definition of the aspects. The article is devoted to clarification of the notional characteristics of the two categories. We reveal and examine various levels of cross-cultural interaction between the Russian and Bashkir contacts in the South Urals cultural environment. Special attention is paid to the problems of stereotypical perception of one culture by the other.

Key concepts: cross-cultural interaction, cross-cultural communication, Russian and Bashkir cross-cultural contacts, regional culture.

Kislov A.G. Culture of intellectual leisure: to the edutainment strategy. The article is devoted to the analysis of poetics of tasks and rhetoric of solutions, which could be described as conceptual basis of culture of the intellectual leisure or, in other words, of «mental holiday» (G. K. Chesterton). The author substantiates two versions of implementation of synthesis of the intellectual and the entertaining.

Key concepts: puzzles and curious problems, intellectual diversions, poetics of tasks, rhetoric of solutions, pythagoreanism.

Shafikov M.T. To the issue of science development principles and laws in new Russia. The article deals with some aspects concerning the patterns of development of science. Based on the analysis of science development and change in the types of scientific rationality, the author establishes the logical nature of interdependency between these two processes.

Key concepts: Science, scientific rationality, the law of development.

Смирнов Г.С., Смирнов С.С. Система социальной реабилитации инвалидов на Южном Урале в условиях «монетизации льгот» (2004–2010). В статье в исторической ретроспективе на примере отдельного региона рассматривается практическая деятельность по реализации государственной политики в части социальной реабилитации инвалидов, вскрываются негативные последствия курса на сокращение финансирования в ходе «монетизации льгот». Подчеркивается существенное расхождение между провозглашаемыми принципами и реальным положением дел в данной сфере.

Ключевые понятия: инвалиды, государственная политика, социальная реабилитация, монетизация льгот.

Абрамовский А.А., Абрамовский А.П. Формирование и деятельность органов охраны правопорядка в первый год пролетарской диктатуры: Красная гвардия Челябинска. В статье осуществляется анализ формирования и деятельности Красной гвардии г. Челябинска в 1917–1918 годах, выполняемые ею в первые месяцы Советской власти функции, а также роль Военно-революционного комитета под руководством В.К. Блюхера в описываемой деятельности.

Ключевые слова: Красная гвардия, Военно-революционный комитет, охрана правопорядка, контрреволюционное казачество

Панькин И.Д. Историки о становлении танкового производства на Урале в годы третьей пятилетки (1938 – июнь 1941 гг.). В статье рассматривается освещение проблемы становления танковой промышленности на Урале в годы третьей пятилетки. Целью работы является анализ степени изученности этой темы в различные периоды историографии, роль ВПК в развитии экономики Урала, и, наконец, ответ на главный вопрос: была ли создана оборонная промышленность в области танкостроения на Урале в 1938–1941 гг.

Ключевые понятия: историография, ВПК (военно-промышленный комплекс), танкостроение.

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ

Макарова Н.Н. К вопросу о системе личных связей в Советской России. В данной рецензии автор проанализировала достоинства монографии американского ученого о проблемах самоидентификации советской политической элиты и предложила перечень факторов для более детального анализа заявленной проблемы. Очевидно, что проблемы изучения сталинского периода в отечественной истории, по-прежнему, остаются актуальными. Работа Дж. М. Истера продемонстрировала попытку нестандартного взгляда на советское государственное строительство.

Ключевые понятия: Советский Союз, история сталинизма, политическая элита.

Smirnov G.S., Smirnov S.S. The system of social rehabilitation of disabled people in the South Urals as part of «benefits monetization» process (2004–2010).

The article looks at practical activities in implementation of the state policy with regard to social rehabilitation of the disabled in a single region in historical retrospective. The author reveals the negative impact of the reduction of funding as part of «monetization of benefits»; emphasizes the significant discrepancy between the proclaimed principles and the actual situation in this sphere.

Key concepts: people with disabilities, public policy, social rehabilitation, the monetization of benefits.

Abramovskiy A.A., Abramovskiy A.P. Formation and activities of public security units in the first year of dictatorship of the proletariat: the Red Guard of Chelyabinsk.

The article analyses the creation and activities of the Red Guard in Chelyabinsk in 1917–1918, its functions in the first months of the Soviet Power, and the part played in these actions by the Military Revolutionary Committee under V.K. Blukher.

Key concepts: Red Guard, Military Revolutionary Committee, public security, counter-revolutionary Cossacks.

Pankin I.D. Historians on development of tank manufacturing in the Urals during the third 5-year cycle (1938–June 1941).

The article looks at the coverage of the development of tank manufacturing industry in the Urals during the third 5-year cycle. The article aims to analyse the degree of research for this topic in different periods of historiography, the role of military industry in the development of the Urals economy and finally the most important question – whether there existed a tank military industry in the Urals in 1928–1941.

Key concepts: historiography, military industry, tank manufacturing.

CRITICISM AND REVIEWS

Makarova N.N. On personal connections system in Soviet Russia. In this review the author analysed the advantages of the monograph of the American scientist about problems of self-identification of the Soviet political elite and offered the list of factors for more detailed analysis of the declared problem. It is obvious that problems of studying of the Stalin period in national history still remain actual. The work of J.M. Easter showed an attempt of a non-standard view of the Soviet state construction

Key concepts: Soviet Union, Stalinism history, political elite.

АВТОРЫ НОМЕРА

Абрамовский Александр Андреевич, заведующий кафедрой теории права и уголовно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, г. Челябинск. E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Абрамовский Андрей Петрович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории культуры Челябинского государственного университета. E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Борисов Сергей Валентинович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Челябинского государственного педагогического университета, доцент. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Грабельных Татьяна Ивановна, заведующая социологической лабораторией региональных проблем и инноваций, профессор кафедры социальной философии и социологии Иркутского государственного университета, доктор социологических наук, профессор. E-mail: tagr@bk.ru

Жилина Вера Анатольевна, заведующая кафедрой философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, доктор философских наук, доцент. E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Зайцев Александр Владимирович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Иванова Ольга Эрнстовна, заведующая кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин филиала Челябинского государственного педагогического университета в г. Миассе, кандидат философских наук, доцент. E-mail: 74oliva@list.ru

Киричек Юлия Александровна, аспирант Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук, г. Екатеринбург. E-mail: luminosa.julia@gmail.com

Кислов Алексей Геннадьевич, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Института социальных и политических наук Уральского федерального университета, кандидат философских наук, доцент, г. Екатеринбург. E-mail: aleksey.kislov@list.ru

Коган Елена Викторовна, аспирант кафедры интегрированных коммуникаций факультета прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва. E-mail: elena.kogan@gmail.com

Коротина Наталья Юрьевна, заведующая кафедрой экономики и финансов Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, кандидат экономических наук, доцент, г. Челябинск. E-mail: korotina@rane74.ru

Костин Валентин Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: valentin.kostin@uapa.ru

Костина Наталия Борисовна, заведующая кафедрой теории и социологии управления Уральского института – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, г. Екатеринбург. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Кривошлыкова Марина Владимировна, старший преподаватель кафедры культурологии и русского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова. E-mail: krivoihlykovamv@mail.ru

Курбан Елена Николаевна, заведующая кафедрой культурологии и русского языка Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, кандидат искусствоведения, доцент. E-mail: kurban.elena2012@yandex.ru

Лесниковская Екатерина Викторовна, старший преподаватель кафедры американистики Иркутского государственного лингвистического университета. E-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Макарова Надежда Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Магнитогорского государственного университета. E-mail: makarovanadia@mail.ru

Нехамкин Валерий Аркадьевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, доцент. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Павлов Александр Валентинович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Панькин Игорь Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Уральского государственного университета физической культуры, Челябинск. E-mail: igor0303@mail.ru

Попов Владимир Дмитриевич, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и социальной коммуникации Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, г. Москва. E-mail: vladanin@mail.ru

Сергеев Андрей Борисович, доктор юридических наук, профессор кафедры теории права и уголовно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор, г. Челябинск. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Смирнов Геннадий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы. Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск. E-mail: aandg@inbox.ru

Смирнов Сергей Сергеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Челябинск. E-mail: sss45@inbox.ru

Сулакшин Степан Степанович, генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, доктор политических наук, доктор физико-математических наук, г. Москва. E-mail: editor@rusrand.ru, frpc@cea.ru

Усов Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Южно-Уральского государственного университета, доцент. E-mail: usov_vn@mail.ru

Федотова Александра Семеновна, аспирант Киевского Национального университета имени Тараса Шевченко, Украина. E-mail: A.Fedotova@sklaw.com.ua

Чернова Элина Григорьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова, доцент. E-mail: elincher@mail.ru

Шафиков Мунир Тагдирович, доктор философских наук, профессор кафедры философии Уфимского государственного авиационного технического университета, доцент. E-mail: philosugatu@mail.ru

AUTHORS OF THE ISSUE

Abramovskiy Aleksandr Andreevich, Head of Department of Theory of law and Criminal Law Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (History), professor. Chelyabinsk. E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Abramovskiy Andrey Petrovich, Doctor of Science (History), professor at the Department of Arts Theory and History of Chelyabinsk State University. E-mail: tp_upd_rane74@mail.ru

Borisov Sergey Valentinovich, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy at Chelyabinsk State Pedagogical University, Assistant Professor. E-mail: borisovsv69@mail.ru

Grabelnykh Tatiana Ivanovna, Head of Sociological Laboratory of regional issues and innovations, Professor at the Department of Social Philosophy and Social Studies at Irkutsk State University, Doctor of Science (Social Studies), professor. E-mail: tagr@bk.ru

Zhilina Vera Anatolyevna, Head of Department of Philosophy at Magnitogorsk State Technical University of G.I.Nosov, Doctor of Philosophy., Assistant Professor. E-mail: vera-zhilina@yandex.ru

Zaitsev Alexandr Vladimirovich, Candidate of Science (Philosophy), Assistant Professor at the Department of Philosophy and Political Science at Kostroma State University of N.A.Nekrasov. E-mail: aleksandr-kostroma@mail.ru

Ivanova Olga Ernstovna, Head of Department of Humanities and Socio-economic subjects at Chelyabinsk State Pedagogical University Miass branch, Candidate of Science (Philosophy), Assistant Professor. E-mail: 74oliva@list.ru

Kirichek Olga Alexandrovna, graduate student at the Institute of Philosophy and Law of Russian Academy of Science Ural branch. Yekaterinburg. E-mail: luminosa.julia@gmail.com

Kislov Aleksey Gennadievich, Head of Department of Ontology and Cognition Theory at the Institute of Social and Political Science at the Ural Federal University, Yekaterinburg, Candidate of Science (Philosophy), Assistant Professor. E-mail: aleksey.kislov@list.ru

Kogan Elena Viktorovna, graduate student of Integrated Communication at the Department of Applied Political Science at the National Research Center "Higher School of Economy", Moscow. E-mail: elena.kogan@gmail.com

Korotina Natalia Yurievna, Head of Department of Economy and Finance at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Science (Economy), Assistant Professor. Chelyabinsk. E-mail: korotina@rane74.ru

Kostin Valentin Alekseevich, Doctor of Philosophy, professor at the Department of Theory and Sociology of Management at the Ural branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor, Yekaterinburg. E-mail: valentin.kostin@uapa.ru

Kostina Natalya Borisovna, Head of Department of Theory and Sociology of Management at the Ural branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Social Studies), professor, Yekaterinburg. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Krivoshlykova Marina Vladimirovna, Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies and Russian Language at Magnitogorsk State Technical University of G.I.Nosov. E-mail: krivohlykovamv@mail.ru

Kurban Elena Nikolaevna, Head of Department of Cultural Studies and Russian Language at Magnitogorsk State Technical University of G.I.Nosov, Candidate of Science (Art Studies), Assistant Professor. E-mail: kurban.elena2012@yandex.ru

Lesnikovskaya Ekaterina Viktorovna, Senior Lecturer at the Department of American Studies at Irkutsk State Linguistic University. E-mail: elesnikovskaya@gmail.com

Makarova Nadezhda Nikolaevna, Candidate of Science (History), Assistant Professor at the Department of Russian History at Magnitogorsk State Technical University. E-mail: makarovanadia@mail.ru

Nekhamkin Valeri Arkadyevich, Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy at Bauman Moscow State Technical University, Assistant Professor. E-mail: nechamkin@rambler.ru

Pavlov Aleksandr Valentinovich, Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy at Tyumen State University. E-mail: av-pavlov@mail.ru

Pankin Igor Dmitrievich, Candidate of Science (History), Assistant Professor at the Department of Social Sciences and Humanities at Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk. E-mail: igor0303@mail.ru

Popov Vladimir Dmitrievich, Doctor of Philosophy, professor at the Department of Culture Studies and Social Communication at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor, Moscow. E-mail: vladanin@mail.ru

Sergeev Andrey Borisovich, Doctor of Science (Law), professor at the Department Theory of law and Criminal Law Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor. E-mail: sergeev_ab@bk.ru

Smirnov Gennadiy Sergeevich, Candidate of Science (History), associate professor at the Department of National administration and Legislative environment for national and municipal service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Chelyabinsk. E-mail: aandg@inbox.ru

Smirnov Sergey Sergeevich, Doctor of Science (History), professor at the Department of National administration and Legislative environment for national and municipal service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. Chelyabinsk. E-mail: sss45@inbox.ru

Sulakhshin Stepan Stepanovich, Executive Director at the Center for Problem analysis and State management design, Doctor of Science (Political Studies), Doctor of Science (Physics and Mathematics), Moscow. E-mail: editor@rusrand.ru, frpc@cea.ru

Usov Vladimir Nikolaevich, Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy and Sociology at South Urals State University, Assistant Professor. E-mail: usov_vn@mail.ru

Fedotova Alexandra Semenovna, graduate student at Taras Shevchenko National University of Kyiv, Ukraine. E-mail: A.Fedotova@sklaw.com.ua

Chernova Elina Grigoryevna, Candidate of Science (Philosophy), Assistant Professor at the Department of Philosophy at Magnitogorsk State Technical University of G.I.Nosov, Assistant Professor. E-mail: elincher@mail.ru

Shafikov Munir Tagdilovich, Doctor of Philosophy, professor at the Department of Philosophy at Ufa State Technical Aviation University, Assistant Professor. E-mail: philosugatu@mail.ru

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала «Социум и власть»

1. Автор направляет один экземпляр рукописи по электронной почте.

2. Текст статьи представляется на русском языке объемом не более 19.100 знаков без пробелов, включая сноски*. Файл должен читаться в формате Word 98/2000. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т.е. не вручную.

3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.

5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.

6. Название статьи указывается по середине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7. Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке. Количество источников не более 15.

8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 “Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления”.

9. Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10. Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

а) краткая (2–3 предложения) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;

б) ключевые понятия (не более пяти);

в) сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционно-экспертного совета журнала.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Плата за рецензирование и публикацию рукописей не взимается.

Контактная информация автора (адрес электронной почты) в журнале указывается обязательно.

Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.

Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308.

Тел. (351) 771-42-30

E-mail: kushtym@urags-chel.ru

* При отступлении от установленного объема статья может быть отклонена.

Requirements for articles and memos presented for publication in the SOCIUM AND POWER journal

1. The author will send one copy of the typescript by e-mail
2. The article will be sent in Russian. The article will be under 19,100 characters without spaces, including the bibliography.* The file will be in Microsoft Word 98/2000 format. The font will be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides will be 20 mm. The text must be justified with no line breaks. The text of the article or memo (including the title) will be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting will be done in light italics. All titles and subtitles will be done in bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) will be done in image editing software. All images must be numbered incrementally.
5. All numerical data will be done in tables. Each table will have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables will not have shortenings except for the unit names. The electronic versions of each table and image will be done in separate files.
6. The name of the article will be done centrally in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, their place of work and position, academic degree and rank (if applicable), city of residence will be done in the upper right corner over the article name.
7. The literature references will be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and as an alphabetized bibliography list at the end of the article. There will be fewer than 15 sources.
8. The references will be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules.»
9. The legal acts listed will quote the initial and latest edition.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification)
11. The author will note the agenda (specialization) of the article presented for publication
12. In addition to the text of the article the author will also present the following positions as a separate file in Russian and English:
 - a. Concise (2-3 sentences) annotation of the article with the name of the article, last name and initials of the author
 - b. Keywords (under 5)
 - c. Information about the author – Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work or study, degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).The articles or memos not complying with the aforementioned requirements will not be reviewed and/or published.

The publication of the received articles will be approved or declined within 3 months from the registration of the typescript at the editorial office. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.

The members of the journal's editorial board will review the articles.

The typescripts will not be returned.
The articles will be run through the "Antiplagiat" system.

By presenting the typescript of the article to the editorial, the author agrees not to publish that same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the "SOCIUM AND POWER" journal.

No charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail) will be quoted in the journal at all times.

The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.

Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 7 (351) 771-42-30
E-mail: kushtym@rane74.ru

*A paper may be rejected if the special size requirements are not satisfied.